

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

**Материалы
международной конференции
25–27 октября 2024 г.**

Москва
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
2024

УДК 811.161.1
ББК 81.2 Рус-67
А43

Редакционная коллегия:

О. Е. Кармакова — отв. редактор,
И. А. Букринская, С. В. Дьяченко, С. В. Князев,
Е. В. Колесникова, А. В. Малышева, А. В. Тер-Аванесова

Актуальные проблемы русской диалектологии.
Материалы Международной конференции 25–27 октября
2024 г. — М.: Институт русского языка им. В. В. Виногра-
дова РАН, 2024. — 256 с.

ISBN 978-5-7164-1433-4

DOI: 10.31912/dialekt_conf_2024

ISBN 978-5-7164-1433-4

© Коллектив авторов, 2024
Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, 2024

Содержание

<i>Н. Е. Ананьева.</i> Эпонимы в польских и русских диалектах	9
<i>А. Е. Аникин.</i> Две заметки по диалектной лексике (из работы над 19 выпуском «Русского этимологического словаря»).....	9
<i>А. В. Анцупова.</i> Конструкции с пропуском предлога <i>в</i> в говоре деревень Западнодвинского района Тверской области	11
<i>Т. Е. Баженова.</i> Лексико-семантическая группа «Кочковатое болото» в диалектах: структурная организация и ареалы	14
<i>Т. В. Бахвалова.</i> Лингвистические свидетельства восприятия времени в прошлом носителями орловских говоров	17
<i>Е. Л. Березович, Е. Э. Иванова.</i> Хозяин и хозяйка в горной мифонимии Урала	20
<i>Н. В. Большакова.</i> Псковский травелог XIX в. как источник диалектной лексики.....	23
<i>О. Г. Борисова.</i> Региональный словарь как источник изучения устной истории	26
<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова.</i> Московская школа диалектологии и лингвистической географии (К 60-летию публикации академического труда «Русская диалектология»).....	29
<i>Т. Н. Бунчук.</i> Библия как источник усть-цилемской народной фразеологии.....	33
<i>Ж. Ж. Варбот.</i> Народная этимология в русских диалектах и фонетические изменения	36
<i>Д. А. Вашичкова.</i> Многозначные названия помёта животных и птиц в южнокарпатских говорах.....	37
<i>Т. И. Вендина.</i> Лексическая дифференциация русских диалектов.....	40
<i>А. В. Войтенко.</i> Свойства и источники микропонимии Лотошинского района Московской области.....	43

<i>С. В. Волошина, Т. А. Демешкина.</i> Речевой жанр рассказа о случае (на материале речи сельских жителей Томской области)	47
<i>Е. А. Галинская.</i> Повтор предлога в южнорусских говорах.....	51
<i>Д. Н. Гальцова.</i> Наименования жилищно-хозяйственного крестьянского комплекса в воронежских говорах (синхронический и диахронический аспекты)	53
<i>Н. С. Ганцовская.</i> Костромские говоры центра в интерпретации проф. Н. В. Покровского: шахматовская программа исследования	56
<i>П. И. Горбунов.</i> Казачья речь: статус, современное состояние и перспективы развития	59
<i>С. В. Дьяченко, Г. П. Пилипенко, М. Н. Саенко.</i> Говор с. Юдино Подгоренского района Воронежской области.....	63
<i>С. В. Дьяченко, С. В. Князев, М. Пронина.</i> Предударный вокализм с. Роговатое	66
<i>Е. А. Жданова.</i> Названия диких животных в корпусе русских говоров Удмуртии.....	69
<i>В. А. Закревская.</i> Глаголы однонаправленного движения в архангельских говорах (об одной функциональной особенности)	72
<i>С. С. Земичева.</i> Количественно-именные словосочетания в хиславичском говоре (русско-белорусское пограничье).....	74
<i>Е. Н. Ильина.</i> Словарь диалектных корневых гнезд и аффиксальных парадигм: к проблеме комментария.....	77
<i>Дарья Йонийч.</i> Анализ Диалектологического атласа русского языка.....	79
<i>С. И. Иорданиди.</i> <i>Пятро</i> в диахронии и синхронии	81
<i>А. П. Каргина.</i> Приставочные глаголы с суффиксами <i>-ива-/-ыва-</i> в говорах камчадалов	83
<i>О. Е. Кармакова, И. А. Букринская.</i> Лингвокультурологический анализ диалектных текстов.....	87
<i>И. Б. Качинская.</i> Существительные склонения на <i>-о</i> , обозначающие лиц мужского и женского пола (по материалам архангельских говоров).....	90

<i>Л. А. Климкова.</i> Диалектный язык: ретроспектива и перспектива	93
<i>С. В. Князев.</i> Восходящий акцент в акающих говорах: восток — запад?	96
<i>И. А. Кобелева.</i> О диалектной фразеологии в аспекте фразеографии	102
<i>А. Ю. Козлова.</i> Статьи и этнографические записи крестьянина В. К. Влазнева как источник по исторической диалектологии	105
<i>А. Б. Кокконова.</i> Семантика общерусского глагола КИПЕТЬ в архангельских говорах	108
<i>А. Б. Колесникова.</i> В поисках мосальского яканья: исследование предупредного вокализма говоров Барятинского района	111
<i>Е. В. Колесникова.</i> Иностранные слова в говоре старообрядцев Южной Америки	114
<i>В. Б. Колосова.</i> К вопросу о роли первоисточников в лексикографировании диалектных фитонимов	117
<i>Е. В. Колосько.</i> Отражение культурных констант системы народных мифологических представлений в значениях устойчивых диалектных словосочетаний с компонентом ЧЁРТ	119
<i>М. М. Кондратенко.</i> Аксиологический аспект восприятия времени в севернорусской темпоральной лексике	122
<i>М. Д. Королькова.</i> «Вонифатіева тетрадь»: дневник ярославского кузнеца	124
<i>Л. Ю. Костина.</i> Тематическая специфика воспоминаний о матери (на материале устных рассказов носителя кубанских говоров)	126
<i>Н. А. Красовская.</i> Диалектная лексика во вторичной номинации: на материале выпуска «Животный мир» «Лексического атласа русских народных говоров»	129
<i>С. А. Крылов.</i> Симплиграфия и диалектология	131
<i>О. Ю. Крючкова.</i> Нестандартная лексика в диалектной речи: типы и функционирование	135

<i>В. С. Кучко.</i> Коллективные прозвища Поморского берега Белого моря	138
<i>Е. С. Лунькова.</i> Словообразовательная специфика производных существительных смоленско-белорусского пограничья.....	140
<i>А. П. Майоров.</i> Диалектные архаизмы и методика их идентификации	143
<i>А. В. Мальшева.</i> Модели управления глаголов осуждения и ссоры в русских говорах (по материалам диалектных словарей)	146
<i>Н. В. Маркова.</i> Литература на заонежском диалекте.....	150
<i>Т. Моррис.</i> Старовер Орегона: судьба, личность, язык.....	153
<i>Т. И. Мочалова.</i> Способы номинации абстрактных понятий в русских говорах на территории Республики Мордовия.....	156
<i>Т. И. Мурзаева.</i> Смешанные говоры Ершовского района Саратовской области.....	159
<i>С. А. Мызников.</i> К этимологии неисконной лексики в западнорусском пограничье.....	162
<i>В. В. Напольских.</i> <i>Безмен, басман и батман</i> в русских диалектах: этимология и история слова	165
<i>Г. Д. Неганова.</i> Экстралингвистические основы ландшафтной терминологии в говорах Костромской области.....	167
<i>Е. А. Нефедова.</i> Метеоним ДОЖДЬ: языковая и культурная семантика в говорах Русского Севера.....	170
<i>С. Л. Николаев.</i> Особенности склонения праславянских консонантных основ мужского рода в карпатоукраинских говорах	173
<i>Л. Н. Новикова.</i> Особенности диалектного словообразования (на материале тверских говоров).....	177
<i>М. К. Пак.</i> А. С. Пушкин и народная «золотая россыпь»	179
<i>И. В. Пантелеев.</i> Диалектные названия грибов, не вошедшие в «Словарь русских народных говоров»	182
<i>П. А. Пилипец.</i> Исследование ударного семифонемного вокализма в великодворском говоре (Тотемский район Вологодской области)	185

<i>Р. И. Попович.</i> К вопросу о материнской основе говора села Кунича (Республика Молдова)	188
<i>А. В. Приображенский, М. Д. Королькова.</i> Свод диалектных и региональных словарей и проблемы картографирования ландшафтной лексики	190
<i>В. А. Пыхов.</i> Славянские диалектные наименования ящерицы (ареалогический комментарий)	192
<i>Р. В. Ронько, А. Д. Анисимов, Е. А. Заливина, С. А. Землянская.</i> Лексика Программы ДАРЯ в деревнях Западнодвинского района Тверской области: микродиакронический анализ	197
<i>А. Е. Рулева.</i> Модальный модификатор ‘мочь’ как показатель потенциальной модальности: корпусное исследование.....	199
<i>И. И. Русинова, Ю. А. Шкураток.</i> Коми-пермяцкие заимствования в говорах Юрлинского района Пермского края.....	202
<i>Д. М. Савинов.</i> Редукция гласных до нуля в южнорусских говорах и ее лексикографическое представление	205
<i>М. Е. Солодягина.</i> Языковая личность уроженца вологодской деревни: опыт описания речевого портрета на материале рукописного архива.....	207
<i>А. Д. Ставрова.</i> Слот «средство лечения» и его вербализация в диалектной речи (на материале русских говоров Среднего Приобья).....	208
<i>О. Д. Сурикова.</i> Диалектное слово сквозь призму корпусной лингвофольклористики: проект словаря «Причитаний Северного края» Е. В. Барсова	211
<i>А. В. Тер-Аванесова.</i> К характеристике восточнорусской акцентуации прилагательных (на материале современных говоров)	214
<i>О. А. Теуш.</i> Диахронические истоки ойконимии Ивановской области	218
<i>М. Н. Толстая.</i> Падежные конструкции со значением времени в украинском закарпатском говоре	223

<i>П. Д. Третьякова.</i> Дифференцированное объектное маркирование в конструкциях с модальным предикатом <i>надо</i> в русских говорах.....	226
<i>О. В. Трофимова.</i> «Этнографические сведения о селе Долгоярском...» 1848 г. как источник по истории русских говоров на территории Тобольской губернии	230
<i>А. О. Филиппова.</i> Речевой жанр «отказ»: статус и место в народной речевой культуре	234
<i>Е. В. Цветкова.</i> <i>Кокуй, кукуй</i> в топонимии Костромского края	237
<i>Т. В. Шалаева.</i> К этимологии слова <i>скрозекозный</i> в «Причитаниях Северного края» Е. В. Барсова	240
<i>М. Н. Шевелёва.</i> Дателный принадлежности в древнерусских памятниках и в современных говорах	242
<i>Н. В. Шевченко.</i> Имена собственные в образовании прозвищ (на материале липецких говоров)	245
<i>Р. В. Ширшаков.</i> Функционирование именной флексии <i>-у</i> в говоре с. Ушинка Земетчинского района Пензенской области (синхронно-диахронический аспект).....	248
<i>Т. Е. Янко.</i> Русская просодическая инновация и ее западноевропейские и региональные аналоги	252

Н. Е. Ананьева
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Эпонимы в польских и русских диалектах

В докладе по материалам лексикографических источников рассматривается в сопоставительном аспекте ряд эпонимов польских и русских говоров. Анализ проводится как с точки зрения мотивирующих эти эпонимы онимов (антропонимы, включая агонимы, этнонимы, топонимы различного типа, при этом выделяется непосредственная мотивация и опосредованная), так и по образуемым эпонимами лексико-семантическим и тематическим группам (названия лиц, представителей растительного и животного мира, болезней, бытовых предметов и орудий труда и их частей, игр и др.).

Отмечается общее и различное между эпонимикой литературного языка и диалектного идиома. Рассматриваются также так называемые квазиэпонимы различного типа: без какого-либо воздействия онима — ср. русск. диалект. *турция* из *настурция* — и при наличии в процессе создания номинации влияния онима — ср. польск. диал. *kazimierowka* // *kazimierówka*, обозначающее шерстяной платок, где чуждая говору основа *kaszmir* ‘кашемир’ получила подобную форму под влиянием известного антропонима.

А. Е. Аникин
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Новосибирск, Россия)

Две заметки по диалектной лексике (из работы над 19 выпуском «Русского этимологического словаря»)

1. *ирень* ‘быстрина на реке’ тульск. [СРНГ 12: 208].

Нет особых сомнений, что *-рень* = *рень* ‘песчаная отмель, коса’ волжск. [СРНГ 35: 65], укр. *ринь* ‘крупный песок’, др.-рус. *ргнь* ‘отмель’, из **рѣнь*, родственного *река́*, *рой* [Фасмер 3: 470]. Начальное *и-* в *ирень*, видимо, протетическое.

Возможно тождество с гидронимом *Ирень* (левый приток Сылвы), названием реки с многими перекатами и довольно быстрым течением, преимущественно песчаным и галечниковым дном.

Из-за горького вкуса воды в Ирени, в которой растворено много извести, гидроним объясняют как тюркизм: ср. тат. *äyrän* (*äirän*) ‘айран, напиток из кислого молока’ (<https://uraloved.ru/reka-igen>), откуда рус. диал. *ирэнь, иря́н* [Даль 2: 47], см. [Фасмер 2: 138]. Такое объяснение гидронима может быть народной этимологией.

2. *úндала* ‘сухое место продолговатой формы, окруженное болотом’ Карел. [СРНГ 12: 197], *úндала, úндола* ‘топкое болотистое место’, ‘небольшая возвышенность, кочка на болоте’ карел., мурм., арх. [СРГК 2: 291], *úндола* ‘трясина, топкое место (как правило, на болоте), поросшее травой или мхом’, ‘окно воды на болоте’, ‘сухая возвышенность на болоте’, ‘низкорослый лес на болоте’, ‘край болота, заросший травой’ арх. [СГРС 4: 335–336].

Возможно, из *индава = рус. диал. *ендовá* ‘впадина от весенних вод в лугах, полях’, ‘котловина’ (названия этого типа для низинных рельефов распространены широко, особенно на пространстве от Поочья до Камы и Дона, [см. Топоров, Прусский язык 3: 50], далее к *ендовá* ‘старинная посуда для вина’, *ендола* ‘ковш’ и т. п. — балтийского происхождения, ср. лит. *indavà ‘посудина’, *indaujà* (*indáuja*) ‘множество посуды (на столе, в шкафу, на кухне и др.)’, ‘полка с отделами для ложек, посуды’, ‘корыто для засолки мяса и и др.’, *iñdas* ‘сосуд’ [см. подробнее РЭС 16: 346]. Переход от названий посуды в сферу рельефа [Толстой 1969: 228–229]. Интересно рус. *вендовá* (*виндовá*) ‘дыра в крыше двора, куда стекает вода к навозу’: *виндавой зовут индаву* подмоск. [СлГП₂: 72].

Трудность создает география *úндала*: приходится предположить раннюю диффузию балтизма далеко на Север (или ф.-угор. посредство?).

ЛИТЕРАТУРА

- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М., 1955
- РЭС — *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 16. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН, 2022.

- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеев, М. Э. Рут. Т. 1–7. Екатеринбург. 2001–2018.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6-ти т. / Гл. ред. А. С. Герд.. СПб., 1994–2004.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Т. 1–51. М.; Л./СПб., 1965–.
- СлГП₂ — *Войтенко А. Ф.* Словарь говоров Подмосковья. 2-е изд., испр. и доп. Вып. 1. М., 1995.
- Толстой Н. И.* Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М.: «Наука», 1969.
- Топоров В. Н.* Прусский язык: Словарь. М.: «Наука», 1975–1990.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / Перевод с нем. И предисловие О. Н. Трубачева. М., 1964–1973.

А. В. Анцупова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)

Конструкции с пропуском предлога *в* в говоре деревень Западнодвинского района Тверской области

В рамках исследования изучаются конструкции с опущением предлога *в*, выражающие пространственные и временные отношения, в говоре деревень Шетнево, Макеево, Пятиусово Западнодвинского района Тверской области (Псковская группа говоров < западные акающие среднерусские говоры [Захарова, Орлова 1970]).

В исследуемом говоре отмечены конструкции с пространственным, временным, посессивным и объектно-целевым значением, характеризующиеся необходимостью употребления предлога. Цель нашего исследования — сформулировать факторы, влияющие на пропуск предлога в конструкциях, выражающих пространственные и временные отношения.

- (1) *Ей было плохо Торóне.*
- (2) *А... sóрок вторóм я родилася.*

Исследование основано на материале устного корпуса говора д. Шетнево и Макеево [Ронько и др. 2022] и полевых данных автора, собранных в д. Пятиусово (Западнодвинский район, Тверская область) в 2024 г.

Известно, что в СРЛЯ имеет место фонетическая редукция предлога *в* в устной речи. В [Насырова 2022] отмечено, что интерконсонантная позиция увеличивает вероятность редукции.

Для проверки влияния фонетического фактора на пропуск предлога в изучаемом говоре были рассмотрены 91 пример беспредложных конструкций и 300 примеров аналогичных конструкций с предлогом. Во всех примерах падеж члена предложной группы определяется однозначно, т. е. отсутствие предлога не может быть обусловлено специфическим употреблением номинатива.

При помощи попарного статистического сравнения собранных данных с применением критерия χ^2 и поправки Бонферрони было установлено отсутствие зависимости пропуска предлога от артикуляционных характеристик левого контекста, интерконсонантной позиции и места/способа образования правого контекста, однако была обнаружена корреляция между пропуском и глухостью/звонкостью правого контекста, см. *Таблицу 1*.

Таблица 1. Пропуск предлога в зависимости от глухости/звонкости правого контекста

правый контекст	звонкий согласный	глухой согласный	гласный	всего
предлог пропущен	28 (30,77%)	58 (63,74%)	5 (5,49%)	91 (100%)
предлог не пропущен	127 (42,33%)	141 (47%)	32 (10,67%)	300 (100%)

Таким образом, пропуск предлога наиболее вероятен в позиции перед глухим согласным.

Ввиду наличия в изучаемом говоре конструкций с отсутствием предлога *в* в начале предложения есть основания полагать, что пропуск предлога нельзя объяснить лишь фонетическими причинами.

Так, в истории русского языка были утрачены конструкции с пространственным значением (преимущественно с топонимами), содержащие беспредложный локатив со значением пребывания внутри и аккумулятив со значением цели движения [Зализняк 2004], [Блинова 2010].

В изучаемом говоре представлено употребление беспредложных локатива и аккумулятива в аналогичных конструкциях.

(3) *Торóпце у нас есть, ээ, бухгалтерский, как он правильно называется...*

(4) *Это когда уже **Стáрую Торóпу** пошли.*

В Таблице 2 показана тенденция к пропуску предлога в конструкциях с топонимами (p -value = 0,022005, χ^2 = 5.2454).

Таблица 2. Пропуск предлога в зависимости от члена предложной группы в конструкциях с пространственным значением

член предложной группы	топоним	не топоним	всего
предлог пропущен	27 (57,45%)	20 (42,55%)	47 (100%)
предлог не пропущен	88 (39,29%)	136 (60,71%)	224 (100%)

Таким образом, пропуск предлога в конструкциях, выражающих пространственные отношения, в изучаемом говоре происходит преимущественно перед топонимами, что соответствует картине употреблений архаичных беспредложных конструкций.

В [Блинова 2010] также описано характерное для истории русского языка употребление конструкций с временным значением, содержащих беспредложный аккумулятив для обозначения «момента, в который происходит какое-либо действие, или промежутка времени, частично занятого действием», и локатив для обозначения «времени, не полностью занятого действием».

В изучаемом говоре наблюдается архаичное употребление временных конструкций с беспредложным аккумулятивом (преимущественно при указании на день недели совершения действия, регулярность его повторения) и с локативом (преимущественно при указании на год совершения действия):

(5) *Пя́тницу приезжа́ют, суббо́ту...*

(6) *Туда я ходила раз неде́лю.*

(7) *Она умерла **девяно́сто второ́м году́.***

(8) *Про́шлом году́ мне начали болеть суставы.*

Некоторые обобщения

1) Употребление беспредложных конструкций, выражающих пространственные и временные отношения, в рассматри-

ваемом говоре имеет общие черты с употреблением аналогичных конструкций в истории русского языка.

- 2) Вероятность пропуска предлога повышается перед глухим согласным, однако случаи отсутствия предлога нельзя объяснить только фонетической редукцией ввиду того, что на это явление влияют также другие факторы.

ИСТОЧНИКИ

Ронько Р. В., Азанова А. С., Бутенко З. А., Замбржицкая М. С., Марченко И. А., Мочульский Д. И., Цейтина Е. И., Волошина Е. Ю. Корпус деревень Шетнево и Макеево 2022. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН 2022, Москва (Доступен по ссылке: <http://lingconlab.ru/shetnevo/#!/>)

ЛИТЕРАТУРА

Блинова О. В. К вопросу о разграничении графической и грамматической мотивации употребления беспредложных сочетаний в грамотках XVII века // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, 2010. Т. 6. №. 2. С. 379–429.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. 2-е издание, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. 176 с.

Насырова Е. В. Редукция предлога «в» в русской устной речи // *Фонетический лицей*. Вып. 7. СПб.: Скифия-принт, 2022. С. 78–82.

Т. Е. Баженова

Самарский государственный
социально-педагогический университет
(Самара, Россия)

Лексико-семантическая группа «Кочковатое болото» в диалектах: структурная организация и ареалы

Лексический материал для картографирования отражает многочисленные диалектные наименования смежных реалий, характеризующих болотный ландшафт, в частности кочковатое болото.

В ЛСГ «Кочковатое болото» наибольшим индексом репрезентативности в говорах европейской части России характеризуются диалектные лексемы *кочковина*, *кочня*, *кочковатик* *кочковник*, *клочья*, *кочкарь*, *кочник*, *кочуха* и общеупотребительные лексемы *кочкарник*, *кочки*, *марь*.

Основу ЛСГ «Кочка на болоте» составляют диалектные лексемы *кочи*, *валушки*, *зарощина*, *хломки*, *сопки* и общеупотребительные лексемы *кочки*, *бугорки*, *холмики*, *холмы*.

В обеих ЛСГ преобладают диалектные однословные наименования. Наименования кочковатого болота обычно имеют мотивационную основу по их главному отличительному признаку — наличию торфяных кочек. Производящими основами лексико-словообразовательных дериватов могут служить как общеупотребительные лексемы *кочка* (*кочковина*, *кочки*, *кочкарник* и др.), так и диалектные *кloch* (*кlochья*, *кlochня*) и *кочь* (*кочня*, *кочник*, *кочурник*, *кочугурник*). В диалектах наименования кочковатого болота и болотной кочки часто являются полисемантами. Ср.: *Если болото кочковатое, зовём просто кочки. У нас в районе кочки (вологодские говоры, п. 82); Болота с кочками так и зовут: кочки. На кочки клюкву ходят собирать (московские говоры, п. 380); Кочковатое болото — кочки. Попал на кочки. В кочки ходят за ежевикой (воронежские говоры, п. 871)*. Семантические дериваты *кочки* ‘болотная кочка’ и ‘кочковатое болото’ отмечены нами в 28 пунктах; *коч*, *коча*, *кочи* — в 5 пунктах; в единичных случаях — *кloch* (*кlochь*).

Большое количество однословных наименований кочковатого болота и кочки на болоте связано отношениями лексической производности. Обычно это наименования с производящими основами *-коч-(к)-* и *-кloch-*. Так, словообразовательные дериваты *кочкарник* и *кочка* отмечены в 101 пункте, *кочковатик* и *кочка* — в 19 пунктах; *кочкарь* и *кочка* — в 8; *кочковатка* и *кочка* — в 5; *кочуха* и *кочка* — в 5; *кlochья*, *кlochь* ‘кочковатое болото’ и *кloch*, *кlochи* ‘болотная кочка’ — в 4 пунктах.

Номинативная асимметрия в обозначении смежных реалий кочковатого болота в говорах также возможна. Например, если *кочка* в говоре называется *кlochью*, *кlochом*, то болото с такими кочками называется описательно: *болото с кlochьями*, *кlochковатое болото*, *кlochливое болото*, *кlochеватое болото*, *кlochевастое болото*, *кlochеватое болото* (отмечено в 8 пунктах).

Во многих случаях однословные «болотные» наименования в рассматриваемых ЛСГ образуются от разных основ. Например, в говорах кочковатое болото называется *марь*, а наименования кочек при этом могут быть очень разнообразными: *баулдурун*, *булду́н*, *холм*, *холма́к*, *хо́лмик*, *хломо́к*, *валу́н*, *валю́шка*, *грудо́к*, *зарбщина*, *грём* — но чаще всего называются *кочками* или не имеют названия вообще.

Отсутствие односложного наименования в рассматриваемой ЛСГ более вероятно в части гиперонимов. Например, в случае если кочка на болоте называется *куп*, *ку́па*, *ку́пка*, *ку́пина*, однословное наименование кочковатого болота обычно отсутствует (*купини́стое болото*), реалия в целом имеет общее наименование *болото*.

Такое разнообразие тельмографических наименований в части гипонимов соответствует описательным оборотам в литературном языке (*болотная кочка*, *кочка на болоте*). В диалектном дискурсе человек стремится к использованию в речи однословных наименований с прозрачной внутренней формой, избирательно отмечая в данном случае характеристики жизненно важной природной реалии.

Лексема *кочковáтик* 'кочковатое болото' чаще всего встречается в говорах северного наречия (плотный ареал ее отмечен на территории Вологодской и Костромской областей) и среднерусских говорах Московской и Нижегородской областей.

Диалектные лексемы *кло́чь*, *кло́чни*, *кло́чья* и *кlochё* 'болотная кочка' встречаются только в говорах западной зоны и в севернорусских говорах на территории Республики Коми, Карелии, Архангельской области.

Ареал диалектной лексемы *ма́рь* 'кочковатое болото' находится в центральной и восточной зонах и включает территории Владимирской, Костромской, Ивановской, Нижегородской, Воронежской, Волгоградской, Рязанской областей, Пермского края, Башкирии и Удмуртии.

Отсутствие в литературном языке однословных наименований смежных реалий является причиной проникновения севернорусской терминологической лексики в говоры южных территорий и в научную терминологию. Севернорусская гидрографическая терминология активно функционирует на всей территории европейской

части России в говорах любой типологии, включая периферийные переселенческие говоры. В отношении «речной» терминологии А. А. Соколова приводит такое объяснение: «Народная терминология формировалась в условиях, когда реки были главными путями сообщения и промысловыми угодьями, что способствовало распространению севернорусской терминологической лексики» [Соколова 2017: 91]. Наименования кочковатого болота, имеющие севернорусское происхождение, служат обозначением реалии в её «классическом» варианте на северных территориях, поэтому свободно проникают в географическую терминологию всех говоров для обозначения сходных разновидностей природного ландшафта других территорий.

ЛИТЕРАТУРА

Соколова А. А. Народная географическая терминология говоров русского старожильческого населения Арктики как объект культурного наследия // Россия в глобальном мире. 2017. № 10 (33). С. 89–100.

Т. В. Бахвалова

Орловский государственный университет
им. И. С. Тургенева
(Орел, Россия)

Лингвистические свидетельства восприятия времени в прошлом носителями орловских говоров

Вся трудовая жизнь сельского жителя издавна характеризовалась строгой ритмичностью, связью с природными циклами. Это относится к организации практической деятельности как в течение года, так и в течение ежесуточного дневного времени, когда разные виды работ поочерёдно сменяют друг друга.

На основе разнообразных хозяйственных дел и наблюдений над окружающим миром формировались знания и представления человека о времени.

Эффективность, успех выполнения тех или иных важных, особенно для жителя деревни, дел во многом зависели от учёта суточного времени. Хорошо известно, что в основе членения его на

периоды лежит перемещение солнца по небосводу от горизонта к горизонту, а также смена интенсивности освещения естественными источниками света.

Степень подъёма солнца над линией горизонта определялась по материальным приметам, отчётливо воспринимаемым зрительно, постоянным и устойчивым. Обычно это были статические природные объекты — деревья, чаще всего в этих целях использовался дуб как самое высокое, долговечное, заметное дерево, к тому же считавшееся священным.

С появлением часов утратилась потребность определять время по природным ориентирам, исчезли из активного использования носителей говоров и употреблявшиеся в прошлом сочетания, приёмы обозначения суточного времени. Однако тексты художественных произведений, описывающие жизнь орловского крестьянина на рубеже XIX и XX вв., а также живые народные говоры сохранили древние, архаичные способы обозначения дневного времени.

Интересно, что в произведениях разных писателей-орловцев встречаем одно и то же устойчивое словосочетание *на три дуба*, называющие положения солнца на подъёме (утреннее время) и на закате (вечернее время).

Так, в рассказе «Натали» И. А. Бунина читаем:

— *Нет, братец, меня в эту пору в спальне не найдешь. Это ведь вы валяетесь по кроватям до трех дубов. Я поцеловал его широкую сухую руку и просил:*

— *Каких дубов, дядя? — Так мужики говорят, — ответил он, мотая седым коком и оглядывая меня желтыми глазами, еще зоркими и умными. — Солнце на три дуба поднялось, а ты все еще мордой в подушке, говорят мужики.*

В «Повести о днях моей жизни» И. Вольнова речь идёт уже не о поднимающемся, а о склоняющемся к горизонту дневном светиле: *Запрягли лошадь снова только перед вечером, когда солнце стояло на три дуба от заката.*

Употребление одного и того же выражения в приведённых контекстах говорит об использовании его по отношению к солнцу, находящемуся на определённом градусе подъёма по отношению к линии горизонта. Обозначаемое же им время световых суток было не одинаково в разные месяцы: в июне солнце поднимается раньше, быстрее, садится медленнее, дольше не уходит за горизонт.

Положение солнца показывало не точное время, как часы, а скорее свидетельствовало о том, что пора выполнять тот или иной вид хозяйственной деятельности, осуществлять те или иные действия, ср. зафиксированное в 1900 году на Орловщине выражение *солнце на ели, а мы ещё не ели*.

Дневное время определялось и по другим естественным приметам. С движением солнца по небосводу меняется степень и характер освещённости и, как следствие, величина тени от предметов. Объём тени с изменением высоты дневного светила на небе, с уменьшением угла падения света увеличивается. Для её характеристики привлекались привычные, используемые в хозяйственной деятельности реалии, размер тени измерялся шагами. Всё это позволяло достаточно точно определить величину тени, а значит, узнать, сколько же в данный момент времени: *Когда выросла в четыре шага тень от сохи и перестали кусаться мухи, захотелось есть* (И. Вольнов).

Так незримое время благодаря познавательной деятельности и наблюдениям сельского жителя над окружающей природой (солнце на небе, тень от его освещения на земле, поведение насекомых, жизнь растительного мира и др.) оказалось незаменимым ориентиром в суточном ходе времени.

Как видим, по местоположению дневного светила на небе и величине создаваемой им тени на земле определялось (условно говоря) точечное суточное время.

По-другому обозначался период в суточном времени. Не было часов, по которым можно было ограничить временной промежуток, во время которого совершается то или иное действие. Народная смекалка, наблюдения над окружающим миром помогали соотнести зрительно видимые, наглядные действия, происходящие ограниченный промежуток времени, с процессами, протекающими скрытно от глаз, успешность которых определяется временными рамками. Подтверждением этому является записанный в середине XX века на Орловщине диалектный текст:

Теперь вот у каждывъ щасы есть, хлел па щисам вынимають. А тада щасов ни у каво не была. Штоп знать, када надъ вынуть ис пецки хлел, када яво сажают на пот, аставляют малинькай кусоцик теста и апускають у воду. Када этът папытух у ваде ръзайдѣтса, знацишь, пара вынать хлел.

Будучи важным регулятором и организатором хозяйственной деятельности сельского человека, незримое, невидимое время получает лингвистическое выражение в устойчивых словосочетаниях, описательных конструкциях. В основе языкового обозначения точного времени в народных говорах, как показывают диалектные материалы Орловщины начала-середины XX века, мировосприятие носителей говоров, знание особенностей привычных реалий, действий и их метафорическое осмысление.

Е. Л. Березович, Е. Э. Иванова

Уральский федеральный университет
им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Хозяин и хозяйка в горной мифонимии Урала¹

Хозяин и хозяйка гор (недр) — центральные персонажи уральского горнозаводского фольклора и верований. Они не только охраняют подземные богатства, но и регламентируют всю жизнь на подвластной территории и распоряжаются сокровищами по своему усмотрению.

Наименования *хозяин, хозяйка* (с дериватами) широко фиксируются и за пределами горняцких верований — в «крестьянской» мифонимии. Эти номинации эвфемистичны, что подчеркивается, в числе прочего, использованием слова *хозяин* по отношению к другим объектам действительности, чьи обозначения табуизируются (например, олон., влг., свердл., перм. *хозя́ин* ‘медведь’ [СРНГ 51: 137], употреблением изучаемых слов с ласкательными «задабривающими» суффиксами (влг. *хозяюшко*, арх. *хозяйнушко*), обеспечивающими своеобразную «двойную» эвфемизацию и проч. В СРНГ для подобных слов предлагается следующая общая дефиниция — ‘по народному поверью, дух — властитель (властительница) над явлениями и объектами окружающего мира’. Совокупная география этих лексем выглядит так: *хозя́ин* — новг., сиб., якут., амур., сев.-вост., енис., вост.-сиб., смол., арх., влг., се-

¹ Исследование выполнено в рамках проекта «Взаимодействие культурно-языковых традиций: Урал в контексте динамики исторических процессов», финансируемого Минобрнауки России (номер темы FEUZ-2023-0018)

вер., петрогр., ленингр., яросл., моск., тул., курск., орл., калуж., тамб., ворон., сарат., терск., дон., кубан., симб., перм., чкал., иркут., сиб., ряз. [СРНГ 51: 137–139], *хозяйка* — якут., влг., арх., мурман. [Там же: 144].

Хозяева выделяются преимущественно у «культурных» объектов (дом, двор, баня, овин и т. п.); что касается природных локусов, то «хозяйские» номинации, насколько помогают установить словарные дефиниции, фигурируют в следующих говорах: влг., арх., мурман., якут., амур., енис., вост.-сиб., смол., ленингр., новг. [Там же: 137–139, 144]. Это говоры Русского Севера и дочерние по отношению к ним говоры Сибири и Дальнего Востока; единично встречаются смоленские диалекты. Что касается гендерного аспекта, то обозначение мужского персонажа распространено во всех основных группах русских говоров, женский встречается гораздо реже и локализуется только на Русском Севере и в Якутии.

Образы *хозяев* гор и подземных богатств, отмеченные на Урале и выраженные номинациями *хозяин* и *хозяйка*, возникли, по всей видимости, на основе крестьянских верований о духах природных локусов. Активность этих образов объясняется природными факторами — рельефом, обилием минералов и руд.

Хозяйка — самый распространенный горный мифоним, запечатленный в среднеуральской лексике и фразеологии, связанных с добычей и обработкой минералов: *да поможет тебе хозяйка / хозяйка в помощь / пусть хозяйка будет благосклонна* — ‘благопожелание горщику’, *пустить славу на хозяйку* ‘объяснить происшествие чудесным содействием хозяйки’, *хозяйка зеркало разбила* ‘о сдвиге горных пород, который привел к образованию зеркала скольжения’; ср. также номинативные сочетания — ср.-урал. *слезы хозяйки (хозяйкины слезы)* ‘щетка диоптаза’, ‘родник, пробивающийся в разрабатываемом шурфе’, *коса хозяйки* ‘нарост, похожий на косу, на деревянных опорах в шахте’, *золотые волосы хозяйки* ‘жилки золота’, *камень хозяйки* ‘малахит’, *мастер от хозяйки* ‘старый мастер, знающий секреты обработки камня’. Об увлечении минералами: *хозяйка краешком платья зацепила, хозяйка по голове ударила*. [ЛТЭК]. Часто в среднеуральских говорах встречается сочетание *хозяйка водит* [ЛТЭК], обозначающее ситуацию, при которой человек не может найти дорогу или нужное ему место под воздействием, как правило, нечистой силы, ср. новг., влг., карел.,

калуж., томск. *водить* ‘в суеверных представлениях — заставлять плутать, блуждать (о нечистой силе)’ [СРНГ 4, с. 337], ср.-урал. *водитель* ‘леший’ [ЭИС 5: 152].

Представления о принадлежности хозяйки к миру сверхъестественного иллюстрируются и тем, что ее имя подвергалось «вторичной» табуизации, заменяясь местоимением *Она* [ЛТЭК]. П. П. Бажов для номинации Хозяйки Медной горы использовал другой эвфемизм — *Сама*, ср. подобные эвфемизмы для обозначения домашних духов: яросл., зап.-сиб., юж.-сиб. *сам* ‘домовой’, смол. *сама* ‘жена домового’ [СРНГ 36: 72]. Употребление лексемы *сама* в качестве эвфемизма поддерживается ее значением в уральских говорах: *сама* — ‘хозяйка’: «Я с четырнадцати лег *самой* была. Дедушко, бывало, всё говорил: “Сама, иди корову доить”» [ЭИС 3: 93].

Мифоним *хозяин* встречается гораздо реже, наиболее явно он фиксируется в южноуральском фольклоре: *хозяин золота, хозяин меди и железа, хозяин шахты*. Преобладание номинации *хозяин* в преданиях Южного Урала объясняется, вероятно, тем, что это зона мощного культурного татарско-башкирского влияния, а тюркская традиция характеризуется безусловной главенствующей ролью мужчины в доме и семье. Также образ *хозяина* встречается на Среднем Урале в зонах исторического проживания старообрядцев: в Нижнем Тагиле, в с. Мурзинка. Это *хозяин недр, хозяин горы или хозяин копи*. Мифоним *хозяин* реже встречается в номинативных сочетаниях: *хозяин дал (не дал) камней* ‘об удачной (неудачной) разработке копи’, *хозяин наказывает* ‘о неудачах горщиков’ [ЛТЭК].

Итак, на Урале дух гор представлен прежде всего женским образом. Помимо социально-культурных причин (отрыв горщиков и старателей от женского общества, влияние сказов Бажова) есть и более глубокие истоки — идея земли, «рождающей» минералы и металлы, должна была воплотиться именно в женском образе.

ЛИТЕРАТУРА

ЛТЭК — картотека «Лексика, топонимия, этнография камня» (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).

СРНГ — Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина (вып. 1–22). Ф. П. Сороколетова (вып. 23–42), С. А. Мызникова (вып. 43–). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.

ЭИС — *Востриков О. В.* Традиционная культура Урала : этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области : в пяти выпусках. Екатеринбург : Свердловский областной Дом фольклора ; Уральское литературное агентство, 2000. Вып. 3: Народная эстетика. Семья и родство. Вып. 5 : Магия и знахарство. Народная мифология.

Н. В. Большакова

Псковский государственный университет
(Псков, Россия)

Псковский травелог XIX в. как источник диалектной лексики¹

Под «псковским травелогом» понимается комплекс опубликованных путешественниками текстов, написанных в жанре путевого очерка о Псковском крае. XIX век стал периодом, когда в обществе проявился интерес к особенностям народного быта, духовной культуры и народной речи, что выразилось в первую очередь в собирании и накоплении историко-этнографического материала. Тогда же начал формироваться образ Пскова как значимого локуса в национальном культурном сознании. Тексты путевых заметок (путевых писем), созданные различными авторами как результат непосредственного наблюдения, дают возможность воссоздать объемную картину одного из исторических периодов прошлого Псковской земли. Мы располагаем сведениями о немногим более десяти публикаций (в основном в периодической печати) путевых очерков периода XIX в., авторами которых были как общеизвестные в истории русской культуры личности, так и люди, имена которых либо незаслуженно забыты, либо мало знакомы в настоящее время.

Народная речь отражена в изучаемых произведениях неравноценно. Многие тексты, посвященные социальным, экономическим и историческим аспектам, лишены каких-либо местных речевых особенностей. В настоящей работе выделим лишь те произведения, авторы которых воспроизводят народную лексику.

---

¹ Исследование выполнено при поддержке РГО в рамках проекта № 22_2024-Р.

Так, Д. И. Мацкевич, интересовавшийся главным образом историческим прошлым Пскова и описавший свои впечатления от посещения пушкинских мест, в одном из двух очерков [Мацкевич 1848] приводит местные названия ветров, известных на Псковском озере, к сожалению, вне контекстов и без объяснения семантики. В то время как Н. К. Отто [Отто 1861] и особенно П. И. Якушкин [Якушкин 1986, первая публикация 1859 г.] записывали целые диалоги и монологические высказывания псковских местных жителей — крестьян, рыбаков, ямщиков, горожан. По материалам двух последних источников мы составили словарики, которые характеризуют народную речь местных жителей к северу от Пскова, а также районов Печор и Изборска. Приведем некоторые примеры лексики, отражающей различные стороны крестьянской жизни:

БЕГАТЬ: $\diamond$ *Мальчишкой бегать.* Находиться в детском возрасте. *Стены имнили <...> еще я помню, имнили для знаку, чтоб знак был.* {«Давно», — спросил я его [крестьянина].} *Давно, я еще мальчишкой бегал.* Отто 8/1.

БОЛОТО: $\diamond$ *Мхи да болота.* О низкой, заболоченной местности. *Чинили [дорогу], да опять бы справить надо: гон вишь тоже большой бывает, а место теплое, низкое, кругом мхи да болота. Трубу бы сделать, так стало бы не в пример лучше.* Отто 7/2.

ЧУХНА, собир. Православный финно-угорский народ. *А оттого вишь, что это уж не наши <...> русская, все чухна живет. И вот в этой стороны чухны хошь в нашу церковь русскую ходят, да по-русски мало понимают, а тоже по-нашему молятся.* Отто 7/2-3.

ВЗДЫМАТЬ, несов., что. Делать (землю) мягкой и легкой, разрыхлять. *А лебастр нынче в цене: в Лифляндии много берут для земли: вздымает — назему класть не надобно!* Якушкин 98.

ПОВЕТРЬ, и. Попутный ветер. *Провозился я с Ванькой часа четыре, поветрь и прошла, и простоял я девять суточек, ровно девять суток. А работникам ты все-таки плати. <...> тянутся, коли поветри нет, паруса ставить нельзя <...>* Якушкин 99 {Во сколько времени можно доехать до Юрьева?} *Как бог даст: коли хорошая поветрь, в неделю добежишь.* Якушкин 100.

Путевые письма П. И. Якушкина, благодаря количеству и разнообразию записей народной речи, уже вошли в состав источников «Псковского областного словаря с историческими данными» [ПОС].

Важно заметить, что в очерках указанных авторов имеется ряд тематических схождений, тем интереснее сравнить лексику совпадающих тематических групп. Так, в текстах Д. И. Мацкевича и П. И. Якушкина выделяется группа названий ветров в связи с особым хозяйственным значением водных ресурсов Псковско-Чудского водоема. Авторы отмечают соответственно шесть и восемь наименований ветров по их направлению, бытовавших в речи местных жителей в 40–60 гг. XIX в., причем между зафиксированными двумя авторами названиями нет полного совпадения [Большакова 2018]. Н. К. Отто и П. И. Якушкин посвящают специальные фрагменты снетковому промыслу и промыслу другой мелкой рыбы в устье р. Великой и на Псковском озере. Массовый лов, сушка и сбыт мелкой (в том числе недорослой) рыбы под названиями *собольки*, *хохлики*, *хохолки* или *малявки*, являлся промыслом, не менее известным в прошлом, чем снетковый.

Среди общих тем Н. К. Отто и П. И. Якушкина — сами места пребывания (Псков, Изборск, Печоры), природный ландшафт, селения, впечатления от встреч с местными жителями; обоих интересуют промыслы; оба проявляют интерес к межэтническим отношениям в этих местах. Особый интерес в связи с этим представляют этнонимы *полуверцы* и *чухна*, являющиеся наименованиями православного финно-угорского народа *сето*, издавна жившего в соседстве с русскими в Печорском крае.

ЛИТЕРАТУРА

- Большакова Н. В. Псковщина в путевых заметках XIX века (этнокультурные и природные реалии в аспекте диалектной речи) // Притяжение Севера: язык, литература, социум [в 2 ч.]: материалы I Международной научно-практической конференции [Электронный ресурс]. Ч. 1. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. С. 190–199.
- Мацкевич Д. Святогорский монастырь и сельцо Михайловское // Северная пчела. 1848. №№ 212–215.
- Отто Н. К. Поездка в Псков и его окрестности // Северная пчела. 1861. №№ 162–175.
- Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–28 / под ред. Б. А. Ларина [и др.]. Л. / СПб.: ЛГУ / СПбГУ, 1967–2020.

Якушкин П. И. Путевые письма. П. Из Псковской губернии // Якушкин П. И. Сочинения / вступ. статья и коммент. З. И. Власовой. М.: Современник, 1986. С. 95–153. Первая публикация: Якушкин П. И. Путевые письма. Из Псковской губернии // Русская беседа. 1859. Т. V, кн. 17.

О. Г. Борисова

Кубанский государственный университет
(Краснодар, Россия)

Региональный словарь как источник изучения устной истории¹

Одной из особенностей современных научных исследований является мультидисциплинарный подход. Тесное взаимодействие таких гуманитарных наук, как история, лингвистика, культурная антропология, социология и др., обусловило появление интереса к субъективной реконструкции событий прошлого, что, в свою очередь, привело к формированию самостоятельной исторической дисциплины — устной истории, объектом изучения которой выступает действительность, отраженная через человека в истории, путём организации бесед с непосредственными участниками или свидетелями событий прошлого. Следует отметить, что еще в советский период диалектологи во время полевых экспедиций, помимо собственно языковых фактов, фиксировали рассказы-воспоминания носителей говоров. Одним из первых ученых, обративших внимание на необходимость записывать развёрнутые повествования, был Л. Л. Касаткин. И уже многие десятилетия диалектологи в процессе реализации своих профессиональных задач выступают одновременно и собирателями данных для устной истории, что признается и историками [Нахимовский 2021] Включение фрагментов воспоминаний диалектоносителей в иллюстративную зону регионального словаря делает такое лексикографическое издание ценным источником для изучения устной истории.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда в рамках проекта № 24-28-20008. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20008, <https://rscf.ru/en/project/24-28-20008/>

Следуя идеям антропоцентризма, многие составители региональных словарей стремятся не только представить лексикографическое описание лексической единицы, но и отразить в иллюстративной зоне историко-культурный контекст. Указанный подход реализуется в книге О. Г. Борисовой «Опыт словаря кубанских говоров» [Краснодар, 2018], представляющей собой словарь дифференциального типа, включающий лексику и фразеологию кубанских говоров с южнорусской и украинской языковой основой. Базовой иллюстративной единицей в «Опыте...» являются лексорассказы — «микротексты, содержание которых направлено на семантизацию, лингвистическую и экстралингвистическую презентацию <...> языковой единицы, а также на создание общего этнокультурного фона словарной статьи» [Борисова 2019: 13]. Большинство лексорассказов представляют собой отрывки воспоминаний носителей говоров — источники устной истории.

В содержательном плане лексорассказы обнаруживают тематическое разнообразие. Представим некоторые рубрики тематической панорамы, моделирующие фрагменты прошлого: 1) **коллективизация** (о раскулачивании; о том, как власть отбирала у людей продукты, как люди пухли и умирали от голода, как хоронили умерших, что ели в голод (1932–1934 гг.), как в голод зимой собирали оставшиеся в степи початки кукурузы, зерно из нор полевых мышей, как питались падалью, как выжили в *голодовку*, как голод менял самосознание людей); 2) **колхозное строительство** (о том, как люди вступали в колхозы, как в колхозе кормили по труду, о негативном отношении к колхозам, о появлении первой техники); 3) **Великая Отечественная война** (о том, как провожали на фронт, как выживали во время войны; как немцы бомбили станицы и стреляли в людей; как гибли люди, как помогали фронту, о немецких и румынских оккупантах, о зверствах оккупантов, о том, как прятались от немцев, как немцы грабили людей, как некоторые немцы проявляли человечность, как немцы отступали, о победе в Великой Отечественной войне); 4) **работа в колхозе в советский период** (о жестости колхозного труда, о работе в степи, о работе в огороднической бригаде, о прополке, о работе в животноводстве и птицеводстве, об организации труда и быта колхозников) и др.

Региональная устная история транслируется в лексорассказах-воспоминаниях о **казачьем укладе прошлого**: земельных отношениях в казачьих станицах, об общественных отношениях в каза-

чьих станицах, о социальном и имущественном неравенстве, о том, как казака снаряжали на службу, о казачьем семейном укладе, как казаки вели единоличное хозяйство, как казаки оценивали жизнь до революции, об употреблении казаками алкоголя).

Приведем отдельные лексорассказы, относящиеся к данной рубрике: *А ра́ньшэ було́ ось як: на ка́ждого сы́на дава́лы зи́млю, свий пай був. Ось бога́то сынови́й було́ — бога́то було́ и зимли́. А у ко́го дивча́та булы́, той зимли́ нэ ими́в. Цэ було́ тикэ́ у казаки́в, а городовыки́ цёго́ нэ ими́лы* (ст-ца Елизаветинская). *Дед мой ще тут жы́л. Булы́ у на́с и зе́мли: име́ли пайку́ свою́ у стэпу́, и лошаде́й, и ха́ту, ниче́м ни нужда́лись. Ма́буть, лу́че самого́ царя́ жы́ли* (ст-ца Марьянская). *По́мню, как ради́тили разгавари́вали: «Шли таки́и, и ана́ прёцца папэ́рэди, а он вэди».* *Ну как-та ни при́нята так бы́ла. Каза́к, мущи́на до́лжын итти́ папэ́рэди* (ст-ца Пластуновская). *На стэпу́ и си́ялы, и ночува́лы. У ди́да ко́нэй, коро́в бога́то було́. И мы ф стэпи́, и скоты́на ф базу́ до моро́зів* (ст-ца Сергиевская). *Була́ ще у станы́ци бра́цька ха́та, так йи́и́ называ́лы. Цэ значить, шо цю́ ха́ту робы́лы уси́ гурто́м... А пото́м, як постро́ять, так та́м була́ або́ шко́ла, або́ яки́ станы́чни собра́ння збыра́лы, та и молоди́ прыхо́дылы сюды́ на гуля́нки* (ст-ца Старовеличковская).

Следует отметить, что в лексорассказах «Опыта...» содержатся разнообразные виды информации — содержательно-фактуальная, содержательно-концептуальная и оценочно-эмоциональная.

Таким образом, корпус лексорассказов словаря, в которых реконструируется мир прошлого и отражается духовная и материальная культура старожильческого населения Краснодарского края, транслирует воссозданную носителями говоров историю отдельной семьи, диалектного сообщества и страны в целом.

ЛИТЕРАТУРА

- Борисова О. Г. Лексика и фразеология кубанских говоров как макросистема: модель и её реализация: дис. ... д-ра филол. наук / Кубанский гос. ун-т. Краснодар, 2019.
- Нахимовский А. Д. Устная история снизу. Материалы к устной истории русских крестьян в XX веке // Крестьяноведение. 2021. Т. 6. № 1. С. 271–274. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustnaya-istoriya-snizumaterialy-k-ustnoy-istorii-russkih-krestyan-v-hh-veke> (дата обращения 14.03.2024).

И. А. Букринская, О. Е. Кармакова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

Московская школа диалектологии и лингвистической географии

(К 60-летию публикации академического труда
«Русская диалектология»)

60 лет тому назад вышла в свет академическая «Русская диалектология» [1964], авторами которой были Р. И. Аванесов, С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова, К. Ф. Захарова, И. Б. Кузьмина, О. Н. Мореховская, Е. В. Немченко, В. Г. Орлова, Т. Ю. Строганова. Целью ее явилось всестороннее детальное описание русского диалектного языка, а также исследование структурно-территориальной дифференциации русского диалектного континуума на территории ранней восточнославянской колонизации. Этот труд можно расценивать как результат работы над региональными атласами, к этому времени в основном завершёнными.

В составе монографии впервые было опубликовано новое «Диалектное членение русского языка», разработанное К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой, которое существенно отличалось от предшествующего, показанного на «Диалектологической карте русского языка в Европе» 1915 г. Московской диалектологической комиссии (МДК).

В исследовании «Русская диалектология» еще раз были сформулированы фундаментальные понятия московской школы диалектологии, такие, как диалектный язык, понимаемый как конструктор, диалектные различия (вариативные звенья структуры диалектного языка) и междиалектные соответствия, см. подробнее [Пшеничникова 2008]. Все эти принципы успешно использовались при составлении сводного Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ 1, 2, 3). Так, при картографировании авторы исходят из того, что иерархия языковых черт должна быть передана с помощью иерархии знаков, при этом исследователем устанавливаются главные и сопутствующие противопоставления на картах всех языковых уровней. Отражение получают не все сведения, зафиксированные собирателем, но лишь ареально существенные, те, которые дают значимую с точки зрения лингвогеографии картину.

Аналогичные методы были использованы при создании белорусского диалектологического атласа (ДАБМ), а также атласов территорий позднего заселения (вторичные говоры): «Атлас русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья» Л. И. Баранниковой, «Атлас русских говоров Башкирии» З. П. Здобновой и др. На материале ДАРЯ был составлен школьный диалектологический атлас «Язык русской деревни», который популяризирует знание о народном языке и традиционной культуре.

После издания всех трех национальных диалектологических атласов — русского, белорусского, украинского — С. В. Бромлей был задуман проект «Восточнославянские изоглоссы» [Бромлей 1985], который не был осуществлен в полном объеме, вышли в свет лишь 4 выпуска под редакцией Т. В. Поповой. Авторы рассматривают восточнославянский континуум как самостоятельный, целостный объект лингвогеографии, отбирая для анализа те явления, которые существенны для сравнительной характеристики восточнославянских диалектов, определения их контактов, а также для установления архаических и инновационных зон [Попова 2017].

В рамках восточнославянской проблематики продолжают исследования русско-белорусского пограничья [Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2008; 2017] и территорий, на которой соседствуют украинские и южнорусские говоры (С. В. Дьяченко и сотрудники Инслава РАН).

Автоматизация диалектологических исследований, а именно создание Автоматизированного варианта ДАРЯ (АВ ДАРЯ) позволило Н. Н. Пшеничновой создать структурно-типологическую классификацию русских говоров в конце 90-х годов. В этой работе говоры классифицируются вне территории, т. е. на каждом уровне деления определяется их принадлежность к какой-либо классификационной единице только по сходствам и различиям учитываемых признаков и лишь после такого разбиения его результаты проецируются на карту. Типологическая классификация определяет русское диалектное пространство как дискретно-континуальное: «...в русских говорах при наличии в них однородных групп говоров разных диалектных типов границы между этими группами на всех классификационных уровнях неопределенны, как бы размыты...» [Пшеничнова 2008: 172–173]. Новым в классификации Н. Н. Пшеничновой явился факт четкого выделения на первом уровне раз-

биения Севернорусского, Южнорусского и Западнорусского диалектного типа и среднерусских говоров.

В настоящее время совершенствование методов диалектронетрии при исследовании русского и восточнославянского языкового ландшафта продолжает группа под руководством сотрудника отдела Р. В. Ронько. На основе АВ ДАРЯ под его руководством студентами ВШЭ был создан онлайн-ресурс «База данных ДАРЯ» (карты доступны на сайте ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН по ссылке: <https://da.ruslang.ru/>).

В отделе продолжают ежегодные полевые исследования, возрождение которых связано с именем Л. Л. Касаткина, добившегося в начале XXI в. грантов на экспедиции, именно Л. Л. Касаткин уделял большое внимание записи спонтанной речи в отличие от сбора материалов по различным вопросам. В результате была собрана представительная текстовая база, отражающая историю русской деревни, и опубликован сборник «Русская деревня в рассказах её жителей».

Если при создании Атласа предполагалось экстенсивное изучение говоров, то интенсивное направление, предполагающее подробное описание частной диалектной системы, стало развиваться после его публикации. В северном наречии под руководством Л. Л. Касаткина были обследованы говоры Слободского сельсовета Харовского района Вологодской области, а в южном наречии всесторонне изучен говор с. Роговатое Старо-Оскольского района Белгородской области под руководством А. В. Тер-Аванесовой. Описание этих говоров опубликовано в виде целого ряда статей. Помимо этого создана «Лексико-грамматическая база данных по Слободским говорам» (А. В. Тер-Аванесовой и С. А. Крыловым <https://ruslang.ru/doc/krylov/xardics2.rar>) и «Корпус говора с. Роговатка» (А. В. Тер-Аванесова, С. В. Дьяченко, Е. В. Колесникова, А. В. Мальшева, Д. И. Игнатенко, А. Б. Панова, Н. Р. Добрушина), включающий записи с 2007 по 2015 гг. <http://lingconlab.ru/rogovatka/>

В русле современных лингвистических исследований ведется работа по составлению диалектных корпусов совместно с Лабораторией языковой конвергенции НИУ ВШЭ (к настоящему времени создано 16 корпусов). Выбор населенных пунктов для полевого сбора материала ориентирован на единицы диалектного членения и на типологическую классификацию: были обследованы говоры Западнорусского диалектного типа (Опочецкого района Псковской

области), Среднерусские говоры Тверского и Верхневолжского диалектных типов (Кимрского и Вышневолоцкого районов Тверской обл.), Восточного среднерусского диалектного типа (с. Пустоша Шатурского района Московской обл., муромские и гороховецкие говоры Владимирской обл.), ведется изучение диалектных идиомов вне сетки ДАРЯ. В процессе сбора материала записаны образцы женской и мужской речи традиционного говора, региолекта, регионально окрашенного варианта литературного языка, нашли отражение и жанровые особенности народно-разговорной речи. Эти материалы дают возможность сравнения западного и восточного лингвистического ландшафта, изучения динамики говоров в современной языковой ситуации, а также проведения различных исследований в области коммуникативной диалектологии. По многим из обследованных говоров были созданы диалектные корпуса, отчеты с подробным анализом собранного материала регулярно публикуются в журнале «Русский язык в научном освещении», подготовлен сборник диалектных текстов различных жанров с подробным лингвистическим комментарием.

В отделе в последнее время по инициативе С. В. Князева развернулась работа по созданию электронного ресурса «Просодия русских диалектов» [Князев, Мороз, Дьяченко 2024], который демонстрирует просодическую организацию высказываний в частных диалектных системах (ЧДС) не только территорий, входящих в ДАРЯ, но и за его пределами (архангельских, вятских, воронежских говоров). К настоящему времени корпус содержит более 5500 примеров из 70 нас. п.; проведены экспериментально-фонетические исследования интонационного оформления общего и частного вопроса, тонального контура ответных диалогических реплик и утверждений с различными типами информационного фокуса. Этот ресурс создает базу для новаторского проета «Интонационный атлас русских говоров».

ЛИТЕРАТУРА

- Баранникова Л. И.* Атлас русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья. Саратов. 2000. 104 с.
- Бромлей С. В.* Восточнославянские языки как объект лингвогеографии. // Восточные славяне. Языки. История. Культура. К 85-летию акад. В. И. Борковского. М., 1985. С. 72–79.
- Букринская И. А., Кармакова О. Е., Тер-Аванесова А. В.* Говоры русско-белорусского пограничья // Исследования по славянской диалекто-

логии. Славянские диалекты в ситуации языкового контакта. Вып. 13. М., 2008, С. 118–179.

Букринская И. А., Кармакова О. Е., Тер-Аванесова А. В. Говоры псковско-витебского пограничья // Псковские говоры и их исследователи (К 100-летию со дня рождения С. М. Глускиной и 50-летию выхода 1 вып. «Псковского областного словаря с историческими данными», ч. 1, Псков, 2017. С. 39–58.

ДАРЯ?

Здобнова З. П. Атлас русских говоров Башкирии. Ч. 1–2. 4 изд., Уфа. 2008. 230 с.

Князев С. В., Мороз Г. А., Дьяченко С. В. Корпус Просодии Русских Диалектов. 2024. Электронный ресурс: <https://LingConLab.github.io/PRuD/>

Пшеничнова Н. Н. Лингвистическая география (по материалам русских говоров). М., 2008. — 220 с.

Попова Т. В. О восточнославянской лингвогеографической проблематике // Труды ИРЯ им. В. В. Виноградова, Вып. XII Диалектология. М., 2017. С. 240–262.

Русская деревня в рассказах ее жителей / Под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2009. 512 с.

Русская диалектология. / Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964. 306 с.

Язык русской деревни?

Т. Н. Бунчук

Сыктывкарский государственный университет
им. Питирима Сорокина
(Сыктывкар, Россия)

Библия как источник усть-цилемской народной фразеологии

Народная речь русских жителей бассейнов рек Цильма и Пижма восходит к одному из исторических диалектов, появившихся на этой территории вместе с первыми поселенцами в XVI в. Говор представлял собой один из вариантов западновеликорусского новгородского диалекта, который отражал ряд специфических черт устной речи, с одной стороны, а с другой — не был чужд письменной речи. Новгородский диалект в XVI в. (и ранее) существовал в двух формах — устной и письменной: речь бытового общения находила отражение в многочисленных грамотках, записках на бересте и др.

[Зализняк 2004]. Поэтому можно предполагать, что первые переселенцы в устье Цильмы тоже могли быть грамотными, а значит, письменная форма речи вполне могла быть для них привычной, и обучение чтению и письму могло быть свойственно их культуре.

С появлением старообрядцев в бассейне низовой Печоры статус письменной культуры в народной речи местных жителей укрепился и получил новый, так называемый стилистический ориентир в образе письма как формы языка. Библейский «текст» с его набором сюжетов, имен и образов стал для устьцилемов источником народной фразеологии. Устойчивые выражения, источником которых стал библейский текст, настолько прочно вошли в устную диалектную речь и адаптировались в народной среде, что уже не осмысляются как связанные с книжно-письменной религиозной культурой.

В данной работе приведен комментарий к диалектным выражениям *руку подавать* и *в ухо влезть*.

Выражение *руку подавать* употребляется в печорских говорах в значении ‘быть готовым появиться на свет, родиться’: *У Марии двое, да и третий руку подает* [Фразеологический словарь 2007, 2: 248]. Это выражение отражает период сформированности плода, готового родиться и включиться в человеческую общину. На первый взгляд, тут отражается известный этикетный жест приветствия — подавать руку при встрече, причем, в русском коммуникативном поведении это действительно жест социального принятия. Тем не менее в устьцилемском выражении описывается неординарная ситуация — рука подается из утробы матери. Учитывая, что книжно-письменная культура естественно была включена в традиционную старообрядческую культуру, а знакомство с Библией и Ветхим заветом предполагалось как концепция воспитания и социальной адаптации членов общины, можно предположить, что выражение возникло под влиянием сюжета, описанного в Первой книге Бытия (38: 27): *Во время родов Фамари, невестки Иуды, одного из братьев Иосифа Прекрасного, один из близнецов, которыми была беременна Фамарь, протянул из утробы руку*. Ветхозаветные чудеса не могли не отложить отпечатка в народном воображении, а почти повсеместное знание библейского текста обеспечило внутреннюю форму высказывания и выразительную образность номинации.

Другое выражение — *в ухо влезть/залезть* употребляется в значении ‘сделать что-то очень трудное, почти невозможное для

достижения своей цели': *Годён в ухо залезть, лишь бы цё ли вы-морошишь, выпросить цё ли* [Фразеологический словарь 2007, 1: 114]. Действительно, влезть в ухо — действие невозможное, тем не менее языковые данные, как кажется, дают иное лексико-семантическое основание для этого устойчивого выражения.

У фразеологизма *в ухо влезть* в говорах Низовой Печоры обнаруживается семантически близкий вариант — *хоть в ушко пройти* 'сделать какую-то уловку, ловкий, хитрый прием для достижения цели': *Этот-от Стёпка всюду успеет, везде всё знает, он хоть в ушко пройдёт, экий проныра!* [Там же, 2: 369]. Ловкие и хитрые приемы нужны для получения трудно достигаемой цели, поэтому *в ухо влезть* и *в ушко пройти* можно рассматривать как синонимичные.

Обращает на себя форма *ушко*, которая употребляется в русском языке для наименования отверстия в игле — *игольное ушко*. В пользу такого значения слова *ушко* в выражении *хоть в ушко пройдет* можно привести усть-цилемское выражение *сквозь иглу пролезть* с тождественным значением: *Этот уж сквозь иглу пролезет, но добьётся своего* [Там же, 2: 287]. О возможном употреблении слово *ухо* в значении 'отверстие в игле' может свидетельствовать зафиксированный лексический вариант выражения *хоть в ушко пройдёт* — *хоть в ухо вдень: Такой уж пронырливый, хоть в ухо вдень!* [Там же, 2: 369].

Тем самым, можно представить образ действия для достижения труднодоступной цели — чему-то или кому-то крупному с помощью какой-то уловки протиснуться сквозь узкое отверстие. В печорских говорах *игольное ушко* используется для выражения значения 'очень мало, узко': *на игольные ушки 'мало' (Пряжи-то дала на игольны ушки, чем я буду вязать носки? [Там же, 2: 20]) и хоть в игольное ушко/ухо вдень 'об очень худом человеке' (Ну така Танька худа, хоть в игольное ушко вдень! [Там же, 2: 368]).* Этот образ, лежащий в основе выражения *в ухо влезть*, весьма очевидно, на наш взгляд, связывается с известным евангельским выражением: *Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богачу войти в царствие небесное* (Евангелие от Матфея 19:24; Евангелие от Луки 18: 25). В нем также можно увидеть концептуальные составляющие образа — 1. невозможное или трудно преодолеваемое препятствие (*легче то, чем это*) и 2. препятствие в виде излишне малого, узкого пространства.

О связи печорских фразеологизмов с этим евангельским высказыванием может свидетельствовать и стилистическая коннотация идиом: *влезть* или *пройти сквозь игольное ушко*, т. е. преодолеть в норме непреодолеваемую трудность можно только хитростью, обманом, а значит, это совершить какой-то неблагоприятный поступок, что оценивается, разумеется, негативно, если не греховно. Ту же оценочность можно видеть и в евангельском выражении: *пройти верблюду сквозь игольное ушко*, т. е. богатому попасть в Царствие Божие.

Народная фразеология Усть-Цильмы черпала понятия и образный ряд из библейских текстов, что свидетельствует о глубоком проникновении христианства в народное сознание. Это не состоящее так называемой «диглоссии», когда человек говорящий, осознавая тип языковой ситуации, выбирает средства из того или иного регистра — бытового или сакрального (русская диалектная или церковнославянская речь), а особый вид осознания и включения письменной традиции в народную культуру и речь.

ЛИТЕРАТУРА

- Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004, 872 с.
Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры / Сост. Н. А. Ставшина. — Т. 1–2. СПб.: Наука, 2007.

Ж. Ж. Варбот

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

Народная этимология в русских диалектах и фонетические изменения

Связь народной этимологии в русских диалектах и фонетических изменений двусторонняя.

1. Закономерные фонетические изменения в каждый исторический период провоцируют действие народной этимологии, определяя направления сближения неродственных слов:

ср. в праслав. *prięti > др.-русс. *приятн* и *приянь* (праслав. *prijazнь),

др.-русс. *вс* > *вс* и совр. *вс* > *с* в арханг. *всякодённый* ‘ежедневный’ (СРНГ 5: 323) дали арханг. *сокидённый* то же

(СРНГ 37: 119; Вят.сл. 10: 161) и *скидать* ‘снимать’, дон. *всеёдная* неделя — *сеёдная* неделя (СРНГ 37: 120), волог. *сезём* ‘лес, простирающийся на большое пространство’ (СРНГ 37: 121) < *всезём;

др.-русск. *тък* > *тк* и совр. *тк* > *к* в диал. *ткáниво* ‘фабричная ткань’ (том.) (СРНГ 44: 152) > *канёвое* одеяло ‘пикейное одеяло’ (Кубан., юж., урал.), (СРНГ 13: 41) объясняют волог. *конево*, а ср.р. ‘лоскут, тряпка’ (СРНГ 14: 250);

параллелизм чередований *т/ч* и *к/ч* объясняет нерегулярную обратную реконструкцию: забайк. *завекáчье* ‘твердое обещание, обязательство’ (Майоров. Сл. рус. яз. VIII в. 143) (к *век*) на базе *завеч/щание*; псков. *острóт* ‘кто отбывает наказание в тюрьме’ (Псков. обл. сл. 23: 453) на базе *стрóчить* ‘устанавливать срок’ (СРНГ 42: 31), *стрóчник* ‘осужденный, отбывший срок заключения’ (СРНГ 42: 33), ср. твер. *острóть* ‘острие, лезвие’ (СРНГ 24: 89).

2. Народная этимология вызывает распространение фонетических изменений на новые позиции:

при наличии вторичной дифтогизации *у* > *оу*, *еу* в русских говорах (*плюха* — *оплеуха* и под.), ср. *паутина* > брян. *плеутина* то же (СРНГ 27: 133) с мотивацией по *плести*.

Д. А. Вашичкова

Карлов университет
(Прага, Чехия)

Многозначные названия помёта животных и птиц в южнокарпатских говорах

В докладе предложены к рассмотрению многозначные имена существительные, одним из значений которых является ‘помёт животного или птицы’, по данным карпаторусинских говоров.

Проблема многозначности, ее возникновения и развития в языке является одной из ключевых для диалектной лексикографии и этимологии. Данные лингвогеографии помогают исследователям решить проблему разграничения полисемии и омонимии, что особенно важно в случае описания карпаторусинских говоров, бытующих на пограничьях и столетиями испытывающих влияние не

только доминирующих государственных литературных языков, но и диалектов соседних стран.

Материалы, использованные для доклада, включают в себя только данные карпаторусинских диалектов на территории Словакии и Украины. Основным источником этих материалов послужила База данных южнокарпатских говоров по материалам И. А. Панкевича, которая была создана и обработана в Славянском институте АН ЧР; также для расширения сравнительной базы и уточнения этимологии слов были привлечены материалы уже изданных словарей, атласов и монографий, посвященных исследованиям диалектов карпатского региона.

Для установления этимологии и анализа развития значений отдельных многозначных слов карпаторусинских говоров автор обращался к данным соседствующих с ними лемковских, бойковских, гуцульских, венгерских и румынских говоров. Описание обнаруженных диалектных полисемантов осуществлялось в соответствии с классификацией Т. Е. Лебедевой, которая утверждает, что «репрезентация структуры ЛЗ (*лексического значения* — Д. В.) как совокупности обобщенных характеристик предмета служит отправной точкой анализа материала и позволяет в полном объеме эксплицировать информацию о каком-либо предмете, известную носителям диалектов <...> и, тем самым, сделать некоторые выводы относительно специфики содержательных связей между членами той или иной семантической парадигмы и на этой основе сконструировать общую схему данной парадигмы»¹. В частности, исследовательница выделяет 1) полисеманты с доминирующим структурообразующим признаком, 2) полисеманты с несколькими интегральными признаками, 3) полисеманты, формирующиеся из нескольких групп значений, 4) полисеманты с цепочечной структурой, 5) полисеманты смешанного типа.

В докладе будет продемонстрирована значимость применения этой классификации к диалектным полисемантам для правильного понимания развития значений многозначного слова.

Данные собранных на сегодняшний день материалов карпаторусинских говоров демонстрируют довольно значительный пласт лексики для обозначения помёта животных и птиц. Безусловно,

---

¹ Лебедева Т. Е. 2002. Полисемия в русских народных говорах (на материале имен существительных). Канд.дисс. (на правах рукописи). Санкт-Петербург: Институт Лингвистических исследований РАН, 232 с.

это связано с богатыми животноводческими и охотничьими традициями этого региона. Вариативность лексики доказывает необходимость для носителей диалектов различения видов помёта как в промысловом деле, так и в сельскохозяйственном (например, для удобрения почвы).

Любопытным лингвистическим фактом является сходство словообразовательных моделей в создании этой лексики на всем ареале бытования южнокарпатских говоров, соответственно, с помощью продуктивного суффикса *-ачк-*. Как правило, данный суффикс является показателем отглагольного действия или предмета, характеризующегося данным действием. В случае бытования в карпато-русинских говорах он также указывает на предмет, принадлежащий одушевленному объекту или имеющий к нему иное отношение. Таким образом, в говорах появились многозначные слова, образованные с помощью суффикса *-ачк-* с разными значениями: нечто, произведенное субъектом, и нечто, принадлежащее субъекту.

Например, диалектное *псячка* фиксируется в разных говорах Закарпатья со значениями 'собачий помёт', 'лошадиная кровососка' и 'некое травянистое растение' (*скорее всего, белоус* — Д. В.). Следует сказать, что большинство многозначных субстантивов в рассматриваемой группе составили слова с двумя значениями, одним из которых было название помёта животного или птицы, а другим — название какого-то дикорастущего растения. Скорее всего, наименование растения было мотивировано названием животного для указания на его бесполезность, несъедобность или ядовитость для человека, и таким образом, символически растение оставлялось в пользование животным². Таков же способ возникновения многозначного субстантива *вороблячка*; на Закарпатье он был записан со значениями 'ранняя слива с небольшими плодами', 'непривитая слива с круглыми плодами' и 'воробьиный помёт'.

Следующую группу многозначных субстантивов составляют слова со значениями, одно из которых означает помёт животного, а другое — некую болезнь. Например, диалектизм *курячка* широко фиксируется на всем Закарпатье в следующих значениях: 'куриный помёт', 'опоясывающий лишай', 'спорыш птичий', 'курица'. Название болезни при этом может быть мотивировано тем, что она присуща тому или иному животному, но также и тем, что ее про-

² См.: М. Čižmarová. Nominačné modely v botanickom názvosloví. Prešov 2017.

явления могут напоминать некий характерный признак того или иного животного — цвет, структуру шкуры, голос и пр.

Результаты описания и исследования развития многозначных слов в карпаторусинских говорах позволят правильно подготовить материалы Базы данных южнокарпатских говоров по материалам И. А. Панкевича к созданию словаря карпаторусинских говоров.

Т. И. Вендина

Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

Лексическая дифференциация русских диалектов

Обращение к проблеме дифференциации русских диалектов на основе лексики и словообразования продиктовано тем, что вопрос о лексической дифференциации русских диалектов долгое время находился на периферии диалектологических исследований (диалектные слова привлекались в основном в качестве иллюстрации фонетических или морфологических особенностей говоров), поскольку лексические различия еще со времен В. И. Даля признавались незначительными.

Противопоставляя «народный язык» как язык многообразный, но единый в лексическом отношении, книжному, Даль писал: «На всю ширь великой России нет наречий, а есть только говоры. Говор отличается от языка и наречия одним только оттенком произношения, с сохранением нескольких слов старины и прибавкою весьма немногих, образованных на месте речений, всегда верных общему духу языка»¹.

Этому в немалой степени способствовали и определенные традиции в европейской диалектологии и лингвистической географии. В тот период, когда в России только разворачивалась работа над созданием «Диалектологической карты русского языка», в немецкой, французской, швейцарской лингвистических школах уже существовал определенный опыт в создании лингвистических атласов и осмыслении диалектного материала. В этих западноевропейских школах диалектологии еще со времен младограмматиков довольно прочно укоренилось скептическое отношение к фактам

¹ В. И. Даль Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1862, I:

лексики и словообразования как к фактам, которые в силу своей мозаичности и повышенной языковой проницаемости не позволяют провести ареальную классификацию того или иного диалектного континуума, т. е. лексические диалектизмы традиционно считались нерелевантными для целей лингвистической географии.

Изучение материалов «Общеславянского лингвистического атласа» и «Лексического атласа русских народных говоров» позволило критически осмыслить эти утверждения. Карты этих Атласов ярко иллюстрируют **лексическое своеобразие русских диалектов**.

Несмотря на интенсивный процесс влияния литературного языка, в русских говорах сохраняется огромное количество диалектизмов, успешно противостоящих тенденции к стандартизации (они наблюдаются в словообразовательной структуре слова, в семантической структуре, в мотивационных признаках, в принципах номинации и т. д.). Особенно ярко это проявляется в наличии в диалектах слов, у которых в литературном языке нет однословного эквивалента, а имеются лишь описательные конструкции (см., например, к. Л 177 ‘дикие животные’ в томе «Животный мир»: *боровá, дичáтина, дичíна, дикúшники, дичáтники, охóтычи* и др.).

Материалы Атласа позволяют выявить ареалы лексических диалектизмов, образующих **противопоставленные лексические различия**: так, в частности, материал карты ЛСЛ 11 ‘густой лес’ (т. «Растительный мир») говорит о том, что лексема *зáймщице* характерна в основном для южнорусских говоров, тогда как лексема *сузём* — для севернорусских. Лингвогеографический анализ материалов Атласов позволил выявить ареалы эксклюзивных лексем, характерных для севернорусских, южнорусских и среднерусских диалектов. Процесс созревания этнополитического самосознания, осознание своей общности и вместе с ней исключительности, стремление отличить себя от соседей и подчеркнуть свою культурную специфику обретал в эксклюзивных именах дополнительный стимул.

Материалы Атласов свидетельствуют о ярком языковом своеобразии южнорусских диалектов особенно **курско-орловской** группы говоров, выделяющих их на всем диалектном пространстве русского языка (ср. в томе «Растительный мир»: *бáбка, обáбок* к. Л 182 ‘белый гриб’; *барáшки* к. Л 77 ‘шиповник’). В севернорусском наречии самой яркой является **костромская** группа говоров (ср. т. «Растительный мир»: *бáбье úхо* к. Л 199

‘рыжик’; *балу́й, балу́йка* к. Л 158 ‘валуй’), а в среднерусских говорах — **владимирско-поволжская** (ср. т. «Животный мир»: *ánka* к. Л 259 ‘галка’; *белкови́чик* к. Л 223 ‘охотник на белок’) и др. В этих диалектах представлено больше всего диалектных лексем, участвующих в их портретном оформлении. Это свидетельствует не только о сопротивляемости диалектов процессу нивелирования диалектных различий, но и об их динамике.

Благодаря принципу соотносительности «Программы» и «Вопросника» ЛАРНГ с программой ОЛА удалось увидеть, *что* в русских диалектах является продолжением праславянского наследия, а *что* сложилось позднее и является фактом их собственной истории. Так, например, на карте Л 212 ‘хорь’ в западной группе южно-русских говоров представлен латеральный ареал лексемы *тхорь*, которая является продолжением праславянской формы *dъxorj-ь, широко распространенной в белорусских, украинских, польских, словацких и чешских (моравских) диалектах.

Материалы Атласов позволили реально увидеть всю лексико-семантическую глубину русского диалектного лексикона и сложность его лингвистического ландшафта (и здесь следует прежде всего отметить его сильную расчлененность, подчас мозаичность и пестроту, наличие многочисленных островных ареалов, что требует своего осмысления не только в социологическом, но и глоттогенетическом аспекте). Карты Атласов выявили своеобразие семантического облика русской языковой модели мира и доказали, что в ходе развития русских говоров возникает некая новая диалектальность, связанная с утратой архаичной лексики и появлением диалектизмов, имеющих существенные отличия как от литературного языка, так и от других диалектов.

Благодаря материалам этих Атласов появилась возможность критически осмыслить некоторые теории, существующие сегодня в славистике, поскольку они во многом мифологизированы и входят в явное противоречие с картами Атласов (это прежде всего **миф о нерелевантности лексических данных для лингвогеографии**). Идея нерелевантности лексических данных для изучения вопроса о диалектной дифференциации русского языка порождала и **миф об индивидуальных границах каждого отдельного слова**. Между тем ареалы многих картографируемых лексем повторяются, что позволяет говорить о лексическом своеобразии целых диалектных групп. И эта картина позволяет критически осмыс-

лить и **миф об отмирании диалектов** в условиях социальной интеграции и индустриализации общества. Причины этого процесса видят, с одной стороны, в экстралингвистических факторах (в разрушении социальной инфраструктуры общества, в его социально-демографических изменениях, в урбанизации сельского населения, что нередко приводит к исчезновению населенных пунктов, в языковой политике государства и т. д.), а с другой — в собственно лингвистических, в частности, в размывании языковой системы диалектов волнами литературного языка.

Карты Атласов свидетельствуют о консервативности диалектов, на протяжении многих веков успешно противостоящих внешним влияниям, а также тенденции к стандартизации. Думается, что решение проблемы дифференциации русских диалектов невозможно без широких типологических исследований в области фонетики, лексики, словообразования, морфологии и синтаксиса, всестороннего сравнения и обобщения их результатов с учетом максимального набора отличительных признаков, что позволит совершенно по-новому взглянуть на дифференциацию русских диалектов. Исследование русского диалектного континуума с учетом всех микрозон его лингвистического пространства позволит **создать принципиально новую фактографическую базу** для решения проблемы диалектной дифференциации.

С выходом новых томов Атласов будет постепенно расширяться исследовательская и фактографическая база, что создаст надежную основу для ареально-типологической интерпретации русских диалектов.

А. В. Войтенко

Государственный университет просвещения
(Москва, Россия)

Свойства и источники микропонимии Лотошинского района Московской области

Являясь одним из фрагментов онимической, а в её составе топонимической картины мира, микропонимия как система названий объектов той или иной сельской местности как внутри населенных пунктов, так и вне их, довольно неявно определена

в границах. Тот факт, что микропонимия является частью собственно топонимии, определяет наличие ряда интегральных признаков [Климкова 2008]:

- непосредственная обусловленность внеязыковыми факторами;
- неединственность для называния определенного объекта, возможность существования для него других наименований;
- бытование в рамках двучленного или многочленного ряда наименований соответствующего объекта;
- варьирование в устной речи;
- системная организация;
- наличие в семантической структуре эмоционально-экспрессивной окрашенности наряду с номинативным компонентом.

В отношении формирования семантической структуры собственно топонимов, в соответствии с этапами развития имени различимы дотопонимический, топонимический, оттопонимический пласты. Первоначально имя получает какая-либо местность в целом, и уже вследствие более детального знакомства и хозяйственного освоения населением данного участка, происходит топографическая детализация имени. Такой путь развития возможен только для имен разнотипных объектов, например: *Малое поле* 'часть леса', 'луг' (д. Коноплёво); *Казённик* 'лес', 'болото' (д. Савостино); *Кулиги* 'лес', 'место покоса в низине' (д. Пеньи); при этом два соседних поля или пастбища не будут иметь полностью совпадающих имен. Достаточно редко встречается в микропонимии, в том числе и подмосковной, повторение географических названий. На границе с Тверской областью в д. Татарки зафиксирован микропоним *Караганда* 'поле'. Подобные имена в момент возникновения имеют первоначальную ироническую окраску, однако в речи последующих поколений употребляются совершенно нейтрально. В подобных случаях основой переноса является не смежность, а сходство, как правило, очень случайное, то есть здесь мы имеем дело с метафорой.

Для русской микропонимии и славянской микропонимии вообще свойственно значительное преобладание образований от собственных имен — географических и личных [Карпенко 1967: 18].

Личные имена, прозвища людей как группа собственных имен являются важнейшим источником подмосковной микропонимии.

Среди подобных образований различается ряд имен незаселенных объектов.

У *Ягор Ягорыча* — общее название для ряда разнотипных объектов: ‘ручей’ — «*ручьи были у Ягор Ягорыча/ барин был/ у няго и лес/ он праходить на всей дяревни*»; ‘лес’ — «*в лес пайдем/ к Ягор Ягорычу пайдем/ за грибами*»; ‘пруд’ — «*тот у Ягор Ягорыча/ в дяревни проста Прут*» (д. Введенское);

Ряд однотипных объектов с общим значением ‘часть леса’ — «*Аксёно-лес/ Подмышкино-лес/ Тарасава-лес/ Кузнецово-лес/ Танина-лес/ Берёзафка-лес/ Киселиха-лес/ части бальшова леса*» (д. Калистово);

Демидиха ‘плёс’ «*Демидиха/ плёс/ жыли Демидовы/ мать Демидихой звали*» (д. Савостино);

Матрёна ‘омут’ — «*Матрёна там утопилась/ место Матрёна/ глубокое/ а брод мелкий// Петрачок/ где ловят рыбу/ перед Матрёнай*» (д. Речки).

Среди заселенных объектов отантропонимного происхождения представлены в основном хутора, части селений:

Рыжий ‘хутор’ — «*Рыжый/ латыш хазяин*» (д. Савостино);
Адамсон ‘хутор’ — «*Адамсон нет/ партизаны их уничтожили// Адамсон симья была/ наши уничтожили/ адин пацан астался*» (д. Савостино);

Василий Викторов ‘хутор’ — «*Василий Викторов/ этъ хутор*» (д. Савостино);

Фроська ‘хутор’ — «*Фроська — щас там пашли за ягадами на Фроську, за грибами — на Рыжево (жила Фроська, ее забрали и навсегда)*» (д. Савостино);

Дед Андрей ‘конец деревни’ — «*Конец деда Андрея/ Дед Андрей/ это конец деревни*» (д. Речки).

Среди микропонимов Подмосковья особое место занимает группа образований от нарицательных названий, имеющих топографическое значение, фактически являющихся местными географическими терминами. При этом наиболее распространена ситуация перехода географического наименования в число микропонимов, если на определенной территории называемый объект — единственный в своем роде. В этом случае, называемый номенклатурным именем, он не может быть спутан с другими однородными

объектами и имеет конкретный адрес для всех жителей данной местности. Так, в сельском поселении Микулино сохранился вал, часть древней системы оборонительных сооружений, остающийся господствующей высотой на данной территории: *«С Валу катались/ на Вал хадили, окъль цэркви/ сумку над сибя и с Вала пькатисся»*. Там же встречается наименование Пруд: *«Бродов нет/ рыбу ловят в Пруду/ так Пруд и зовут/ окли школы»*. Другой, не менее распространённой ситуацией перехода нарицательных в ряд микротопонимов, при которой из группы однородных географических объектов значимым является только один. По этой причине он может на топографическом фоне остальных однородных объектов называться нарицательным, не получая собственного имени: *Ручий* 'ручей' — д. Татарки, д. Храново; *Ручей* — «*просто Ручей*» (д. Коноплёво).

Одной из характерных особенностей микропонимии является широкое распространение предложных образований, представляющих собой ориентированные названия [Карпенко 1967: 28].

Источником такого рода наименований становятся словосочетания, посредством которых обозначаются объекты, не имеющие достаточного числа дифференциальных признаков, необходимых для присвоения прямого имени. В таких случаях один объект называется через указание на его расположение относительно другого, более выразительного или более значимого с точки зрения жителей. Рассмотренные ориентированные названия по характеру определяемых объектов можно отнести к двум группам.

1. Наименования, содержащие информацию только о двух объектах — обозначаемом и обозначающем (конструкции типа *на горе, у ручья*):

на Гороховом поле 'лес', 'луг' «гарохова поля лес: куда ехать? На Гарохова поля ни знаю пачиму назвали. И луг звали на Гароховъм поли» (д. Храново);

у Кладбища 'один из «микулинских» ключей', у Речки 'один из «микулинских» ключей' «три ключа/ у Кладбища/ у Речки/ ключи на берегу есть/ названий не имеют» (сельское поселение Микулино);

2. Наименования, содержащие информацию о «третьем» объекте, чаще селении, относительно которого определяется местополо-

жение обозначаемого и обозначающего объектов (конструкции типа *за горой*):

за ручьем ‘место гуляний’ «Была Красная Горка в лесу/ там собирались гуляния/ после войны гуляли уже за ручьем/ другога названия нет» (д. Татарки);

за матрёной ‘брод’ «за Матрёнай/ эта брод в Боково» (д. Речки).

ЛИТЕРАТУРА

Карпенко Ю. А. Свойства и источники микропонимии. В сб. Микропонимия, М.: изд-во МГУ, 1967.

Климкова Л. А. Нижегородская микропонимия в языковой картине мира. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 2008, с. 17

С. В. Волошина, Т. А. Демешкина
Томский государственный университет
(Томск, Россия)

Речевой жанр рассказа о случае (на материале речи сельских жителей Томской области)¹

Автобиографический рассказ — ядерный речевой жанр (далее: РЖ) в коммуникации диалектологов и информантов². Вне зависимости от исследовательской оптики обращение собирателей к жизни рассказчика, информации о нём — один из важных элементов такой коммуникативной ситуации. При этом в структуре названного РЖ ввиду спонтанности, устного характера речи встречаются отступления, воспоминания, связанные с различными событиями, случаями.

Среди таких воспоминаний отчётливо выделяются рассказы, обладающие сюжетом, определённой композицией и тематикой, схожими средствами языкового воплощения, позволяющими идентифицировать их как РЖ рассказа о случае.

---

¹ Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042

² Волошина С. В. Речевой жанр автобиографического рассказа в диалектной коммуникации: дисс. ... канд. филол. наук. — Томск, 2008. — 192 с.

Проанализируем 150 таких рассказов, записанных в результате диалектологических экспедиций в сёла и деревни Томской области с 1940-х гг. по 2023 г., используя анкету РЖ, разработанную Т. В. Шмелёвой³, и учитывая их построение.

Коммуникативная цель таких рассказов — вызвать эмоции у собеседников: удивить, рассмешить, напугать, чему-то научить и в итоге запомниться. Коммуникативное намерение зачастую выражено: *вот случай расскажу; А вот я вам расскажу свои случаи; я вам расскажу эпизод* и т. п. Это информативный РЖ, включённый в структуру автобиографических рассказов.

Авторы этих рассказов не всегда являются очевидцами тех случаев, о которых они повествуют. И многие рассказы, вероятно, передаются как семейные предания.

Адресатами в основном выступают незнакомые для информантов люди — диалектологи. Но очевидно, что эти рассказы воспроизводятся именно для адресата, они могут выполнять дидактическую функцию.

Образ прошлого и образ будущего. Рассказы о случае встроены в структуру автобиографических рассказов: до них и после них существуют другие коммуникативные эпизоды. Как правило, рассказы о случае имеют ассоциативную природу: повествование о каком-либо событии, человеке вызывает у информанта связанные с ними воспоминания, в том числе и воспоминания о каких-либо случаях.

Композиция. В основном такие тексты начинаются с фразы-вступления: *А вот я вам расскажу свои случаи*, обозначающей коммуникативное намерение рассказать о случае, затем идёт перечисление событий или фактов из жизни говорящего или его родственников, соседей и т. д. и повествование о нарушении какого-либо порядка, изменении состояния, рассказ о необычном случае: *Я очень сильно любила папу. И папа меня очень любил, потому что у нас было два парня, а третья как девчонка. <...> И когда он умер, папа, а я училась в восьмом классе, по-моему, заканчивала, двадцать восьмого апреля папа умер. Я иду из школы... когда одна. А похоронили его в Победе. Зимой иду, а там переулочек у нас был. Иду и смотрю — мне навстречу папа идёт. Мёртвый. Высокий, здоровый, сильный, но лица не вижу, а вижу объём. Вот. Я как по-*

³ Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. статей. — Саратов, 1997. — С. 91–96.

бежала, я помню, как я побежала, а он — за мной. Вот так топает [стучит кулаком по столу]. Забегу домой, забежала и упала. Мама: «Чё с тобой? Чё с тобой?» Я не говорю ничего, не стала маме говорить. Потом опять, вот несколько раз. В огород выхожу. И огород только вспашен. Смотрю — папа схватит, схватит какую-то, ну, допустим, лопату и бежит за мной, меня как убить хочет. Вот, он сильно меня любил, и я его любила, а почему-то он меня всё время как хотел, как будто убить меня хотел. А это было, на самом деле, было у меня как предупреждение о чём-то плохом. Потом-то уже я поняла. Как если что-то со мной должно плохое случиться, меня папа как бы предупреждал. Вот; затем следуют высказывания о том, как разрешалась необычная ситуация, её развязка: *А у нас была в селе тётка, Василиса её звали. Мама стала ей говорить, что, мол, Нюсяк вот тоскует по отцу, и он за ней ходит. Вот я помню, она пришла к нам домой. А во дворе земля была. Не как сейчас, вот ковры да плахи, а тогда просто земля была. Она начертила круг, большой вот так вот круг начертила, меня поставила в середину круга, и воды. И, значит, ходила она по этому кругу и читала, что-то читала, молитвы читала, читала молитвы. А потом подошла ко мне, и вот так на меня языком [показывает]. Меня эту, берёт воду, и на меня прыскает и прыскает. И мне папа перестал казаться.*

Диктумное содержание всей совокупности анализируемых текстов имеет в основе событийные и логические пропозиции. Это рассказы о смешных или трагических случаях, необычных случаях, встрече с дикими животными, случаях, связанных с мистикой, религией, НЛЮ, верой в сверхъестественные силы.

Средства языкового воплощения

Рассказы о случае обладают жанрообразующими признаками, среди которых:

- метакомпонентные высказывания, называющие имя жанра и вводящие рассказы в ткань автобиографического рассказа: *И случай со мной был; Страшны случай были; Вот интересный случай был* и т. п.

Рассказы о случае репрезентируются также:

- лексическими единицами со значением времени. Это могут быть единицы с размытой семантикой, не указывающие точное время: *однажды, как-то раз, давно* или это могут быть сложные конструкции с указанием точного времени

или времени через обозначение других событий: *Я хорошо помню, это мне года три было, такой случай; Я расскажу случай, когда нашей Гале умереть...; Это в войну случай такой получился.*

- лексемами, называющими неожиданное развитие событий, случайность, выражающие динамику, изменение состояний: *вдруг, глядь, возьми да и...: **Глядь**, один след крупный, второй подсоединяется и третий...; Так она **возьми, да и** сними икону Матери Божией со стены...*
- словами с семантикой восприятия, как правило, глаголами в форме 1 л. ед. ч. *вижу, слышу: **Слышу**, лопаты громко так стучат ...; **Гляжу** — кочка здорова...*
- глаголами в форме прошедшего времени или настоящего времени в значении прошедшего, обозначающими последовательность действия:

*... у нас в деревне здесь есь мужичок, которого зовут «инопланетянин». Его так зовут, он, ну, с какими-то заморочками, или не знаю, как это называть. У него доходило до того, что ему помогли они картошку копать.. <...> Ну, и **приезжает** на мотоцикле этот Инопланетянин. Он **сторожил** там ночью, **караулил. Приезжает**. Ну, я тут **остановился, разговариваем** с ним. Ну, у него сразу тема про инопланетян. Но я знаю, что е'слив его понесло, его не остановишь. Я **говорю**: «Да хватит врать, я поехал домой». Он: «Чё врать? Вон, смотри». Так мне пальцем **показывает**.*

- инфинитивами в значении прошедшего времени: *кричать, бежать* и т. п., а также формами прошедшего времени с внешне-мгновенным значением: *глядь, прыг, бух, тык, хрясь и т. п.: Я **кричать**: крика они боятся; она вот так **тык-тык-тык** и прокрутилась; а он её отпустил, а она **бежать**.*
- эллиптическими конструкциями: ***Я**, как говорят, **ноги в руки и домой**; **Мы бежать все**, конечно; **Прибежали мы домой, мужики сразу за оружие и туда**.*

Таким образом, РЖ рассказа о случае — один из часто встречающихся элементов РЖ автобиографического рассказа. Это информативный РЖ, обладающий композиционными, тематическими и стилистическими особенностями.

Е. А. Галинская
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Повтор предлога в южнорусских говорах

Древнерусскому языку был присущ повтор предлога внутри именной группы, который не был связан с эмфазой или какими-либо подчеркиваниями. А. А. Зализняк сформулировал правило повтора / неповтора предлога на материале берестяных грамот и древних новгородских и псковских пергаменных грамот [Зализняк 2004: 164–166]:

1. Регулярно повторялся предлог при однородных членах. Напр.: *ко Демелну и къ Мине и къ Ваноукоу и къ вьхемо вамо* НБГ 87, XII в.

2. Не менее регулярно наблюдается повтор предлога в случае разрыва именной группы не входящими в нее словами. Например: *у Гюрьга въз(ь)ми у Съмъкиниц(а)* НБГ 710 XII в.

3. Присутствовал повтор предлога в группе «личное местоимение или имя собственное + прилагательное или существительное» (отклонения здесь очень редки). Например: *к Юрью к Оньцыфорову* НБГ 167 XIV в., *на теба на своего исподина* НБГ 310 кон. XIV — нач. XV в.¹

4. В группе «нарицательное существительное + прилагательное или существительное» повторение предлога факультативно, но преобладание конструкций с повтором или неповтором предлога зависит от того, чем является второй член.

а) Если второй член — существительное, отчетливо преобладают конструкции с повтором предлога (отступлений тут немного). Напр.: *при игумни при Васильи* НБГ 167 XIV в.

б) Если второй член — притяжательное или указательное местоимение, преобладают конструкции без повтора предлога. Напр., *ко радости моеи* НБГ 497 XIV в.

в) Если второй член — прилагательное, достаточно широко представлена как конструкция с повтором предлога, так и без повтора (первая встречается несколько чаще). Напр.: *ко посадникоу ко вьликомоу* НБГ 704 XIII в.; *и по встьмъ рькамъ морскимъ* Новг. перг. грам. 1459–1469 гг.

---

¹ Эта и последующие именные группы обычные, неразорванные.

5. Если прилагательное-определение (или местоимение-прилагательное) стоит **перед** существительным, предлог **не повторяется**. Например: *о^м Фомине снохы* НБГ 263 XIV в. Отклонения здесь единичны.

Повтор предлога представлен и позже, даже в текстах XVII века, в том числе южнорусских, и подчиняется в целом тем же правилам.

В современном русском литературном языке допустимым является только повтор предлога при однородных членах. Однако в диалектах повтор предлога — явление нередкое, поэтому интересно посмотреть, как соотносятся современные правила с древнерусскими. Для анализа был выбран сборник южнорусских текстов [Русские народные говоры 1999], в котором обнаружилось около 150 примеров, релевантных для анализа принципа повторения / не-повторения предлога.

1. При однородных членах предлог повторяется, напр.: *и ф по́т-пал и ф калдаву́ю сходиши* 37.

2. В случае разрыва именной группы не входящими в нее словами предлог также повторяется, напр.: *у ка́жнэва ло́шатъ бы́ла у ватца́* 19.

3. Группа «личное местоимение или имя собственное + прилагательное или существительное» не встречена.

4а. Группа «нарицательное существительное + существительное» встречена один раз, и повтор предлога присутствует: *на дирéвню на Пятро́в(о)* 18.

4б. В группе «нарицательное существительное + притяжательное или указательное местоимение», где в древнерусском языке преобладают конструкции без повтора предлога, в южнорусских говорах, наоборот, предлог регулярно повторяется, напр.: *на ка-лёсы на ётыя* 4, *пэт саньми пэт ётими* 46, *на сестру́ на маю на ёту* 48, *ув ацја́ у мо́в(о)* 33, *с надру́шкэй с сваёй* 22. Есть лишь один случай, где повтора нет: *он ыс пря́жэ та́кой (в)о йзьдэ́лан* 31. Повторяется предлог и перед неопределенными и определительными местоимениями, в правиле А. А. Зализняка не упоминающимися: *на случа́ю на како́м-нють* 6, *на двара́м по (sic) всём* 8, с. 42, *с хара́ми са фсе́ми* 27.

4в. Постпозиция прилагательного встречается в 4-х контекстах, и повтор предлога присутствует в 3-х из них: *у уло́бья*, *у сизэ́у(о)* 30, *в во́л(о)сти ф Пити́мскэй* 42, *с хло́пцям з бо́льшым* 5. Четвертый

контекст сомнителен, так как существительное повторяется, но при нем уже нет предлога: *лучьши на дуп, дуп лахмáтый* 32.

5. Прилагательные в препозиции обнаружены в 27 словосочетаниях, и в 4-х из них наблюдается повтор предлога перед существительным: *на бóльшена на хлóпца* 5, *на писáнэх нэ саня́х* 30, *ф турéцкэй в зимлé* 49, *ф турéцкий в уóрат* 49. В то же время из 99 случаев употребления в препозиции местоимения повтор предлога перед существительным наблюдается в 31 случае, напр.: *у этáй в я́ме* 6, *нат тэм нэд буу́ром* 14, *с аднóй зь дэвэ́чкэй* 18, *изь этих изь ширёвак* 20, *на этим, на лóниим-та* 29, *прайтíть на нáшэ нэ Раки́тино* (sic) 32, *зэ этáй зэ клóквэй* 35, *дэ сва(е)вó да вре́мя* 36.

Итак, в южнорусских говорах сохраняются древнерусские правила повтора предлога в следующих случаях: при однородных членах, при разрыве именной группы не входящими в нее словами и, по-видимому, в группе «нарицательное существительное + существительное». В то же время развились новые правила: предлог стал регулярно повторяться после нарицательного существительного перед местоимением-прилагательным, а также в случае препозиции определения, в основном выраженного местоимением.

ЛИТЕРАТУРА

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие. М.: Наука, 1999.

Д. Н. Гальцова

Воронежский государственный университет
(Воронеж, Россия)

Наименования жилищно-хозяйственного крестьянского комплекса в воронежских говорах (синхронический и диахронический аспекты)

Сельские постройки являются значимой частью материальной культуры русского народа. В рамках исследования было проведено описание наименований жилых построек на материале документов воронежской деловой письменности XVII–XVIII вв. и современ-

ных воронежских говоров. Приведем примеры проанализированных лексических единиц, номинирующих крестьянский жилищно-хозяйственный комплекс.

Двор: //двор — *эта ус'о: хата, сарај'и, д'е ан'и стајат', м'есть — ус'о двор, ус'о этъ нашь*// ГРХ. В.-Мам.¹

Слово *двор* на воронежской территории многозначно. В «Словаре воронежских говоров», помимо приведенного, выделяется еще ряд значений: 'улица', 'место, на котором стоит дом и хозяйственные постройки', 'часть усадьбы, не занятая домом и хозяйственными постройками', 'огороженное место около дома', 'изгородь', 'запруда на реке из щитов', 'дом, семья', 'помещение для скота, сарай'².

В «Словаре воронежской деловой письменности XVII–XVIII вв.» В. И. Хитровой приводится значение 'усадьба, совокупность жилых и хозяйственных построек': «*двор* де у него блиско торгу светлица с стън(ь)ми и с пекарнею»³.

В «Словаре русских народных говоров» (СРНГ) слово *двор* фиксируется в значениях, связанных с постройками: 'дом, а также семья, живущая в нем; хозяйство семьи', 'постоялый двор', 'нежилая часть дома между комнатами и хозяйственными постройками', 'огороженное место для скота у дома; загон', 'место сарае' и др.⁴. Пометы к данным значениям подтверждают распространение лексемы на общерусской территории. Наиболее близкое к исследуемому нами воронежскому значению 'жилищно-хозяйственный крестьянский комплекс' калужское, брянское и курское значение 'дом, а также семья, живущая в нем; хозяйство семьи'.

Дом. В современных воронежских говорах обозначает только жилую постройку, часто именно кирпичную, «городского» вида: // *врoд'и јес'л'и пькул'турн'иш, то дoмам нъзываиць*// ДВЦ. Остр.⁵

¹ Картотека «Словаря воронежских говоров» — КСВГ. Запись сделана в с. Гороховка Верхнемамонского района.

² Словарь воронежских говоров / Под ред. Г. Ф. Ковалева. Вып. 2. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2007. С. 160–161.

³ Хитрова В. И. Словарь воронежской деловой письменности XVII–XVIII вв. Том I / В. И. Хитрова; под общ. ред. И. Г. Добродомова. М.: Прометей, 2022. С. 414.

⁴ Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. Вып. 7. Ленинград: Наука, 1972. С. 294–296.

⁵ КСВГ. Запись сделана в с. Девица Острогского района.

В документах воронежской деловой письменности XVII–XVIII вв. фиксируется значение ‘двор, усадьба’: «И пришел он Илья... в дом к Олешкѣ Лук(ь)янову и сел под ул(ь)емь... и тѣ пчелы учел он Ил(ь)я довить»⁶.

Подво'рье: //избá и сарáи — этъ надвóр'яь// Н.-ЖВТ. Рам.⁷

В воронежских говорах, помимо обозначения всего жилищно-хозяйственного комплекса, слово подворье может обозначать ‘двор, огороженный участок земли при доме’ и ‘подворное прозвище’.

В СРНГ приводятся следующие значения слова *подворье*: ‘двор’, ‘дом со всеми постройками (иногда под общей крышей); жилой дом’, ‘наемная изба, где меняли лошадей проезжающим’, ‘угол в избе, комната и т. п., которые сдаются в наем’ и др. Интересующее нас значение ‘усадьба’ отмечается в однокоренных словах *подворьеко* (Смол.), *подворьейко* (Брян.), *подворьице* (Олон., Беломор., Печора и Зимний берег, Арх., Волог., Север., Орл., Дон.), *подворьишко* (Арх.)⁸.

Усадьба. В современных воронежских говорах лексема не фиксируется в значении ‘жилищно-хозяйственный крестьянский комплекс’, однако свидетельства бытования данного слова в интересующем нас значении отмечаются на воронежской территории в XVII–XVIII в.: «Дворовые *усад(ь)бы*... и поконецъ гуменники и речка Перлевка»⁹.

Хозяйство: //маја хаз'áйства — этъ дом и двор, ну сарáи там фс'ák'иъ// АРХ. Аннин.¹⁰

В названном «Словаре» В. И. Хитровой слово *хозяйство* не зафиксировано, то есть существование данной лексемы в этот период не исключается, но и не подтверждается материалами деловой письменности.

Хоромы. В XVII–XVIII вв. общие наименования жилых построек выражались словами *хором*, *хоромы*: «На дворѣ *хором* изба три клѣтки конюшня»¹¹. В современных воронежских говорах данное значение не отмечается, слово *хоромы* присутствует в речи диалектоносителей, но имеет лишь оценочное значение ‘большой богатый дом’.

⁶ Хитрова В. И. Указ. соч. С. 466.

⁷ КСВГ. Запись сделана в с. Новоживотинное Рамонского района.

⁸ СРНГ. Вып. 27. С. 369.

⁹ Хитрова В. И. Указ. соч. С. 501.

¹⁰ КСВГ. Запись сделана в с. Архангельское Аннинского района.

¹¹ Хитрова В. И. Указ. соч. С. 554.

Таким образом, в современных воронежских говорах для обозначения жилищно-крестьянского комплекса фиксируются лексемы *двор, подворье, хозяйство*. Слова *дом, усадьба* и *хоромы* вышли из употребления в указанном значении, хотя были распространены на исследуемой территории в XVII–XVIII вв.

Отметим, что из трех слов, бытующих в настоящее время в воронежских говорах для обозначения крестьянского жилого комплекса, самым распространенным является слово *двор*, оно фиксируется практически повсеместно, отмечается как в записях второй половины XX века, так и в материалах недавних экспедиций. Лексемы *подворье* и *хозяйство* имеют меньшее распространение.

ЛИТЕРАТУРА

Словарь воронежских говоров / Под ред. Г. Ф. Ковалева. Вып. 1–3. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2004–2019–.

Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. М.–Л.: Наука, 1965–2016–.

Хитрова В. И. Словарь воронежской деловой письменности XVII–XVIII вв. Тома I–V / В. И. Хитрова; под общ. ред. И. Г. Добродомова. М.: Прометей, 2022–2024.

Н. С. Ганцовская

Костромской государственной университет
(Кострома, Россия)

Костромские говоры центра в интерпретации проф. Н. В. Покровского: шахматовская программа исследования

В 1999 г. в IVт. Известий отделения русского языка и словесности имп. Академии наук в рубрике акад. А. А. Шахматова «Материалы для изучения великорусских говоров», Приложение № 44, помещены результаты исследования проф. Н. В. Покровским говоров Костромской губернии, Костромского уезда, Красносельской волости (главным образом села Подольского, его родины, в 5 км от центра волости Красного-на-Волге, где его отец был священником)¹. Первая часть

¹ Н. В. Покровский — проф., директор Церковно-археологического института в СПб., родом из семьи священника села Подольского Красносельской волости. См. его диалектные материалы в: Шахматов А. А. Материалы для изучения великорусских говоров. Приложение № 44 проф. Н. В. Покров-

академической «шахматовской» «Программы для собирания особенностей народных говоров», касающаяся севернорусских говоров, была использована проф. Н. В. Покровским для собирания сведений о знакомых ему с детства красносельских говорах, результаты впоследствии поступили в распоряжение академика А. А. Шахматова. Примерно в это же время, частично по этой же Программе, но в регионах Буйского, Солигаличского, Чухломского уездов по линии ОРЯС АН был собран материал другим исследователем — буйским уроженцем проф. Ф. И. Покровским², а несколько позже, уже в XX в. — шунгенских говоров Костромского уезда Н. Н. Виноградовым, членом Московской диалектологической комиссии (МДК) и Костромского научного общества по изучению местного края (КНОИМК), уроженцем села Шунги Шунгенской волости Костромского уезда; и в Шунгенской, Мисковской и Андреевской волостях — опытным диалектологом из СПб., учеником А. А. Шахматова, С. А. Ерёминим. Ответы на вопросы Программы Н. В. Покровского во многом совпали с наблюдениями Н. Н. Виноградова и С. А. Ерёмина, но с ощутимым отличием от них, главным образом, в области безударного вокализма. И это понятно: красносельские говоры, генетически окающие, находятся на крайнем западе Костромской губернии и имеют многие черты среднерусских говоров.

Выборочно рассмотрим результаты анализа представленных материалов говоров Красноселья в анкете Н. В. Покровского и, по возможности, дадим краткий комментарий к этим явлениям (графически примеры Н. В. Покровского даны курсивом, наши примечания — прямым шрифтом).

44. *Костромская губерния, Костромской уезд, Красносельская волость.*

Гласные. § 1. В начале слова произносят: *Оксинья* и т. д. *Олёксандро* (вм. Александръ), *олтарь*. Произношение О вместо А в начале заимствованных слов — это севернорусская черта; — *Олёксандро, Иванушко, дитятко*. Эти слова склоняются

ского — *Костромской губ., Костромского уезда, Красносельской волости* // «ИЗВѢСТІЯ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУК». САНКТПЕТЕРБУРГЪ: типография ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУК, Вас. Остр., 9 лин., д. № 19. 1899. С. 5–8.

² Ф. И. Покровский, член Императорского русского географического общества, уроженец с. Покровского на реке Письме Буйского уезда Костромской губернии.

в севернорусских говорах по второму склонению; — *стокан, торелка, зобота* вм. забота — гиперизм оканья, то же явление гиперизма, но аканья, видим в заимствованных, книжных и некоторых бытовых словах: *таварищъ, манахъ, панамарь, каранъ, тварокъ, хазяинъ, Микалай*. § 5. *Укунишь* вм. окунишь. Здесь в начале слова усилена лабиализация гласного, характерная для ивановских, владимирских и соседящих с ними красносельских и нерехтских говоров. Сходство с ивановскими говорами видим и в широком распространении предударного ёканья: *бёру, вёду, ёрша, отвёрнуть, вылётать, Стёпанъ*. «Ё» здесь появляется и на месте старого Ъ: *цвёло, хлёбать, гнёзда, рёка, пётухъ*. Для красносельских говоров характерна утрата *j* и стяжение: *думашь, думать, дЪлашь, дЪлатъ*; возможно проявление произношения *c* вместо *ц*: «скажут...свёло (вм. цвѣло, например, *рас-свели светы лазоревые*», *яблоня рассвела*), появление на конце глаголов 1 спряжения [о] после мягкого согласного: *неситё, кладитё, деритёсь*. (§ 23: «вм. я произносятся иногда *e*, напр. *свешшеник* вм. священник, *еица, светить* вм. святить (воду), *дворенин, мекина* вм. мякина». Действительно, — иногда. Потому что чаще произносят звук, обозначаемый буквой «Я»: по-красносельски и по-ивановски, но не по-костромски.

Согласные. Наиболее примечательные черты. § 39: всегда говорят *сварьба* и *усарьба*, § 46: *щ* произносится как *ши*, напр., *свешшеникъ, кошшей безсмертной, прошишальга, прошишенья просим, еишио*; однако всегда *щи* или *шти* и никогда *шиши*; *вожжа, дрожжи, съЪжжатса, жжот*; всегда: *годисса, обираесса, берёсса, попадёсса...* § 47: говорят: *сабоги, мтица, мчёла, ослобони*, § 48: всегда скажут : *дЪушка, баушка*, § 50 *мелче, поманеньку, шкатунка*, § 53: говорят... *верьхъ, зерь-кало, церковь...рупь...русской*.

Особый интерес представляют записи автором особенностей ударения, среди которых есть много архаических севернорусских явлений (*он косИт*), проклитики, или перетяжка ударения на предлог или приставку: *сОбрал, на гору*. Примеры автора (Н. В. Покровского. — Н. Г.) ударений в говорах: «Ударение: *сОсна, он косИть, спитЁ, ЪдитЁ, хотитЁ, неситЁ, кладитЁ, бУдётъ, пОзваль и позвАль, сОбраль, погнаАль, послаАль, пряснОй* вм. *прѣснЫй; въ рѣкУ, толстОй, сѣмнАдцатый*. Скажутъ иногда *нЕбилъ* (напр. *при игрѣ въ бабки: я ещё нЕбилъ*); всегда скажутъ *ПОдь вечЕрь, По кормъ,*

на гору, на сене, По сено, У дому; хотитё, спитё, Ъдитё в.м. *Ъдите; идитё, гребитё* и др.».

В § 57 и далее конкретными примерами отмечены особенности изучаемых им говоров в области грамматики, что мы не комментируем за неимением места.

Таким образом, своими исследованиями родных ему красносельскими говоров по авторитетной программе А. А. Шахматова Н. В. Покровский не только оказал услугу столичным исследователям диалектов времён начальной деятельности МДК, но и современным пользователям русского языка, показав его богатство во всём территориальном разнообразии, а также дал ориентиры для правильного определения красносельских говоров в диалектном членении русского языка.

П. И. Горбунов

Экспериментально-фонетическая лаборатория
криминалистики по речеведению, ФГБОУ ВО МГЛУ

Отдел подготовки периодики,

Институт научной информации по общественным наукам РАН
(Москва, Россия)

Казачья речь: статус, современное состояние и перспективы развития

В докладе анализируются некоторые проблемы, связанные с особенностями речи представителей казачьих этнических общностей [Елисеев 2023] и статусом казачьей речи в современном диалектном ландшафте в том числе — ее соотношение с донской группой говоров южнорусского наречия [Касаткин 2000].

1. Историческая территория расселения казаков существенно больше территории бассейна реки Дон. Она почти целиком охватывает южные рубежи нынешней Российской Федерации, а также включает в себя область Семиречья в Средней Азии. Можно ли утверждать в этой связи, что казачья речь — более сложный языковой феномен, нежели совокупность говоров донской группы? И если да, то как его охарактеризовать и описать?

2. Используют ли представители всех казачьих войск в быту одни и те же языковые конструкции и лексические единицы? Скорее всего, нет, так как разделение этнической общности на части

с последующим их территориальным обособлением может с большой вероятностью привести к возникновению нескольких идущих параллельно процессов этногенеза, в ходе которых каждая из получившихся общностей способна обрести свои уникальные черты. И если это действительно произошло в случае с казачеством, то насколько далеко зашли различия между этими группами на лингвистическом уровне?

3. Особая проблема изучения казачьей речи связана с попытками ее фиксации в письменном виде таким образом, чтобы передача ее фонетических особенностей стала возможной.

В настоящее время наблюдается рост интереса общественности к казачьей культуре, в том числе к ее языковой составляющей. Так, в представленных в сети Интернет сообществах по интересам, имеются посвященные не только быту и промыслам, но и речи казаков [URL: <https://vk.com/vivliotika>]. Материалами, способствующими казакам в изучении родной речи, служат среди прочего письменно задокументированные рассказы людей о языковой культуре в своих семьях, аудиозаписи речи пожилых казаков, старинные словари казачьих слов и выражений. Кроме того, участники групп активно обмениваются информацией о речевых традициях, характерных для мест их нынешнего проживания.

Наиболее популярные сообщества, посвященные изучению казачьей речи, представлены в таблице 1.

Таблица 1. Наиболее популярные Интернет-сообщества, посвященные казачьей речи

Наименование сообщества	Наименование социальной сети (мессенджера), в которой представлено сообщество	Количество участников сообщества (членов группы в мессенджере) по состоянию на 31.05.2024
Донской гутор	ВКонтакте	3858
Ента гутар, чадуня!.. ;-)	ВКонтакте	2861
ЎСХОД	ВКонтакте	283
Бублейский курень	Telegram	112
Письменный гутьр	WhatsApp	190
Казачья национальная библиотека	ВКонтакте	352

При изучении казачьей речи участники этих сообществ чаще всего прибегают к чтению и заучиванию наизусть слов и фраз, попыткам перевода полюбившихся текстов с русского на «казачий». Перевод осуществляется с применением собранного казаками словаря, насчитывающего около 35 000 уникальных речевых единиц. Отметим, что для записи «казачьих» слов используется «гутарица» — разработанная казаками азбука, включающий не только буквы русского алфавита, но и символы, в нем отсутствующие. Использование дополнительных символов объясняется необходимостью более точной передачи особенностей казачьей фонетики. Ниже, в таблице 2, представлены их написание и произношение [Бублеёв, Лещенко, 2021].

Таблица 2. Чтение отличных от русского алфавита символов «гутарицы»

Буква гутарицы	Значение	Особенности произношения и пример
и	[ы]	<i>Илим (невод) — «ыльím».</i>
й	краткий [а]	<i>Казáк, но къзакòв. Пь-масковки (по-московски) — «па масковскы».</i>
є	[‘о] или [jо]	Всегда ударный. <i>Идѣть (идѣт) — «ыдѣть».</i>
і	[и]	<i>Вѣлкан — «великан».</i>
ѣ	[е] или [jэ]	Всегда безударный. <i>Кѣтрадь (тетрадь) — «кйѣтрадь».</i>
ѳ	[хф]	<i>Ѳамілія (жена) — «хвамилиія».</i>
ѵ	[у]/[w]	<i>Завтрѣ (завтра) — «заутре».</i>
s	[дз]	<i>Мастом сибѣй (много волн) — «Мастом дзыбей».</i>
ц	[д’ж]	<i>Джиріда (дротик) — «дѣжыріда».</i>
ѵ̣	[ыв]	<i>Ѵсходи (крыльцо) — «ывсходы».</i>
ї	[ji]	<i>Райіи (пирамидальные тополя) — «райины».</i>
г	[Ү]	

Примеры перевода текстов с русского на «казачий»:

На утро следующего дня он под аплодисменты сослуживцев вышел с территории части. Твердо зная, что сюда уже не вернется. Молодежь ему завидовала, представляя дело его

в романтическом ореоле. Ловелас и повеса, завязтый дуэлянт! Теперь еще и отправляется в ссылку. Боже, как же все это драматично! Как все это достойно подражания! — Съвутрѣва спадряднѣва дѣне вон пат бузкѣ ву далонѣ адна сумѣв вишгѣл ис намастовкѣ чѣсти, жѣстока ведая, чо цѣда ужо нѣ възвѣрнетца. Бурлакѣв на гѣму завѣлкѣ бралѣ, блазнѣя делу гѣво ву бугринних блужданѣях нѣ ву ме. Бабѣй гуляка дѣ жармел, загѣдлий собѣничик! Таперь ищо апрѣдѣляйтѣс ву уваркю! Божѣ, каг жи ента все плачѣвнѣ! Каг все ента здорѣва вторѣнѣи!

Прятелей у него хватало, но особенно он ни с кем не сходился. Жил бобылем на территории части. К полудню сдал он все свои дела и решил «проставиться». Вечером закатил у себя пирушку по случаю отъезда. — Залѣянѣв ву гѣво бѣла абвалам, дѣ асаблѣв вон нѣ з кеѣм нѣ брачѣлѣсѣ. Вон брѣнѣува ву намастовкѣ чѣсти. Г пальдѣню здал вон все сваевѣи дѣли, дѣ рѣшилѣсѣ пѣпочтѣвать залѣянѣв на рускѣй макар: ву вѣчерную пару дѣть дразда ву сабейнѣй гулячкѣ на лѣчаяю атьѣзду.

Перспективой для дальнейших исследований может послужить более детальный анализ казачьего словаря и более полное описание используемого казаками алфавита для записи слов и выражений.

ЛИТЕРАТУРА

Бублѣѣв В. Н., Лещенко А. А. Наши стихотворения (сборник стихов и переводов на гуторе) — Ростов-на-Дону: изд. гр. «Донской гутор», 2021. — 144 с.

Елисеѣв Е. Е. Краткие сведения о процессе восстановления казачьего языка (гутора) в первой четверти XXI века / Е. Е. Елисеѣв, протоиерей // Казачество: вчера и сегодня: Неопубликованные материалы V Межрегиональной научно-практической конференции «Амурское казачество: вчера и сегодня», Благовещенск, 30 марта 2023 г.: докл. и сообщ. / Древлеправославный Иркутско-Амурский архив. — г. Большой Камень, Приморский край. Издательство «Русский Остров», г. Владивосток, Россия, 2023. — С. 11–26.

Казачья национальная библиотека // Текст : электронный [сайт]. «Казачья национальная библиотека» [Электронный ресурс] — URL: <https://vk.com/vivliotika> (дата обращения: 15.05.2024).

Касаткин Л. Л. Донские казачьи говоры // Слово в тексте и в словаре: Сборник статей к семидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна. — М., 2000. — С. 582–590.

С. В. Дьяченко

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

Г. П. Пилипенко, М. Н. Саенко

Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

Говор с. Юдино Подгоренского района Воронежской области

В докладе будут представлены предварительные результаты исследования украинского полесского говора по данным 2024 года. Авторами была организована экспедиция в село Юдино Подгоренского района Воронежской области и окрестные сёла. Материалом для данного исследования послужили аудиозаписи речи трёх местных жительниц, в основном это рассказы двух женщин, родившихся в 1935 и 1937 годах. Анализ записей позволил выявить особенности исконного говора, а также проследить влияние русского языка, являющегося единственным официальным языком в этом регионе.

Краткая характеристика **фонетических** особенностей¹:

- Гласный [и] встречается на месте *ě как под ударением, так и без него: *na světě > на *світи*, *na městě > на *місти*, *děti > *діти*, *čelověkь > *чоловік*, *jěsti > *їїсти*, *lěska > *ліска* ‘орешник’, *vědro > *видро́*, *sějati > *сіять* ‘просеивать’ (за исключением заимствований, где используется [e], например, *mělь > *мел*).
- На месте *e в новом закрытом слоге обнаруживается [и]: *reťь > *нічь*, *sedmь > *сим*. В рамках парадигмы может происходить выравнивание: *na reťi > на *ничі* вместо на *печі*.
- В новом закрытом слоге на месте *o произносится [ы]: *opь > *вын*, *rodь > *ныд*, *nogьte (nom.pl.) > *ніхьти*, *synovь (gen pl.) > *сыныў*. Чередование о / ы в рамках одной парадигмы нередко подвергается выравниванию в ту или иную сторону: *okьpь (gen.pl.) > *вѣкон* вместо *вокон, *gnojьmь > *һныйим* вместо *һнойим, *na kopyci > на *коньци* вместо *на киньці). В безударных слогах рефлексом *у, *і и *е является

¹ В тексте тезисов используется упрощённая транскрипция, опирающаяся на русскую графику, дополненную символами h для обозначения звонкого фарингального фрикативного (в МФА — ɣ), l — апикального альвеолярного латерального аппроксиманта и љ для неслогового [y].

звук [ы], однако в открытом конечном слоге рефлексы *у, *і, с одной стороны, и рефлексы *е — с другой, различаются: *нарыва́лы, Тышко́, вылыкэ́нька, прыныслы́ — ны сольы́лы, чістэ́* (глагол в 3 л. ед. ч.).

- В безударных слогах различаются /о/ и /а/, за исключением заимствований из русского языка: *кóрочка тоню́синька, солóмы*.
- Губные согласные смягчаются только перед [и]: *умі́сти, мишкові́на, позабі́лювала*; перед гласными переднего ряда для выражения их мягкости используется вставной [j]: *пья́ть, дыривья́ны*. Сочетание [мй] (< *m' или *mъj) переходит в [мн'], что характерно для многих украинских говоров: *мя́со, мякя́, мя́ла*. Этот переход присущ даже русизмам: *врэмне* 'время' и *сымня́* 'семья'.
- Фонема /в/ представлена губно-губным звуком, но перед [с] может переходить в глухой [ф]: *Прокóныў дом, тых паны́ў — фси, фсэ*.
- Фонема /г/ представлена фарингальным звонким звуком [h], за исключением редких заимствований, где используется взрывной звук [г]: *каһа́ньця, һры́ця, заһорі́лося, о́һуль, пыры́һар — Гарагеевы* (фамилия).
- [л] в конце слога в сочетаниях, восходящих к праславянскому сочетанию *ТьlТ, переходит в [ў]: *поўно́, тоўсты́, тоўшыно́ю, доў́на*. Этим же звуком фонема /л/ представлена в глагольном суффиксе прош. вр. -л в глаголах м. р.: *покачя́ў, про́буваў, бы́ўся*.
- Сохраняется характерная для древнерусского и украинского, но исчезнувшая в русском возможность ударения глаголов на флексии множественного числа: *сыды́мо, живы́тэ*.

В говоре преобладает использование суффиксов с мягким свистящим (-ськ-, -цьк-) в прилагательных и наречиях, что характерно для украинской диалектной речи: *Пэрэва́леньська, дура́цько́но, һрэ́цьки, по-суси́цьки*. Однако в некотором количестве случаев встречается твердый свистящий, что свидетельствует о влиянии русского языка, особенно в контексте городских реалий, топонимов и устоявшихся понятий: *мадя́рско́но*.

В некоторых случаях наблюдается частичная фонетическая адаптация заимствований: «я ны зна́ю, ны апыре́лю». В этой фразе русское «рь» субституируется «р», но «е» не заменяется

на “и” (ср. укр. лит. *dілити*). Кроме того, в первом слоге не устраняется аканье.

Грамматические особенности:

- Хорошо сохраняются вызванные второй палатализацией чередования в dat.-loc.sg. -а-основ: у *такóйи люльци* ‘в такой колыбели’, у *ка́цици* ‘в детской кроватке’, к *Па́сьци* ‘к Пасхе’, по *до́сьци* ‘по доске’, *Мару́сьци* ‘Маруське’.
- Говор демонстрирует интересную систему склонения прилагательных, где в именительном падеже женского и среднего рода используются окончания -а/-я и -е соответственно, во мн. ч. -и/-ы: *чёрна*, *малэ*, *бо́сы*, *ко́жаны*, *нывы́ыки*. Такая же модель применяется и для русских заимствований, что свидетельствует о процессах адаптации.
- В родительном падеже мужского и среднего рода прилагательных и местоимений используется окончание -о́/о-ё́, а также -оо/-ёо: *мада́рско́о*, *трына́цято́о*, *одно́о*, *шыс-то́о*, *ко́о*, *ё́о*, *то́о*, *на́шоо*.
- Невозвратные глаголы в 3 л. ед. и мн. ч. функционируют с конечным -ть и без него. Распределение таково: в 3 л. ед. ч. глаголы I спр. с ударным окончанием и I (и совпадающего с ним в этой форме II) с безударным окончанием без -т: *накладэ*, *устаэ* (встаёт), *поли́э*, *ка́жэ*, *замáзуе*, *спра́шуе*, *да́рэ*, *пы́джэрэ*, *ро́бэ*; глаголы II спр. с ударным окончанием — с -ть: *лы́жыть*, *кады́ть*; в 3 л. мн. ч. глаголы обоих спряжений с ударными и безударными окончаниями — только с -ть: *рысу́ють*, *ви́шають*, *натыра́ють*, *да́рають*, *ро́блять*, *ску́эвдять*, *сы́дять*, *дырэ́вья сто́ять*, *о́ны лы́жа́ть*.
- Глаголы с основной настоящего времени на -ай в 3 л. ед. ч. имеют вариативные окончания: *пови́шае*, *прынима́е*, *хра́е* и *нахиля́*, *побры́ска*.
- Глагол *быть* в 3 л. ед.ч. используется в конкурирующих формах *есть*, *еь* или *е*.

В исследуемом говоре сохраняется богатый **лексический** фонд, включающий в себя слова, не встречающиеся в литературном украинском языке, но распространенные в различных диалектах, например, *ліска* ‘лещина’, *вўльни* ‘ульи’, *кады́ть* ‘чадить’, *ты́рло* ‘стойбище’. Кроме того, встречаются и локальные новообразования, такие как *ша́мци* ‘вид кожаной обуви’.

В говоре наблюдаются случаи заимствования из русского языка, которые воспроизводятся без фонетической адаптации: на *вирéвках*,

рибёнок, харо́шая, бедность, де́вочка. Фразы «привя́зынэ краснай лёнтай», «а я аш оту́т у Ю́дэнэй заберёменила», «она́ ж дума, цэ ж я берёмена дак» демонстрируют использование русских слов без изменений как в корнях, так и во флексиях.

С. В. Дьяченко, С. В. Князев

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

М. Пронина

Университет Балеарских островов
(Пальма де Майорка, Испания)

Предударный вокализм с. Роговатое

Вокализм ударного и первого предударного слогов говора Роговатки описан достаточно подробно¹, однако в предыдущих работах инструментальному анализу подвергались только аудиозаписи нескольких информантов, преимущественно не самых старших. Кроме того, в отношении этих данных не применялись статистические методы анализа. В настоящем исследовании предпринята попытка восполнить этот пробел: в нем использованы в том числе данные одной из самых старших записанных в Роговатке информанток — ЕКС1919 — и ко всему материалу применены инструментальные и статистические методы анализа. Материал исследования составили словоформы с первым предударным слогом после твёрдых и после мягких согласных перед разными ударными гласными, извлечённые из аудиозаписей четырёх диалектоносителей (ЕКС1919, ДИР1923, ЕНФ1935, МАМ1932), всего около 3000 словоформ.

---

¹ См. Букринская И. А., Дьяченко С. В., Кармакова О. Е., Тер-Аванесова А. В. Отчеты о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН в 2013 г. / Под общ. ред. А. В. Тер-Аванесовой // Русский язык в научном освещении. № 2 (28). М., 2014. С. 262–309; Дьяченко С. В., Исаев И. И., Малышева А. В., Тер-Аванесова А. В. Экспедиция в село Роговатое Старооскольского района Белгородской области / Отчеты о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН в 2012 г. / Под общ. ред. А. В. Тер-Аванесовой // Русский язык в научном освещении. № 1 (25). М., 2013. С. 275–285; Дьяченко С. В. Инструментально-фонетическое исследование южнорусского говора в ареальном контексте. Дисс. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2021; Дьяченко С. В. Архаическое аканье и яканье в южнорусских говорах: ареальная характеристика // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. № 2. М.: ИРЯ РАН, 2021. С. 11–26.

В ходе первого этапа работы были получены значения длительности гласного первого предударного слога в мс; средние значения F_1 центральной трети предударного гласного, соответствующей его стационарному участку, в Гц. Полученные данные были проанализированы статистически с применением смешанных линейных моделей (F_1 / длительность как зависимая переменная, ударный гласный как фиксированный эффект, информантка и номер примера как случайные эффекты) в программе R версии 4.1.1² с использованием пакета lme4 версии 1.1.27.1³.

Аканье

Статистический анализ данных показал, что в количественном отношении архаическое аканье у всех информанток выдерживается очень последовательно. Длительность предударного гласного перед [а], [е], [о] значимо ниже, чем перед ударными верхнего и верхне-среднего подъёмов.

В отношении качества предударных гласных у всех информантов также наблюдается единообразие, свидетельствующее об архаическом типе аканья: F_1 предударного перед [и, ы, у] и перед закрытыми [ие, уо] значимо выше, чем F_1 предударных перед открытыми [е, о] и [а]. Однако у информантов ДИР1923, ЕНФ1935, МАМ1932 при этом зафиксирован значимо более открытый предударный гласный перед [а], чем перед [е, о].

Яканье

Система вокализма первого предударного слога после мягких согласных в говоре Роговатки описана⁴ как архаическое дисси-

---

² R Core Team. (2020). R: A language and environment for statistical computing. Foundation for Statistical Computing. <https://www.r-project.org/>.

³ Bates, D., Mächler, M., Bolker, B. M., & Walker, S. C. (2015). Fitting linear mixed-effects models using lme4. *Journal of Statistical Software*, 67 (1), 1–48. <https://doi.org/10.18637/jss.v067.i01>.

⁴ См. Дьяченко С. В. Архаическое яканье в говоре с. Роговатое Старооскольского района Белгородской области // Славянские языки и культуры в современном мире: III Международный научный симпозиум: Труды и материалы (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 23–26 мая 2016 г.): К юбилею декана филологического факультета МГУ профессора Марины Леонтьевны Ремнёвой / Составители О. В. Дедова, Е. В. Петрухина, Л. М. Захаров. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 212–214; Дьяченко С. В. Инструментально-фонетическое исследование южнорусского говора в ареальном контексте. Дисс. на соискание ученой степени кандидата

милятивное яканье. Фонемы неверхнего подъёма нейтрализуются в одном из трёх позиционно распределенных аллофонов: звуке [a] (с длительной *и-* или *е-*образной частью, что вообще характерно для гласных непереднего ряда после мягких согласных в роговатовском говоре) — перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъёма: *куз'н'ацуб'овъ*, *у с'т'ан'иэ*, *ул'иад'и*, *п'ир'иамыльс'*, *зв'иануб'*, звуке [e] — перед ударными гласными [a], [o], которым предшествует твёрдый согласный: *ум'еп'ла*, *св'етои* (м. р.), *м'ешок* и [и] (или [e] у некоторых информантов) — перед ударными [e], [o], [a] которым предшествует мягкий согласный: *п'ик'э*, *п'ит'орк'и*, *вр'им'анъч'к'у*, — *вым'ер'айут'*, *р'еб'онкь*, *мът'ер'эй*, — *н'ел'з'а*, *ч'ерн'авъи*, *не см'эл'иш*.

При этом отмечалось⁵, что в говоре зафиксировано две разновидности архаического яканья, различающиеся качеством предударного гласного перед ударными гласными среднего и нижнего подъёма. У одних информантов в этой позиции преобладает [e] (задонское яканье): *ап с'ел'эн'йу*, *пръв'ер'иат'*, *у с'ер'иотку*, таких информантов большинство, среди них ЕКС1919; у других — [и] («умеренное» задонское яканье): *зрр'иб'э*, *р'иб'атъм*, *с'т'ир'иох*, таких информантов меньшинство, среди них ДИР1923, ЕНФ1935, МАМ1932. При этом и у тех, и у других перед ударными [o] и [a] наблюдается только предударный [e], см. Табл. 1.

Таблица 1. Система архаического диссимильтивного яканья в говоре Роговатки

Гласные 1 п/у слога на месте фонем неверхнего подъёма	Ударные гласные
[e]	/o/, /a/
[и] / [e]	'/e/, '/o/, '/a/
[a]	/и/, /у/, /ѣ/, /ѡ/

Одной из наших задач было выяснить с помощью статистических методов, действительно ли в говоре функционируют две разновидности архаического яканья, выделенные в результате аудитивного анализа.

филологических наук. М., 2021; Дьяченко С. В. Архаическое аканье и яканье вожнорусских говорах: ареальная характеристика // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. № 2. М.: ИРЯ РАН, 2021. С. 11–26.

⁵ В работах, указанных в сноске 4.

В результате исследования оказалось, что по длительности у всех четырёх информанток наблюдается статистически значимое различие между «долгими» (перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъёма) и «краткими» (перед ударными среднего и нижнего подъёма) предударными гласными. Таким образом, архаический принцип вокализма и после твёрдых, и после мягких согласных очень последовательно выдерживается именно в количественном отношении.

По качеству предударные гласные различаются более сложным образом.

У информанток ДИР1923, ЕНФ1935, МАМ1932 на основании аудитивного и инструментального анализа выделяются три группы предударных: 1) гласные перед ударными верхнего и верхне-среднего подъёма (максимально высокая F1); 2) предударные гласные перед ударными [o] и [a] (максимально низкая); 3) предударные гласные перед ударными [ʼe], [ʼo], [ʼa] (промежуточное значение F1; все различия статистически значимы).

Вопреки ожиданиям, у информантки ЕКС1919 также есть значимая разница между качеством (F1) предударных гласных перед [o] и [a], с одной стороны, и перед [ʼe], [ʼa] — с другой. Предударный гласный перед [ʼo] при этом занимает как бы промежуточное положение между предударными перед [a], [o] и предударными перед [ʼe], [ʼa]. Таким образом, яканье и этой информантки не задонское, как предполагалось на основании слухового анализа, а тоже «умеренно-задонское», как и у остальных информанток.

Е. А. Жданова

Ижевские государственные технический университет
имени М. Т. Калашникова
(Ижевск, Россия)

Названия диких животных в корпусе русских говоров Удмуртии

Названия диких животных, распространенные в Европейской части России, в том числе в русских говорах Удмуртии, отражены во втором томе Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ) «Животный мир» (<https://nenadict.iling.spb.ru/dictionaries/1117>),

сведения для которого получены в основном в результате опроса по программе атласа.

В сообщении будут представлены результаты сопоставления материалов ЛАРНГ, содержащихся в томе «Животный мир», и данных корпуса русских говоров Удмуртии (<http://dialect.manuscripts.ru>). Корпус, работа над которым ведется с 2012 года, включает записи диалектной речи жителей 167 населенных пунктов Удмуртии, сделанные в 1970–1980-е гг. Его разметка основана на программе ЛАРНГ, что позволяет делать выборку ответов на нужные вопросы программы.

Большинство отмеченных в корпусе наименований диких животных (диких зверей и птиц, пресмыкающихся и земноводных, рыб, насекомых), которым посвящены вопросы программы ЛАРНГ, являются общеупотребительными: *заяц, волк, медведь, соловей, лягушка, пчела, налим* и т. п. Диалектные названия этих животных, приведенные в ЛАРНГ на территории Удмуртии (например, названия медведя: *боровик, ведмедь, миша, хозяин*), материалами корпуса русских говоров Удмуртии не подтверждены. Однако стоит заметить, что в корпусе зафиксированы наименования не всех животных, включенные в программу ЛАРНГ, так как при записи текстов перед собирателями не стояла задача сбора лексики по конкретной теме.

В то же время в корпусе отмечен ряд диалектных наименований, зафиксированных и в ЛАРНГ: *метляк* ‘мотылек’ (Балезинский р-н), *паут* ‘овод’ (Балезинский, Воткинский, Каракулинский, Сарапульский р-ны), *мизгирь* ‘паук’ (Балезинский р-н), *тенёта* ‘паутина’ (Кизнерский р-н) *краснопёрка* ‘окунь’ (Завьяловский р-н), *пискун* ‘пескарь’ (Сарапульский р-н), *сорога* ‘плотва’ (Воткинский, Завьяловский, Кезский, Сарапульский р-ны).

В других случаях диалектные слова, вошедшие в корпус, были зафиксированы собирателями и присутствуют на картах ЛАРНГ на территории Удмуртии, однако некоторые из них записаны в районах республики, не отмеченных значком на карте: *медвѣжиха* ‘медведица’ (*Мне над медвежихам диво: двои груди у ей — тут, как у женщины, и сзади, как у коровы* (д. Петровцы, Балезинский р-н), (*з)мерявкать* ‘издавать громкие, характерные для медведя звуки’ (*Я сам-то охотник, ходил на медведя. Медведь как замерявкает, я ружо бросил* (с. Валамаз, Селтинский р-н), *векиша* ‘белка’ (*Отец у меня лесовышк был, вѣкишу промышлял. Вѣкиша как белка просто* (с. Кулига, Кезский р-н), *строка* ‘овод’ (*Стрѳки заели* (д. Забегаево,

Воткинский р-н), *бель* ‘мелкая рыба’ (с. Старые Зятцы, Якшур-Бодьинский р-н), *пискун* ‘пескарь’ (с. Каракулино, Каракулинский р-н), *сорога* ‘плотва’ (с. Арзамасцево, Каракулинский р-н, с. Городилово, Кизнерский р-н).

В ряде случаев материалы корпуса русских говоров Удмуртии фиксируют диалектные слова, отсутствующие на картах ЛАРНГ на территории Удмуртии. Слово *хóркать* ‘квакать’, записанное в Воткинском районе (*На болоте лягушки хóркают*), отмечено на карте № 128 ЛАРНГ восточнее Удмуртии, в Пермском крае. Стоит обратить внимание на то, что Воткинский район находится на границе с Пермским краем. Слово *сыч* ‘ястреб’ в ЛАРНГ отведено от картографирования как название другой птицы (комментарий к карте № 121), однако в д. Порым Граховского района Удмуртии записано: *Сыщи большие, ястрёб называцца*. В материалах к карте ЛАРНГ указано, что это название ястреба зафиксировано в нескольких пунктах Удмуртии и соседней Кировской области.

Слово *девятерик* в ЛАРНГ дано как название шмеля и отнесено к единичным названиям с некартографируемыми корнями (карта № 143), записано в Кизнерском районе Удмуртии и в двух районах Марий Эл. Контекст, содержащийся в корпусе русских говоров Удмуртии, записанный в д. Русская Коса Кизнерского района, показывает, что этим словом здесь, по-видимому, называют шершня, более крупное насекомое, (*внучка информанта*): *баушка, девятерик (почему его так называют?) — говорят, девять жал у него, как шмель, токо большой, вон летат*.

Помимо распространенного в Удмуртии названия плотвы *сорога* (*сорожка*), в двух селах Воткинского района записано не отмеченное в ЛАРНГ наименование *чебак*: *Чебаки всё ловим, щас уж сорожкой их называют* (с. Светлое).

В качестве названия мелкой рыбы в прикамских районах Удмуртии (Сарапульском, Каракулинском) распространены слова *густера*: *Густера́ — это рыбёшка небольшая, сплющенная; и оришка (иринка, ярина, яринка): Мелкая рыба яринка называтса; Ярина — мелкая рыбка*. В материалах к карте ЛАРНГ «Мелкая рыба» зафиксированы слова иринка, иринник, оришка, записанные в нескольких районах Удмуртии и Пермского края, как отведенные от картографирования видовые названия. Приведенные примеры из корпуса русских говоров Удмуртии не позволяют подтвердить или опровергнуть это утверждение.

Таким образом, в корпусе русских говоров Удмуртии отмечен ряд диалектных наименований, относящихся к теме «Животный мир». Многие из них зафиксированы собирателями материалов для ЛАРНГ и отражены на картах атласа. Максимальным диалектным своеобразием отличается тематическая группа названий рыб. Большинство специфических ихтионимов записано в прикамских районах республики.

Материалы корпуса русских говоров Удмуртии подтверждают, дополняют и уточняют информацию, отраженную в ЛАРНГ, в ряде случаев контексты, содержащиеся в корпусе, могут подтвердить или опровергнуть соответствие диалектного слова значению, предусмотренному вопросом программы атласа. Таким образом, корпусные данные способны уточнить и обогатить материалы современных лингвогеографических изданий.

В. А. Закревская

Тюменский государственный университет
(Тюмень, Россия)

Глаголы однонаправленного движения в архангельских говорах (об одной функциональной особенности)

Составитель толкового словаря, как правило, сосредоточивает внимание на характеристике лексического значения слова, обращаясь к многозначности, омонимии, наличию лексико-семантических вариантов, синонимов, фразеологизмов и т. п. Это вполне закономерно. Словообразовательный потенциал того или иного слова тоже можно выявить, сопоставляя однокоренные лексемы. А вот грамматическую характеристику слова, его функциональную нагрузку отражает исключительно иллюстративный материал, который приобретает в этом случае самодовлеющую ценность. Цель доклада — представить некоторые особенности употребления глаголов однонаправленного движения, опираясь на собственные записи диалектной речи, сделанные в разных районах Архангельской области (в последнее время преимущественно в Каргопольском районе), и ряд словарных статей «Архангельского областного словаря».

Как известно, при характеристике категории вида принято выделять небольшую группу непроектируемых бесприставочных глаго-

лов типа *бежать-бегать, ехать-ездить, идти-ходить* и т. п. Одни обозначают однонаправленное движение (а значит, с точки зрения вида однократное единичное действие), другие — разнонаправленное (многократное повторяющееся действие).

Записывая в течение многих лет речь жителей Архангельской области, мы обратили внимание на то, что глаголы со значением однонаправленного движения нередко выступают со значением, свойственным глаголам разнонаправленного движения. Приведем примеры.

Ему приходится ехать (=ездить) самостоятельно. Володя с нами не ехал (=не ездил), мы поехали с Наташей. Едут (=ездят), да не збавя, да не свёрнут (о машинах). Едут-то (=ездят) вить не своротя. В школу не идёт (=не ходит), учительницу на имя не зовёт. Был лаз такой, о край там о реку шли (=ходили) в пештеру (староверы). Идёт (=ходит) как стопочка, никогда не стрехнётся, не шелохнётся. В туалет на коленках сперва ползла (=ползала), а потом побредёт. В Каргополь да в Тихманьгу, повсюда надо ехать (=ездить). Он в будку-то не ползёт (=не ползает), тесновато ему, он под веранду (о собаке).

Если обратиться к «Архангельскому областному словарю», то нужно отметить, что авторы в ряде случаев подчеркивают близость глаголов однонаправленного и разнонаправленного движения. Так, в словарной статье на *ездить* есть отсылка к одному из значений глагола *ехать* — ‘двигаться, перемещаться с помощью средств передвижения’ (*Не пускай ехать по самой жировой улке. Дороги железной не было, и всё ехали трактом. И в Москве взад-вперёд ехала*). Глагол *брести* тоже в одном из значений (‘отправляться, идти куда-нибудь’) сближается с глаголом *бродить*: *Дочка ходит на пожню, она везде бредёт*.

Из этих контекстов понятно, что речь идет не об однократных, а о повторяющихся действиях. И логичнее было бы тогда использовать глаголы со значением разнонаправленного движения.

Примечательно, что в одном контексте могут сосуществовать глаголы с семантикой и однонаправленного, и разнонаправленного движения. Ср. в наших примерах.

Девка воду-то носит, принесёт воды-то. Купались бегали, бежат с купанья детища-то. Она ночью бродила, побредёт. Поревлю, к тем приду, круглой год всё ходила к ним, так обжиласи, а то дак тяжело (после смерти мужа). Большие уж куда не ушёл, а хоть век не уходи.

Представляется, что подобное явление свойственно вообще устной речи. Так, нами зафиксированы употребления в живой речи носителей литературного языка: *Франция едет на дизеле. Никто меня не ведет в театр.*

В чем причина такого употребления? Как нам кажется, глагол со значением единичного однонаправленного движения, употребляясь в значении повторяющегося действия, обладает большей емкостью семантики, большей категоричностью, что принципиально важно для устного высказывания. Говорящий как бы подчеркивает, что каждый акт того или иного многократного действия достигает своей цели. Это предположение коррелирует с нашим сделанным ранее выводом о более широком диапазоне глаголов совершенного вида, берущих на себя функции глаголов несовершенного вида, употребляясь в ситуациях повторяющегося и длительного действия. А данные ситуации наиболее характерны для устной речи, поэтому и глаголы однонаправленного движения вполне органично в этом случае проявляют семантику многократности.

С. С. Земичева

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)

Количественно-именные словосочетания в хиславичском говоре (русско-белорусское пограничье)¹

Данное исследование выполнено на основе диалектного корпуса Хиславичского района Смоленской области, материалы которого были записаны на территории русско-белорусского пограничья в 2018–2019 гг. [Рыко, Спиричева 2020]. Корпус включает расшифровки 27 часов записей речи местных жителей и насчитывает 260 793 словоупотребления. Анализ сохранности некоторых диалектных особенностей этого говора представлен в статье А. И. Рыко и М. В. Спиричевой [Рыко, Спиричева 2022].

«Счётный оборот», т. е. сочетание числительных *два, три, четыре* с сущ. м. р. II скл. (твёрдой разновидности) в И. п. (*два*

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01097, <https://rscf.ru/project/24-28-01097>

браты́) в названной работе упоминается среди редких диалектных явлений хиславичского говора [Рыко, Спиричева 2022: 126]. Его исследование представляет интерес, поскольку, во-первых, это одна из немногих синтаксических диалектных черт, имеющая к тому же достаточно узкую локализацию: согласно традиционному диалектному членению, она распространена в западных русских говорах Псковской, Смоленской и Брянской областей, граничащих с Белоруссией [Русская диалектология 1964: 74–75]. Эта черта свойственна белорусскому языку [Трофимович 2006: 154]. Во-вторых, данное диалектное явление, по-видимому, быстро исчезает: хотя использование существительных м. р. и в И. п. мн. ч. с окончанием *-ы/-и* (*луги́, браты́*) описывается как характерная особенность современных смоленских говоров [Смоленские говоры: 228], в конструкциях с числ. *два-четыре* упоминаются только стандартные для рус. языка формы Р. п. ед. ч. сущ. [Там же: 255].

Эта особенность говора Хиславичей не была предметом специального изучения; подобные формы в говоре не являются единственно возможными, во многих случаях наблюдается вариативность (*луги́, снеги́, боки́, во́кны/о́кна, гла́зы/глаза́, дро́вы/дрова́, ро́ги/рога́* и др.). По нашим подсчётам в корпусе Хиславичей конструкция «числ. *два-четыре* + сущ. м. р.» встретилась 324 раза, из них 74 (23 %) относятся к «смоленскому» диалектному типу (*два мужики́, два кусо́чки, четыре́ клáссы, три бубе́нчики; два браты́, три сыны́*). Чаще всего нестандартные для рус. языка формы отмечаются у существительных с основой на заднеязычный (*быки́, круги́, го́дики, дво́рики, поросёночки* и др.).

Подобные конструкции наиболее последовательно сохраняются у представителей самого старшего поколения (1930-х годов рождения, с начальным уровнем образования), но единичные примеры их использования отмечаются и в речи более молодых сельских жителей (50–60-х годов рождения, со средним специальным образованием).

Форма сущ. в составе счётной конструкции обычно совпадает с рус. литературной (*мужики́, бубе́нчики, клáссы*) или диалектной (*сыны́, браты́*) формой И. п. мн. ч. Исключение составляет слово *год*: в конструкциях с числительными используются формы *года́* и *годы́*, при этом в качестве форм плуралиса зафиксированы только *года́* и *го́ды*. Аналогичное расподобление двух форм отмечено также для слова с основой на мягкий согласный *конь* (*два кони́, ко́ни*

были). В обоих случаях в качестве мн. ч. используется стандартная рус., а в качестве счётной формы — стандартная белорус. словоформа, которые последовательно различаются. Это позволяет, на наш взгляд, поставить вопрос о наличии в западных говорах особых счётных форм с ударным окончанием *-ы/-и*, отличных от форм мн. ч.². Из слов м. р. только в количественно-именных сочетаниях фиксируются формы *дитёнки, ребёнки, чело́веки*, встречающиеся в белорусских диалектах (в качестве плюралиса в Хиславичах зафиксировано только *дэ́ти, лю́ди*).

Своеобразны в исследуемом смоленском говоре и счётные конструкции с существительными ср. р. (*три ведры́, два яйцы́, два вўхи*). При этом в двух случаях из трёх счётные формы не совпадают с зафиксированными в говоре формами мн. ч. (*ведры, яйцы/ййца*). Подобное явление отмечалось в белорус. языке для некоторых существительных ср. р.: в И. п. мн. ч. ударение на основе, в сочетании с паукальными числительными оно перемещается на окончание («*два вядры, тры вяслы, чатыры гнязды*») [Трофимович 2006: 154].

Таким образом, система количественно-именных словосочетаний в говоре Хиславичей сочетает элементы рус. и белорус. языков: при числительных *два, три, четыре* встречаются сущ. м. р. и ср. р. с вариативными окончаниями *-ы/-и* или *-а/-я*.

Кроме того, можно, видимо, говорить о наличии в западном южнорусском говоре счётных форм отдельных существительных м. р. и ср. р., поскольку в сочетании с числительными используются формы, характерные для белорус. языка (*годы́, коні́, дитёнки, ребёнки, чело́веки, ведры́, яйцы́*), в то время как И. п. мн. ч. обозначается формами литературного рус. языка.

ЛИТЕРАТУРА

Русская диалектология / под ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой. М.: Наука, 1964. 315 с.

Рыко А. И., Спиричева М. В. Корпус Хиславичского района Смоленской области. 2020. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/khislavichi/> (дата обращения 22.03.2024).

² Специфика счётных форм в севернорусских говорах исследовалась А. В. Тер-Аванесовой [Тер-Аванесова 2021]; там же предложена идея возможного сопоставления таких форм в разных регионах.

Рыко А. И., Спиричева М. В. Степень сохранности диалектных черт у представителей разных поколений (Хиславичский район Смоленской области) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2022. № 5. С. 121–141. DOI 10.28995/2686-7249-2022-5-121-141.

Смоленские говоры: коллективная монография / под ред. Л. З. Бояриновой. Смоленск: Свиток; СмолГУ, 2015. 384 с.

Тер-Аванесова А. В. Счетная форма существительных мужского рода: пути развития в русских говорах // Актуальные проблемы русской диалектологии. Материалы Международной конференции (29–31 октября 2021 г.) / отв. ред. О. Е. Кармакова. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2021. С. 195–198.

Трофимович Т. Г. Сравнительно-историческая грамматика русского и белорусского языков: курс лекций. Минск: БГПУ, 2006. 179 с.

Е. Н. Ильина

Вологодский государственный университет
(Вологда, Россия)

Словарь диалектных корневых гнезд и аффиксальных парадигм: к проблеме комментария¹

Подготовка диалектного морфемного словаря ведётся в Вологодском государственном университете уже более пятнадцати лет. В настоящее время на основе лексики опубликованных выпусков «Словаря вологодских говоров» создана электронная база данных морфемного словаря, предусматривающая различные возможности поиска и сортировки материала. Следующая исследовательская задача — это лексикографическая верификация и экспедиционная проверка ранее введённых в неё данных, а также расширение возможностей электронного поиска и подготовка многоаспектного лингвистического комментария комплексных единиц морфемной системы говоров (диалектных корневых гнезд и аффиксальных парадигм). Цель данной публикации — обсудить задачи, решаемые с помощью такого комментария, прокомментировать его структуру и текстовый объем.

---

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 24-28-00123 «Диалектный словарь строения слов: от электронной базы данных к словарю корневых гнезд и аффиксальных парадигм»).

В настоящее время комментарий к корневому гнезду включает в себя перечень корневых морфов, представленных в составе диалектных однокоренных слов, характеристику каждого из этих слов с указанием частеречной принадлежности и постоянных морфологических признаков, краткое описание лексического значения и места фиксации слова, а также морфемной структуры его заголовочной словоформы. Общерусский характер корневой морфемы подтверждается её фиксацией в «Словаре морфем русского языка», для слов, включающих в свой состав диалектные корни, даётся справка о территории употребления со ссылкой на «Словарь русских народных говоров». С целью обоснования тождества и границ корневой морфемы приводятся сведения из этимологических словарей.

Пример подобного комментария приводится ниже.

-Карто- // **-картов-** // **-картовь-** // **-картоф-** // **-картох-** // **-картош-** // **-картыш-**
-карто-

КАРТОНуШКА (сущ., ж.) Лепешка с загнутыми краями и картофельным верхом, ватрушка. Сок. [СВГ, 3: 43]

Структура: **R** — карто, **S** — н, **S** — ушк, **F** — а

-картов-

КАРТОВЕННЫЙ (прил.) 1. Картофельный. Верх. 2. Любящий картофель. К-Г. [СВГ, 3: 41]

Структура: **R** — картов, **S** — енн, **F** — ый

<...>

Территориально не ограничен: ср.: **-картоф-** // **-картош-** [СМ: 144].

Ср.: **картофель** м., диал. *картоф*, арханг. (Подв.), *картоха*, *картохла*, *картопля*, *картосы*, *картыші* (Преобр.), *картофка*, тобольск. (ЖСт., 1899, вып. 4, стр. 495), *гартохля*, воронежск. (Даль), укр. *Картопля* <...> [Фасмер, 2: 204].

В настоящее время подготовлен комментарий 664 корневых морфем, зафиксированных в составе диалектных слов «Словаря вологодских говоров».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

F — флексия

R — корень

S — суффикс

- СВГ* — Словарь вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровской, Л. Ю. Зориной. — Вологда: ВГПИ; ВГПУ, 1983–2007. — Вып. 1–12 (в системе комментария используются принятые в этом словаре сокращения названий административных районов: *Сок.* — Сокольский, *К-Г.* — Кичменгско-Городецкий и др.).
- СМ* — Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф. Словарь морфем русского языка. — Москва: Русский язык, 1986. — 1136 с.
- Фасмер* — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 томах. Т. 1–4. — М.: Астрель; АСТ, 2007 (в комментариях сохранены принятые в этом словаре сокращенные названия научных изданий, в том числе диалектных и этимологических словарей).
-

Дарья Йонийч

Кильский университет имени Кристиана Альбрехта
(Киль, Германия)

Анализ Диалектологического атласа русского языка

Диалектологический Атлас русского языка (ДАРЯ) представляет собой результат более чем четырех десятилетий сбора данных, начиная с 1938 года. Он был опубликован в Москве в период с 1986 по 2005 год и включает в себя 313 карт, каждая из которых соответствует одному языковому явлению, охватывая 4196 населенных пунктов. В 2015–16 годах исследователи Казанского федерального университета извлекли языковые признаки и их значения непосредственно из физических карт и создали Excel-файлы, содержащие значения признаков по населенным пунктам [Isaev et al., 2016]. Мы обработали эти материалы дальше, «геопривязав» карту обследованных населенных пунктов и вручную извлекли географические координаты (широту и долготу) каждого населенного пункта. Таким образом, данные ДАРЯ стали пригодны для систематического количественного анализа.

Наш первоначальный исследовательский вопрос касался того, в какой степени административное деление, относящееся к различным эпохам российской истории, соответствует диалектным разделениям русского языка и может способствовать их объяснению. Для этого мы интерполировали все значения признаков, используя евклидово расстояние, выполнили иерархическую кластеризацию

по интерполированным данным и, наконец, разрежали классификационное дерево на кластеры. Этот количественный анализ показал, что тип административной единицы, наиболее соответствующий диалектным кластерам, — это уезд, который является самой ранней единицей, датируемой XV веком. Теперь наша следующая задача заключается в выяснении, какие другие факторы играют роль в дифференциации русских диалектов.

Исследования [Honkola et al. 2018] по диверсификации финских диалектов показали, что эти диалекты первоначально дифференцируются преимущественно под воздействием географических факторов, а затем, по-видимому, сгруппировываются и стабилизируются в результате влияния культурных факторов, включая различия в хозяйственных моделях. [Nerbonne и Heeringa 2007] также обнаружили, что «география значительно влияет на языковую вариацию», и более того, что численность населения коррелирует с языковым расстоянием. Вопреки предсказаниям модели гравитации [Trudgill 1974], их исследование показало, что чем больше численность населения, тем больше языковое расстояние. Цель данного доклада заключается в том, чтобы определить, существует ли и в какой степени проявляется влияние географии и численность населения на структурирование русских диалектов, представленных в ДАРЯ.

ЛИТЕРАТУРА

- Honkola, Terhi, Kalle Ruokolainen, Kaj J. J. Syrjänen, Unni-Päivä Leino, Ilpo Tammi, Niklas Wahlberg & Outi Vesakoski, Evolution within a Language: Environmental Differences Contribute to the Divergence of Dialect Groups, *BMC Evolutionary Biology*. 2018, 18, 132.
- Isaev, Igor', Valerii Solov'ev, Farid Salimov, Aleksandr Piljugin & Venera Bairaševa, Creating a Database of Russian Dialects and Prospects for Dialectometric Studies, *Herald of the Russian Academy of Sciences* 2016, Vol. 86, 448–453.
- Nerbonne, John & Wilbert Heeringa, Geographic Distributions of Linguistic Variation Reflect Dynamics of Differentiation, in S. Featherston, and W. Sternefeld (eds), *Roots: Linguistics in Search of its Evidential Base*, Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2007, 267–297.
- Trudgill, Peter, Linguistic Change and Diffusion: Description and Explanation in Sociolinguistic Dialect Geography, *Language in Society*, 1974, 3 (2), 215–246.
-

С. И. Иорданиди

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

***Пятро* в диахронии и синхронии**

Сфера функционирования суффикса *-тр(о)*, восходящего к прасл. **-tro* [Варбот 1969: 86], в русском языке ограничена единственным существительным *пятро*.¹ Засвидетельствованное впервые в средне-русской письменности XV в., это образование имеет значение ‘углубление’ [Срезневский II: 425]. В [СлРЯ XI–XVII 21: 100] лексеме *пятро* приписывается значение ‘потолок, чердак’:

Ежи на пятръхъ еи възгнѣдятся (ἐν τοῖς φαρνάμασιν).
(Софон. II, 14) Бусл.Мат., 49. 1499 г.

Пятро восходит к прасл. *pętro [Vaillant 1974, IV: 640; Фасмер III: 425]. Оно сохраняется до сих пор в славянских языках: польск. *piętro* ‘ярус’, чеш. *patro* ‘этаж’, с.-хорв. диал. *pětar* ‘крыша’, словен. *peter*, мн. *petra* ‘дощатый помост, пол чердака’². В качестве мотивирующего глагола выступает глагол *пяти*, *пъну* из псл. *pęti, *pęnq ‘натягивать’. В «Словаре древнерусского языка» представлен только глагол *пънати* ‘натягивать, расставлять’ единственным поздним примером: *нача юмоу дьяволъ съти пнати* Пр 1383, 111 [СДРЯ IX: 357].

Можно предположить, исходя из семантики рассматриваемой лексемы, что она в средневековой Руси принадлежала к числу слов, использовавшихся как в церковнославянских памятниках, так и в языке повседневного общения. Более поздние материалы свидетельствуют о том, что на восточнославянской территории распространение деривата *пятро* и его модификаций ограничено диалектным языком и неизвестны русскому литературному языку — в соответствующих словарях эти образования не зафиксированы.

Согласно этимологическим и диалектным данным, семантический спектр деривата *пятро* и его модификаций (*пятра*, *пятерь*,

¹ Единичные суффиксы, фигурирующие в русской словообразовательной системе, В. В. Виноградов называет «мертвыми» [Виноградов 1972: 93, 111, 112]. К такому относится и рассматриваемый формант.

² В этимологическом словаре украинского языка представлено в качестве заголовочного слова *п'ятра* в таких значениях, как ‘полиці, на які кладеться готовий посуд’, ‘навіс або поміст виступом’ [ЕСУМ IV: 652].

пятрочка, пятрочек) достаточно широк. Так, А. И. Подвысоцкий у сущ. *пятра́* омекает два значения: 1. Потолок из жердей в гумнах и поветах, на котором складывают солому и сено; 2. Укрепляемые в стенах концами жерди у потолка в избе, на которых сушат рыболовные сети, измокшую одежду, лес для мелких поделок и т. п. (онеж., холм., шенк.) [Подвысоцкий 1885: 144].

Более широкий спектр значений этого деривата представлен в Словаре А. Г. Преображенского: ‘фронтон’, ‘балкон’, ‘навес над дверью’, ‘мостик у сеновала’, ‘полки, на которые ставится готовая посуда’, ‘ярус, этаж, потолок’, ‘нёбо’ [Преображенский 2, 1914: 166]. Согласно В. И. Далю, *пятерь* (новг.), *пятра* (прм., вят. каз.), *пятры* мн. (вят.), обнаруживают такие значения, как ‘навес или помост выступом, фронтон или балкон’, ‘навес крыши над входом в амбар’, ‘выступ над дверьми сеновала’, ‘выступ под лобком крестьянских изб, на который ведет дверь светелки или с подволоки’ [Даль III: 553]. Подробный материал по функционированию *пятро* и его морфологических и деривационных вариантов³ содержится в Словаре русских народных говоров [СРНГ 33: 235]. Важно отметить, что дериват *пятра* представляет две омонимичные словоформы: И. п. ед. жен. рода (*говорят и вышка, и пятра*) и И.п. мн. ч. ср. рода от *пятро* (*пятра уже привезены были*).

Приведенный материал демонстрирует релевантность для семантической структуры глагола *пяти*, *пну* семемы ‘натягивать’. Ср. материалы славянских языков: укр. *п’ясти, пну* ‘натягивать’, блр. *пяць, пну* ‘давить’, болг. *пъна* ‘натягивает’, с.-хорв. *пéти, пеньём*, словен. *péti, pñet*, чеш. *pouti, pni*, словац. *pñit’, pni*, польск. *pić, pñe*, в.-луж. *pjeć, pni*, н.-луж. *pjeś* ‘натягивать’ [Фасмер III: 425]. Связь между мотивирующим глаголом с существительным *пятро* опосредованная: натягивать → то, что натянуто, протянуто. Проанализированный материал показывает, что праславянское слово, не войдя в состав русского литературного языка, сохраняется в диалектах, обрастая однокоренными вариантами и существенно расширяя свою семантику. И это обстоятельство требует своего осмысления. Предположения по этому поводу будут озвучены в докладе.

³ Морфологические варианты противопоставлены по роду: *пятро* (сред. р.), *пятра* (жен. р.); деривационные — по словообразовательным формантам: *пятро, пятерь, пятрочка*.

ЛИТЕРАТУРА

- Варбот Ж. Ж.* Древнерусское именное словообразование. М.: Наука, 1969. 228 с.
- Виноградов В. В.* Русский язык. М.: Высшая школа. 1972. 614 с.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Госиздат, 1956. Т. I–IV.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. / Голов. ред. О. С. Мельничук. Т. 1–7. Київ: Наукова думка, 1982–2012.
- Подвысоцкий А. О.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: 2-е Отд-ние Акад. наук, 1885. 198 с.
- Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка. М.-Л.: Изд-тво АН СССР, 1949. Т. 1–3.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. М., Л. / СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М.: Русский язык, 1988-. Т. 1–.
- СЛРЯ — Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975-. Вып. 1–.
- Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. СПб., 1893–1903. Т. 1–3.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1964–1973.
- Vaillant A.* Grammaire comparée des langue slave. Paris, 1950–1966. Т. 1–3.
-

А. П. Каргина

Камчатский государственный университет
им. Витуса Беринга
(Петропавловск-Камчатский, Россия)

Приставочные глаголы с суффиксами *-ива-/-ыва-* в говорах камчадалов

Семантика глагола складывается из различных признаков, к которым, кроме лексического значения, относятся и его аспектуальные особенности (способ глагольного действия, видовременные характеристики). Поэтому приставочные глаголы с суффиксами *-ива-/-ыва-*, являясь яркими представителями сложной глагольной семантики, вызывают интерес у лингвистов как в диахроническом, так и в синхроническом плане. Данные глаголы являются предметом исследований и диалектологов. В докладе остановимся на особенностях указанных глаголов, функционирующих в гово-

рах камчадалов¹. В ходе анализа были выделены следующие группы глаголов с суффиксами *-ива-/-ыва-*:

1. Глаголы с приставкой *вы-*. Эти глаголы могут иметь в говорах камчадалов интенсивно-кратное значение, обозначая действие, производимое усиленно, с повторением его компонентов. Например:

Выбуживать ‘выгонять зверя из берлоги или пустотелого дерева’: *Выбуживать — будить, находят берлогу. З другой стороны дёрева начинают выбуживать, выгонять што-ли соболя ис колодины*². Млк.

Некоторые глаголы не имеют такого значения и используются в общефактическом значении. Например:

Вываживать ‘таща или перевоза, извлекать откуда-л., вывозить’: *Вываживать — рыбу вытаскивать из воды, а не только выводить*. Млк.

2. Глаголы с приставкой *на-*. Глаголы этой группы могут иметь многократное значение. Например:

Наваживать ‘возя, доставлять, привозить в несколько приемов, постепенно в каком-л. количестве’. *Дрова наваживали зимой*. Млк.

Однако большая часть глаголов этой группы в говорах камчадалов имеет интенсивно-кратное значение, так как они обозначают действие, которое производится усиленно, с повторением и выделением отдельных своих компонентов. Например:

Найнивать 1. Не давать проходу, надоедая чем-л. *Найнивать — приставать, надойэдать, упрáшивать, он найнивал пойэхать*. Млк. 2. Лезть с дракой. *Што ты найнивайэши на миня, йа тожэ могу ударить*. Клч. *Приставать, драться лэзет, найнивайэшт*. Млк.

Некоторые глаголы данной группы утратили значения и многократности, и интенсивности. Например:

¹ Камчадалы — это субэтнос Камчатки, сформировавшийся в XVIII веке в связи с освоением камчатских земель русскими людьми (казаками, носителями севернорусского наречия), которые вступали в браки с представительницами местных народов (ительменов, коряков и позже эвенов), в результате чего появилось камчатское наречие.

² Контексты даются в упрощенной транскрипции.

Насо́диваться ‘принимать сидячее положение, садиться’.
До́цьки у пёцьки насо́дивайўца и цитáйт. Млк.

3. Глаголы с приставкой *об-*, *о-*. Эти образования представляют собой результат вторичной имперфективации и соотносятся с глаголами, действие которых обозначает суммарный охват действием чего-либо. Они могут иметь значение многократности, если образованы от глаголов несовершенного вида. Например, глагол **обва́живать** ‘возить что-либо по разным местам, развозить, обеспечивая чем-либо’: *Остануця прости́е зэн'сцины да пацяны малы́е. И вот эти зэн'сцины шами обва́живаю́т хожя́йство шэном и дрoва́ми. Аму́жыки фсе уеззали на ошэно́фку прому́слят собо́ля. Мл.³*

Если же глагол соотносится с производящей основной совершенного вида, то фиксируется его общефактическое значение. Например:

Общи́скивать ‘испускать мочу, мочиться на что-л.’: *Брат отрубíл но́гу, опщи́скивай фсю ра́ну, обосся́л фсе́, гно́йца не бу́дет, фсе́ за́жыло, фсе́ за́жыля́ли. Млк.*

Оха́бячивать ‘ухаживать за кем-л., заботиться о ком-л.’: *Э́то когда́ жэ́ньщина и́дэ́т на у́лицу оха́бячы́вать ко́рoву, в заго́не ци́сьты́ть.*

4. Глаголы с приставкой *от-* и суффиксами *-ива-/-ыва-*. В эту группу включаются вторичные имперфективные глаголы с общефактическим значением. Они соотносятся с глаголами совершенного вида, которые характеризуются значением исчерпанности и полноты результата. Например:

Отва́дивать ‘отучать от чего-л.’: *На́до от груди́ отва́дива́ть, хоть кры́щит фсе́ равно́, и́если уш нацн́еи от груди́ отва́дива́ть, бо́льшэ́ не дава́й. Млк.*

В данной группе есть глаголы, которые характеризуют действие достаточно специфично. Так, глагол **отза́ривать** ‘кончать зориться’: *Нацна́ит оджа́риат. Шолны́шко ужэ́ там и́ходи́т хоти́т /У.⁴ —*

³ Словарь русского камчатского наречия / под ред. К. М. Браславца, Л. В. Шатуновой и др. — Хабаровск : Изд-во Хабаровск. гос. пед. ин-та, 1977. С. 114. Толкования и контексты из этого источника даются в том написании, в котором они представлены в словаре.

⁴ Там же. С. 121

обозначает прекращение длительного действия (ср. в литературном языке: *отцветать*).

5. Глаголы с приставкой *под-*. В говорах камчадалов они имеют, как правило, смягчительное значение, выражая ослабленное, неполное или умеренное в своем проявлении действие. Например:

Подка́пчивать ‘немного коптить’: *Йёвó <кипрей> подка́пчивали и потóm в зímний перióт йёвó толóли и жир добавляли.* Квр.

У некоторых глаголов наблюдается общефактическое значение:

Поддобы́чивать ‘добывать в течение некоторого времени путем ловли, выслеживая’: *Ну, как ты, парен', поддобычивал? Как ты поохотился? /Е./⁵.*

6. Единичные глаголы с приставками *при-, с-, рас-, из-, за-, по-*, которые имеют в речи камчадалов общефактическое значение:

Приб́игивать ‘бегом или быстро, торопливо достигать какого-л. места’: *Они́ приб́игивали за пáлкой.* Млк.

Сприд́ельывать ‘изготавливать, готовить что-л.’: *Кипр́ей и перемёсивали, сприд́ельывали ба́буски, хлеба веть не́ было.* Млк.

Рассо́пливаться ‘размокая, растягиваться’: *Я всё из Коровины держу юкши. Сыромятные не годится — рассоплива-ется. У тебя юкши худо, паря. /Щапино/⁶.*

Изневáживать ‘ненавидеть кого-л.’: *Изневáживать — это значит ненавидеть. Муш за изм́ену жену́ свою́ изневáживал.* Клч.

Запошивáть ‘изготавливать (одежду), скрепляя нитью края деталей из ткани, кожи и т. п.’: *Мáленьким ш́или штани́шки з завя́сками, как писеть, разрёс д́елали, запошивáли так, и так он <ребенок> ходил, ид́ут, ид́ут, писеть захóчет, сядет и дáльшэ ид́ет.* Млк.⁷

Таким образом, приставочные глаголы с суффиксами *-ива-/-ыва-* представлены в говорах камчадалов формами с различными

⁵ Там же. С. 133.

⁶ Словарь русского камчатского наречия / под ред. К. М. Браславца, Л. В. Шатуновой и др. — Хабаровск : Изд-во Хабаровск. гос. пед. ин-та, 1977. С. 148-149.

⁷ В данной лексеме представлен алломорф *-ва-*, присоединяемый к глагольной основе, оканчивающейся на гласный.

префиксами. Наиболее распространены модели образования глаголов с приставками *на-*, *от-*, *под-*. Менее употребимы глаголы с приставками *вы-*, *об-*, *о-*. Единичны случаи глаголов с суффиксами *-ива-/-ыва-* и приставками *при-*, *с-*, *рас-*, *из-*, *за-*, *по-*. С точки зрения семантики данных глаголов можно отметить две тенденции. Во-первых, проявляются значения итеративности, интенсивности и кратности, ослабленности действия, привносимые указанными формантами. При этом отмечены случаи выражения финитивного значения, что не характерно для исследуемых форм в литературном языке. Во-вторых, прослеживается свойственная и другим севернорусским говорам тенденция употребления глаголов с суффиксами *-ива-/-ыва-* в общефактическом значении.

Основной ареал распространения исследуемых глаголов — п. Ключи (Клч.), с. Ковран (Квр.), с. Мильково (Млк.), то есть та территория, которая была заселена русскими людьми при освоении Камчатки. Поэтому можно сказать, что использование данных глаголов свидетельствует о севернорусской диалектной основе говоров камчадалов.

О. Е. Кармакова, И. А. Букринская

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

Лингвокультурологический анализ диалектных текстов

1. Разноаспектные исследования спонтанного монологического текста — характерная черта современной диалектологии. В настоящее время к активно развивающимся направлениям можно отнести изучение диалектной языковой личности, всестороннее исследование диалектного текста и дискурса, в том числе с использованием плодотворного опыта отечественной коммуникативной лингвистики (Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова, О. Б. Сиротинина, Т. Г. Винокур и др.), описание жанровых особенностей народной речи в социально-культурном контексте.

Основоположником коммуникативного направления в диалектологии является известный лингвист и теоретик языка В. Е. Гольдин, который показал, что диалект является особым культурно-коммуникативным феноменом [Гольдин 2002; Гольдин, Крючкова 2010].

2. Традиционная народная культура, несмотря на все трагические обстоятельства, выпавшие на долю русской деревни в XX в., сохранилась и проявляется как в фольклорных, так и в бытовых текстах. Диалектная речь и диалектный дискурс, как правило, отражают реликты архаической картины мира. Среди автобиографических рассказов о детстве, семье, крестьянском труде, буднях и праздниках часто присутствуют нарративы о колдунах и знахарях, о покойниках, мистических болезнях и исцелениях и др. Подобные истории записаны от тех информантов, которые по менталитету и укладу жизни принадлежат к традиционному типу культуры. Этнолингвисты, характеризуя деревенский социум, обычно говорят о том, что сверхъестественное в сознании диалектоносителей существует не как отвлеченное знание, а как проявление бытового опыта, с которым они сталкиваются в повседневной жизни [Санникова 1994]. Поэтому граница между повествовательными фольклорными и бытовыми текстами достаточно размыта.

3. В экспедициях последнего десятилетия Отдела диалектологии был собран представительный текстовый материал, который проанализирован в ряде работ, посвященных диалектной монологической речи [Букринская, Кармакова 2012, 2018].

На материале полевых исследований подготовлена коллективная монография «Диалектная речь: лингвистическое и культурологическое описание». В ходе работы были выделены нарративные жанры, характеризующие деревенский социум: автобиографические рассказы, семейные истории, рассказы-пластинки, метатекстовые нарративы, этнографические зарисовки, мифологические рассказы. Мифологические истории достаточно разнообразны: это в первую очередь былички, вещие сны, повествовательные тексты о всякого рода иррациональных событиях, так как особенностью диалектного дискурса, как уже говорилось, является «перетекание» бытовых историй в мифологические сюжеты.

О подобной размытости границ пишут и фольклористы, в том числе на примере исследования меморатов о войне [Балашова 2012]. В наших материалах содержится большое количество воспоминаний о войне, которые относятся к разным типам рассказов. Среди прочих есть и истории, близкие к фольклорным. Подобного рода примером может служить рассказ, который представляется попыткой народного осмысления войны. Записан в 2006 г. от Е. Я. Тищенко (1923 г. рождения, д. Лобок Невельского р-на Псковской обл.).

Ну, были́ — кто? — были́ финны очень плохие. Финны, чехословаки, я их не люблю по сегодняшней день. Очень вредные были́. А немцы — нет! Вот, бывало... мы их уже понимали, по-ихному. Они со словариком. Один и уговорит: «Пусть бы ваш Сталин, наш Уитлер вышли на дуэль, кто коу́ победил — тоу́ и власть! Што мы, — уговорит, — хотим уоло́вы ложить здесь, у Росси́и? Конечно, нет. Ну, заставля́ют как ваших солдат, так и наших, а мы вот во́дем».

До конца осталось неясным, присутствовала ли при этом рассказе сама информантка, или это пересказ, слышанный ею от кого-то. Из опыта общения мы знаем, что Тищенко легко переходит на трансляцию чужих историй. Приведенный текст отражает восприятие войны простым человеком и по смыслу близок к пословице *Паны дерутся — у холопов чубы трещат*.

4. Многие из диалектных текстов, включенных в указанную монографию, хорошо структурированы и художественно оформлены: авторы используют выразительные приемы, которые помогают представить описываемое событие человеку другого социума и иной культуры. Эстетизация диалектного текста достигается разными средствами: композиционными, синтаксическими (параллелизм, ряды однородных членов, особенно глагольных), лексическими (эпитеты, сравнения, фразеологизмы, пословицы, окказионализмы, слова с суффиксами субъективной оценки), фольклорными образами (например, *избушка на курьих ножках, суженый-ряженный, гуси-лебеди*) [Букринская, Кармакова 2006].

ЛИТЕРАТУРА

- Балашова А. Ф.* Устные рассказы о Великой Отечественной войне: общие и локально обусловленные мотивы в системе повествования (на материале русского и белорусского фольклора) // Славянские языки и культуры в современном мире: II Международный научный симпозиум. Труды и материалы. М., 2012.
- Букринская И. А., Кармакова О. Е.* Экспрессивность как норма диалектного текста // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. М.: 2006. С. 93–104.
- Букринская И. А., Кармакова О. Е.* Опыт анализа нарративных диалектных текстов // Русский язык сегодня. Вып. 5. Проблемы речевого общения. М., 2012. С. 42–52.
- Букринская И. А., Кармакова О. Е.* Мифологический рассказ как жанр диалектного монолога в современной русской деревне // Исследова-

ния по славянской диалектологии, вып. 19–20: Славянские диалекты в современной языковой ситуации. Диалектный словарь как способ исследования славянских диалектов. М.: 2018. С. 95–107.

Гольдин В. Е. Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения // Аванесовский сборник. М., «Наука», 2002. С. 58–64.

Гольдин В. Е., Крючкова О. Ю. Русская диалектология. Коммуникативный, когнитивный и лингвокультурный аспекты. Саратов, 2010. — 120 с.

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. — М., 1999. — 396 с.

Санникова О. В. Польская мифологическая лексика в структуре фольклорного текста // Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал. М., 1994. — С. 44–83.

И. Б. Качинская

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Существительные склонения на *-о*, обозначающие лиц мужского и женского пола (по материалам архангельских говоров)¹

Термины родства в архангельских говорах могут распределяться по 1–2 склонениям (существительные мужского рода), по 1–2–3 и нерегулярному (существительные женского рода), достаточно часто встречается субстантивация. Во 2-м типе склонения лексемы могут изменяться по модели мужского рода (*дед*) или среднего (*дедо*, *дедко*, *батюшко*, *матко*, *тётенько*). Синтаксическое согласование, как правило, зависит от пола лица и соответствует мужскому и женскому роду. В докладе я буду рассматривать существительные на *-о* в И. п. ед. числа, относящиеся к 2-му типу склонения.²

1.1. Существительные на *-о*, обозначающие лиц мужского пола. Среди терминов родства подавляющее количество лексем, изменяющихся по модели среднего рода на *-о*, имеют параллели в склонении на *-а*: **отец**: *ба́тько* ~ *ба́тька*, *ба́тюшко* ~ *ба́тюшка*,

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00027, <https://rscf.ru/project/23-18-00027>.

² К одушевленному существительному склонения на *-о* мы не относим слова со старой звательной формой на *-о*, хотя такая звательная форма в архангельских говорах еще достаточно актуальна.

отчи́шко, та́то, та́тко, та́тонько, та́тушко, та́тько, та́тенько, тя́тько, тя́тенько, па́пко, па́пушко; сын: сы́но, сыни́шко, сы́нушко; дед: де́до, де́дко, де́душко, де́дулечко; прадед: пра́де́до, пра́дедушко, пра́вде́до, правде́душко; брат: бра́танько, бра́танушко, бра́телко, бра́тишко, бра́ткó, дядя: дя́дюшко, де́дюшко, дя́дько; муж: му́женько, мужичо́нко, мужичо́шко, мужи́шко, мужьи́шко; зять: зя́телко, зя́тенько, зя́тюшко, зя́ти́ло; сват: сва́тушко, сва́тьюшко; крестный отец: крё́стнушко, ко́ко и др.

1.2. Существительные на -о, обозначающие лиц женского пола. Среди лексем, обозначающих лиц женского пола, существительных склонения на -о оказалось значительно меньше, но общее их количество заставляет признать существование такой модели склонения. Как и для слов мужского рода, большинство существительных о-склонения являются грамматическими вариантами слов 1-го скл. на -а. **Мать:** ма́мо ~ ма́ма, ма́монько ~ ма́монька, ма́мушко, ма́тенко, ма́тко, ма́тушко, ма́теришко; **бабушка:** ба́бка, ба́бушко; **тётя:** те́тенько, те́тушко; **жена:** же́нчо́нко, же́нчо́шко; **жена сына, невестка:** сно́шчо́нко; **божатка** (= крёстная мать): божа́тко, божа́тушко.

С группой «Термины родства» соседствует ЛСГ «Половозрастная номинация». И там мы видим то же самое. **Мальчик:** мальчи́шко, парни́шко, парни́шечко; **девочка:** девчо́нко, девчо́нко, девчо́шко, девчо́шко, девчу́шко, девчо́нушко; **старик:** стари́чо́нко, стари́чо́шко, **старуха:** стару́шко, старуи́чо́нко, старуи́чо́нчко, старушо́шко и др.

Информанты сами подтверждают, что существительные на -о встречаются часто: *Девчѐнко — это они запросто так скажут, и мальчишко, они «мальчишка» не говорят.*

2. Согласование и рассогласование по роду. В словах о-склонения происходит характерное для северных говоров рассогласование: средний род выражен морфологически, мужской род выражен синтаксически, т. е. для лиц мужского пола согласование обычно идет по модели мужского рода: *Знашь, откуда он, батько-то ихний? А брателку пятой год шёл, был один брателко. Ихний сватушко ями́цину дѐржа́л.*

Для лиц женского пола склонения на -о синтаксическое согласование идет по модели женского рода: *Нет, мамо-то, мамо-то уехала. Тут матенко у меня и умерла скорѐхонько. Одна материшко да четыре сына. Алик-от помер, а женчѐшко-то заболела.*

Я девчёнком была. Така хороша девчёшко. Сюды приехала молодой, девчёнком.

Однако встретились примеры, где морфологический средний род подтягивает к себе синтаксический, осуществляется согласование по среднему роду. Для лиц мужского пола: *У бабушки любимое внуцáтко. Он-то крестóвушко моё дорогóё, крестóвой брат. Хозяюшко бýло плохóё (о муже). Мальчишко урóдливо. Велико ли парнишко, неужели не вýмоёшь? Парнишишó-то прибежало тако.* Для лиц женского пола: *Девочёнко у жёнки родíлось. Девочёнко-то у ей большío. Девчённышко сгорело, косточки только вытянул, черепки. С иззарáнья тут молодó девочёшко принесло родителям (родила ребенка), и не вовсе бы хорошо. Да э́ко худó женчённышко. Женчёшко тожó ушло, женилося.*

Встретились случаи, когда синтаксические модели идут одновременно и по женскому, и по среднему роду (и даже по мужскому): *Девчёнко я былá небольшío, а платье всё длíнно. Былá девчёнко небольшío оставлена бабушку досматривать. Дак одна девочоушко, только ползти везде стáло, только гляди, что упадёт. Такой смышлёной девцёнко.*

В Пинежском районе широко распространён субстантиват женское в значении 'женщина'. Согласование может идти как по женскому, так и по среднему роду: *Она женьско? Оба незнакомы: мужскó да женьско. Не розберёшь, женьско идёт иль мужскó. Муськó шло и женьско (мальчик и девочка).*

3. Особенности склонения. У частотных слов, таких как *бáтько, бáтюшко, дéдко, дéдушко, зýтюшко, свáтушко* и нек. др. падежное словоизменение по модели среднего рода зафиксировано для всех падежей. Однако достаточно большое количество лексем склонения на -о встретилось в ограниченном числе падежей и, по-видимому, имеет неполную парадигму. Так как слова женского рода с о-склонением представляют собой бóльшую «экзотику», мы приведем здесь примеры именно на эту категорию слов.

И. Володька, туши трактор, чего мáмо орёт? Мамонько там, брателко там и племенник там. У тебя мамушко есть? Ну-ко, бабко тёплого ульёт. Она мне тётюшко будет. Меня племенница оговорила: Мама, а почто тётенько не так говорит?

Р. Худо, как мамушка нет. Он всё у бабушка поворотил! Три девцонышка у ей.

В. Сецас цуть Левонтиного **девцонка** не розбодала.

Т. Всё пугали **тётушкой**: «Спи, вон **тётушко** идё!» Алик Петухов там с этой живёт, с **женцёнком-то**. А **девоцошкой** дак теперя бы лучше знал. Я **девчёнчиком-то** жила два года, а потом остарела, навеку в городу не бывала. Дака почто она мне **божятком** была?

Иногда использование *о*-склонения для существительных женского рода спровоцировано синтаксическим параллелизмом: **Дедко да бабка**. А ещё **дедко да бабка** захоронены. **Бабушко да дедушко-то** жили врозь. **Дедушко** был, **бабушко**, да **тато**, да **деденко**, да все вместях и жили. Старша здесь была у **дедушика**, у **бабушка**. Раньше всяко звали: **матушко**, да **отцов** звали **батьюшко** да **тато**. Осержусь на **батьюшка**, ой, на **матушка**. У ней **сынишко** есть, **дочерёшко**. У егового **дедка** и **бабка** был сын Аполон. А так жили они там с **дедушкой**, с **бабушкой**. У нас нету внучат, зови **дедушкой** да **бабушкой**.

Достаточно много примеров, когда в косвенных падежах словоформа может совпадать с И. ед., существительные на *-о* как бы перестают склоняться: *Не пожила я у родного **батьюшко**. От **тато** я осталась не выше стола. Не вышла, не пособила **дедко**. К Ивану-то приходила, ко **сватушко**. Дедушко-то всё **тато** сказывал. Теперя **брателко** проздравила с днём рожденья. **Нáo дедушко** созвать, тот больше вам наскажет. Вышла за **татко-то** замуж-то. Пошли с **дедко** байну дорубливать.*

Л. А. Климкова

Арзамасский филиал ННГУ им. Н. И. Лобачевского
(Арзамас, Россия)

Диалектный язык: ретроспектива и перспектива

Русский национальный язык имеет полевою структуру: ядро — литературный язык, центр — территориальные диалекты (диалектный язык), периферия: ближняя — просторечие, дальняя — жаргоны, отдалённая — аргю. Ядро и центр с необходимостью взаимодействуют. Русские народные говоры в своё время, наряду с церковнославянским языком, легли в основу литературного языка. Лексика их ещё долго, и в XX веке, питала, обогащала литератур-

ный язык. На протяжении веков диалектный компонент в русском языке был объёмным и актуальным, поскольку Россия была аграрной страной, безграмотное крестьянство с его диалектной речевой стихией составляло большинство населения. Достаточно сказать, что, по историческим и статистическим сведениям, источникам, даже на рубеже XIX–XX вв. городское население в стране составляло 17%, сельское же — 83 %. При этом русские диалекты всегда имели мощный общий фонд, были близки между собой. Это отмечал в своё время М. В. Ломоносов: «Народ российский, по великому пространству обитающий, невзирая на дальнее расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и сёлах. Напротив того, в некоторых других государствах, например в Германии, баварский крестьянин мало разумеет мекленбургского или бранденбургский швабского, хотя все того же немецкого народа» («Предисловие о пользе книг церковных в российском языке»).

С 20–30-х годов XX в. начинается, а во 2-ой половине его активизируется сближение диалектов с литературным языком, тем самым их трансформация, чему способствовала ликвидация безграмотности населения, обязательное семилетнее, а затем и десятилетнее образование, актуализация высшего образования, урбанизация, сближение сельской и городской культуры, в том числе через изменение социальных и информационных связей, — всё это имело следствием распространение, усвоение норм литературного языка. Трансформацию ускорило и перемещение народных масс, концентрация их во вторичных местах проживания в связи со строительством новых городов, промышленных предприятий, хозяйственное освоение новых территорий и др. Процесс изменения говоров шёл так активно, что некоторые исследователи заявляли ещё в 50-е годы прошлого века о том, что диалектов в Советском Союзе уже нет. Однако это был преждевременный вердикт. Надо отметить и тот факт, что изменение диалектов происходило естественным путём: никто не запрещал диалекты (как это представляли в период перестройки и представляют сейчас некоторые деятели культуры). Более того, диалекты активно изучались по всей стране.

В последние десятилетия прошлого века и в первые десятилетия века нынешнего темпы трансформации территориальных диалектов возросли в связи с укрупнением населённых пунктов, исчезновением так называемых неперспективных деревень. Тем самым на современном этапе действуют такие процессы, как со-

кращение диалектных микросистем, уменьшение числа диалектоносителей в связи со сменой поколений, объединение микросистем (прежде всего смежных), унификация на основе сближения с литературным языком (в том числе через категорию *региолект*) [Букринская, Кармакова 2012].

Значительные изменения претерпела прежде всего фонетическая система диалектного языка, в том числе среднерусских, нижегородских, в частности арзамасских, говоров: уходят колоритные черты, какие-то явления отодвинулись на уровень остаточных, просторечных [Климкова 2015].

Более устойчива лексическая система русских народных говоров. Из активного словарного запаса прежде всего уходит так называемая терминологическая лексика, слова-наименования реалий прежнего уклада сельской жизни, быта, сельскохозяйственного производства, они находятся в пассиве словаря, на пути превращения в разряд старинной лексики как языкового наследия. Динамику говоров в целом и их лексической системы в частности можно вскрыть, используя сопоставительно-сравнительный метод, сопоставляя записи диалектной речи, сделанные собирателями, исследователями в разное время (см. хрестоматии текстов, региональные словари, в том числе иллюстративную зону словарных статей) [Там же: 105].

Региональная лексика отличает современную диалектную языковую личность. Она сохраняется и в речи бывшего диалектоносителя, бывшего сельского жителя [Власкова 2012], более того — она есть и в лексиконе образованного человека, даже филолога [Климкова 2021а, 2021б]. Диалектная лексика, усвоенная человеком в детстве, остаётся с ним на всю жизнь, причем не только в его долговременной памяти, переместившись в пассивный словарный запас личности, используется чаще в речи жанра воспоминаний, сохраняясь в оперативной памяти. Это относится особенно к не терминологической, характеризующей лексику, которая актуализируется спонтанно в речи по мере необходимости в определённых коммуникативных ситуациях. Диалектоносители и бывшие диалектоносители хорошо помнят речь своих (пра)бабушек и (пра)дедушек, способны легко её воспроизводить, имитировать, хотя сами уже так и не говорят.

Русские народные говоры, хотя в своём первозданном виде и уходящая натура, хотя пережили и продолжают переживать значитель-

ную трансформацию, но живы, функционируют [ср. утверждение о попытках «в разных регионах России <...> преобразовать диалекты в самостоятельные языки», Брызгунова 2015], о чем красноречиво свидетельствует, в частности, работа по подготовке региональных словарей и Лексического атласа русских народных говоров.

ЛИТЕРАТУРА

- Брызгунова Е. А.* Диалекты и языковая ситуация в современной России // Актуальные проблемы русской диалектологии. К 100-летию издания Диалектологической карты русского языка в Европе: Тезисы докладов Международной конференции 30 октября — 01 ноября 2015 г. — М., 2015. — С. 23–25.
- Букринская И. А., Кармакова О. Е.* Диалект — региолект — региональный вариант литературного языка // Актуальные проблемы русской диалектологии: Тезисы докладов Международной конференции 27–28 октября 2012 г. — М., 2012. — С. 17–19.
- Власкова М. В.* Языковая личность бывшего сельского жителя: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. — Киров, 2012. — 283 с.
- Климкова Л. А.* Диалектные черты в ретроспекции и проспекции // Актуальные проблемы русской диалектологии. К 100-летию издания Диалектологической карты русского языка в Европе: Тезисы докладов Международной конференции 30 октября — 01 ноября 2015 г. — М., 2015. — С. 105–107.
- Климкова Л. А.* Диалектный компонент языковой личности бывшего сельского жителя // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2021 / Отв. ред. С. А. Мызников. — СПб.: ИЛИ РАН, 2021 (а). — С. 185–206.
- Климкова Л. А.* Диалектный субстрат языковой личности филолога // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. № 2. — М., 2021 (б). — С. 242–255.

С. В. Князев

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

Восходящий акцент в акающих говорах: восток — запад?

Доклад посвящен лингвогеографии восходящего тонального акцента, используемого при оформлении общего вопроса, переспроса и незавершенности в акающих русских говорах.

В современном русском литературном языке (СРЛЯ) базовый восходящий акцент на гласном центра ИК-3, ИК-5 (первого), ИК-6, ИК-7 характеризуется «восходящим движением тона выше уровня предцентровой части» [Брызгунова 1980: 111, 115, 118], после чего тон может либо сохраняться высоким (ИК-5, ИК-6), либо резко понижаться (ИК-3, ИК-7) [там же]. Наиболее распространенным типом ИК с восходящим тональным акцентом в СРЛЯ является ИК-3 («На ударном слоге выделенного слова тон резко повышается... На заударном слоге тон резко понижается» [Брызгунова 1963: 240, 243]), которая используется для оформления общего вопроса, незавершенности, вежливой просьбы. Этот тональный акцент в СРЛЯ характеризуется **поздним таймингом**: максимум частоты основного тона (ЧОТ) приходится на конец ударного слога, а при наличии заударного — на его начало [Igarashi 2006: 190, 193]; см. рис. 1.1, 1.2. При этом начало восходящего движения тона (low turning point, LTP) ассоциируется обычно с инициальной (начальным согласным) ударного слога слова-акцентоносителя [Igarashi 2006: 190]. Если заакцентная часть (безударные слоги после удар-

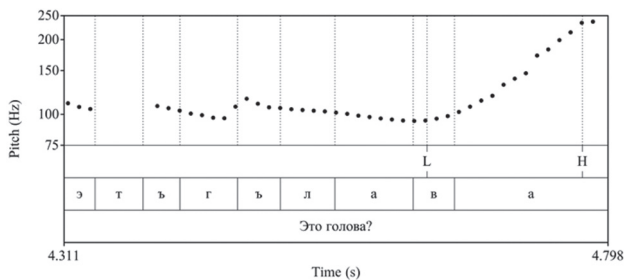

Рисунок 1.1. Кривая ЧОТ общего вопроса *Это голова?* СРЛЯ

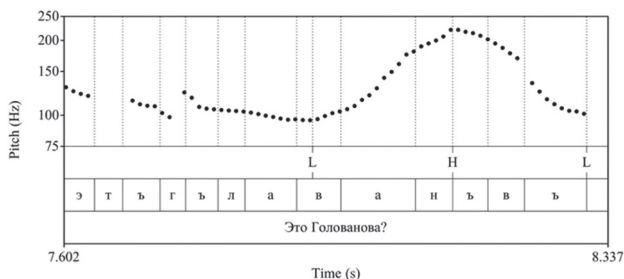

Рисунок 1.2. Кривая ЧОТ общего вопроса *Это Голова́нова?* СРЛЯ

ного гласного словоформы-акцентоносителя) в высказывании отсутствует, этот тональный контур в СРЛЯ подвергается усечению ('truncation'): падения тона после его подъема не происходит [Odé 2005]; [Янко 2004: 92]; [Rathcke 2017: 225], см. рис. 1.1.

В акающих русских говорах этот тональный акцент встречается редко и явно под влиянием литературного языка. Среди собственно диалектных типов наиболее сходен с ним восходящий акцент, зафиксированный нами в **восточных** (владимирских) говорах на границе оканья и аканья (Гусь-Хрустальный и Меленковский районы Владимирской области) [Князев, Дьяченко 2023]. Основное отличие его от литературного заключается в тайминге: во владимирских говорах подъем тона начинается позже, чем в СРЛЯ, и ему предшествует значимое понижение ЧОТ на предупредном гласном: (H+)L*+H (см. рис. 2).

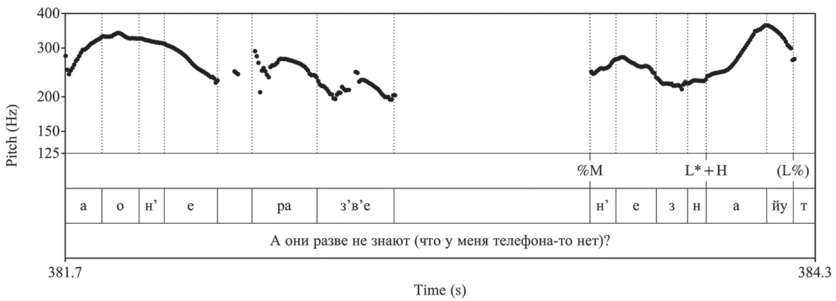

Рисунок 2. Кривая ЧОТ общего вопроса *А они разве не знают?* (ЕАС1932-влад)

В акающих **западных** говорах (псковских, смоленских и сходных с ними в этом отношении оскольских) в той же функции используется, наоборот, акцент со сверххранним таймингом Н* [Князев 2024б]: повышение ЧОТ обычно происходит постепенно **на всех предупредных слогах**, а тональный максимум достигается **до начала ударного гласного**, обычно на границе начального в слоге согласного и гласного, реже на согласном инициали или даже до его начала; в большинстве случаев после достижения тонального максимума сохраняется ровный высокий тон как минимум до середины ударного гласного, после чего, обычно в пределах того же ударного гласного, начинается падение тона — см. рис. 3.1, 3.2.

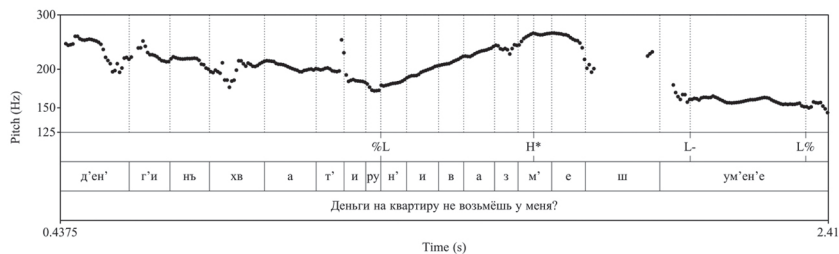

Рисунок 3.1. Кривая ЧОТ общего вопроса *Деньги на квартиру не возьмешь у меня?* (ААД1926-оск)

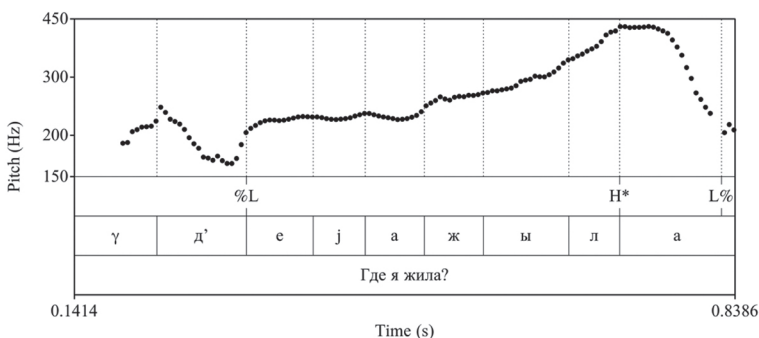

Рисунок 3.2. Кривая ЧОТ переспроса *Где я жила?* (МИЛ1923-смл)

Итак, западные акающие говоры принципиально отличаются от восточных в отношении типа «восходящего» тонального акцента: в первых представлен монотональный уровневый акцент, в последних — битональный скользящий. Иными словами, западные говоры ориентированы на уровень тона (в данном случае — высокий), восточные (как и СРЛЯ) — на его изменение (в данном случае — повышение).

Однако распределение способов оформления общего вопроса и незавершенности в акающих русских говорах этими двумя «крайними» с фонетико-фонологической точки зрения вариантами не исчерпывается. В калужских (Нехочи, Бояновичи; Хвастовичский р-н), Ливно-Елецких (Сцепное, Верхняя Колыбелка; Задонский и Хлебенский р-ны Липецкой обл.) и собственно рязанских (Поповка, Новопанское; Касимовский и Михайловский р-ны Рязанской обл.) общий вопрос и незавершенность чаще всего (особенно в речи самых старших информантов) оформляются весьма необычным сложным тональным акцентом, который мы интерпре-

тируем как L^*+H^* [Князев 2024a]: в первой части ударного слога словоформы-акцентоносителя тон ровный низкий, после чего происходит резкое и очень быстрое повышение ЧОТ, в конечной части ударного гласного (и в инициали заударного слога при его наличии) тон ровный высокий — см. рис. 4.1–4.3.

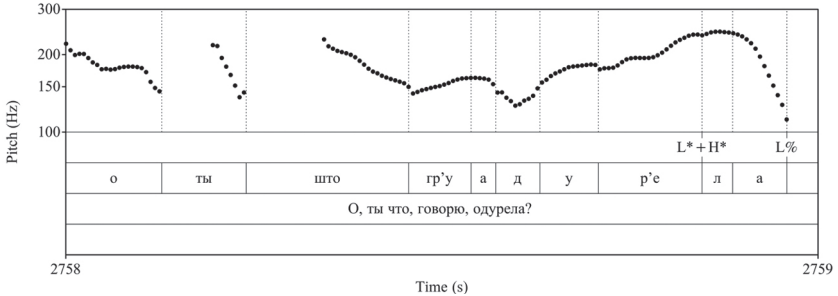

Рисунок 4.1. Кривая ЧОТ общего вопроса *О, ты что, говорю, одурела?* (МКФ1943-кал)

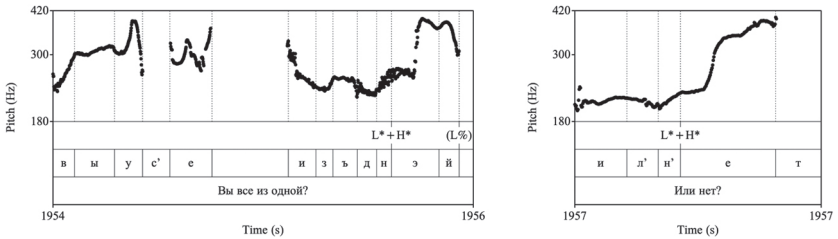

Рисунок 4.2. Кривая ЧОТ общих вопросов *Вы все из одной?* *Или нет?* (ГПП1911-ел)

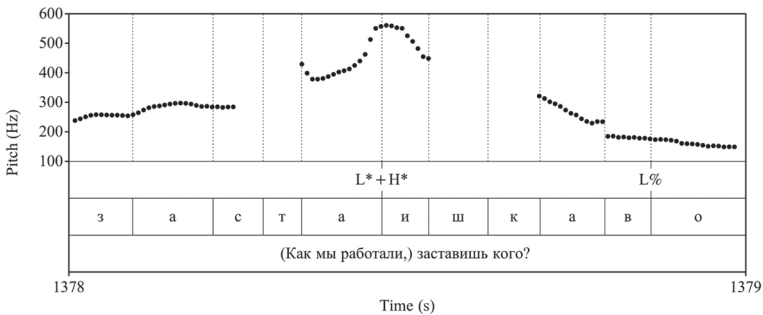

Рисунок 4.3. Кривая ЧОТ общего вопроса *заставишь кого?* (СМЕ1914-рыз)

Таким образом, можно утверждать, что в отношении тонального оформления незавершенности и общего вопроса акающие русские говоры распределяются не непосредственно по оси восток — запад (принципиально разные в этом отношении елецкие и оскольские на этой оси находятся в одном и том же месте), а, скорее, в направлении центр — периферия.

Особый интерес может представлять, на наш взгляд, вопрос о том, какой из описанных выше типов «восходящего» акцента является более древним. Легко видеть, что «ступенчатый» вариант L^*+H^* , сочетающий в себе как уровневые тоны, так и повышение ЧОТ, является в некоторой степени промежуточным между чисто уровневым H^* и контурным L^*+H . Можно, таким образом, предполагать два возможных пути развития: 1) переход от уровневого тона к скользящему¹ через ступень L^*+H^* ; 2) независимое развитие из L^*+H^* в разных направлениях. Конечно, для окончательного ответа на этот вопрос необходим дальнейший анализ интонационных систем русских диалектов; в настоящее же время более вероятным представляется второй путь — вследствие наличия сходного с L^*+H^* $L\%$ контура общего вопроса L^*+H $H-L\%$ в архаических северных русских говорах.

ЛИТЕРАТУРА

- Брызгунова Е. А. Практическая фонетика и интонация русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1963.
- Брызгунова Е. А. Интонация. Русская грамматика. Т. 1: Фонетика, фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. Шведова Н. Ю. (ред.). М.: Наука, 1980. С. 103–118.
- Князев С. В. Русская диалектная просодия и интонационная фонология русского языка: восходящий акцент // Русский язык в научном освещении. — 2024а. Т. 47, № 1. С. 54–95.
- Князев С. В. Фразовая интонация южнорусского говора: Роговатое // Вопросы языкознания. 2024б, № 1, С. 85–127.
- Князев С. В., Дьяченко С. В. Фразовая просодия двух восточных среднерусских говоров // *Slovene*. Vol. 12, No. 1 (2023). С. 189–258.
- Янко Т. Е. Русская интонация в задачах и примерах // Русский язык в научном освещении 2 (8), 2004. С. 86–123.
- Igarashi Y. Intonational patterns in Russian interrogatives — phonetic analyses and phonological interpretations. In: Y. Kawaguchi, I. Fónagy,

¹ Или, наоборот, от скользящего к уровневому, что, на наш взгляд, менее вероятно, поскольку акцент H^* представлен лишь на самой (юго-)западной периферии русских говоров.

T. Moriguchi (Eds.), *Prosody and syntax: cross-linguistic perspectives*. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2006. P. 175–196.

Odé C. Neutralization or truncation? The perception of two Russian pitch accents on utterance-final syllables // *Speech Communication* 47 (1–2), 2005. P. 71–79.

Rathcke T. How truncating are ‘truncating languages’? Evidence from Russian and German. *Phonetica*, 73, 2017. P. 194–228.

И. А. Кобелева

Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина
(Сыктывкар, Россия)

О диалектной фразеологии в аспекте фразеогрaфии

Диалектная фразеология в течение последних десятилетий активно изучается. Это вызвано прежде всего лексикографической практикой: составлено множество словарей русских народных говоров, в которых нашли отражение и устойчивые обороты, располагающиеся за специальными знаками (Δ, ◇, >, # и др.).

В количественном отношении разработанная в диалектных словарях фразеология многократно уступает лексике, ср., например: в первом выпуске «Словаря вологодских говоров» (СВГ) фигурирует 1937 слов и 122 устойчивых сочетания с ними, в первом томе «Новгородского областного словаря» (НОС) на 2606 слов приходится 242 устойчивых выражения, в первом томе «Словаря орловских говоров» (СОГ) описывается 1255 слов и 117 устойчивых словосочетаний.

Однако, по нашим наблюдениям, эти пропорции могли бы быть несколько изменены в пользу фразеологического спектра того или иного словаря. Дело в том, что при составлении диалектных словарей изрядное количество устойчивых выражений остается незамеченным и не находит места в словнике, при этом они представлены в иллюстративной части словарных статей и могли бы быть удостоены отдельной лексикографической презентации.

На примере СВГ продемонстрируем, какие фразеологические единицы и на каком основании могли бы быть предложены к лексикографической разработке.

Во-первых, обратим внимание на представленные в этом же словаре аналогичные выражения (оцененные авторами как фразеологические и поданные за знаком ◇) и сравним с ними сочетания, фигурирующие лишь в иллюстрациях: последние оказываются вариантами разработанных фразеологических единиц. См., например:

БОРКАТЬ. Говорить о чем-либо несерьезном, незначительном, болтать. *Языком-то боркаёте много.* [СВГ 1: 39] ← выражение **Боркать языком** можно рассматривать в качестве варианта фразеологизма **Щёлкать языком** 'заниматься пустой болтовней' [СВГ 12: 113].

НАХРЯСТАТЬ. Набить, избить. *Приехал с бою, а ему и нахрястали бока.* [СВГ 5: 83] ← выражение **Нахрястать бока** является вариантом фразеологизма **Наломить бока** 'избить, побить' [СВГ 5: 51].

ТЯПНУТЬ. Испытать, перенести что-либо тяжелое, неприятное. *Да я-то ужё тяпнула горя. Горюшка-то тяпнули за всю жизнь.* [СВГ 11: 93] ← выражение **Тяпнуть горя (горюшка)** является вариантом фразеологизма **Нахвататься горя** 'испытать, пережить много чего-либо неприятного, тяжелого; натерпеться' [СВГ 5: 82].

Во-вторых, приведенные новые словосочетания поддерживаются не только тем фразеологическим материалом, что имеется в «Словаре вологодских говоров», но и фразеологическими единицами, разработанными в других диалектных словарях. Сопоставление словарей позволяет считать, что вологодские выражения входят в ряды междиалектных фразеологических вариантов, см., например:

Боркать языком → ср. в говорах Ярославской области **Боронить языком** 'болтать, пустословить' [ЯОС 2: 16], в говорах Новгородской области **Хлопать языком** 'болтать попусту' [НОС 12: 16] и др.

Нахрястать бока → ср. в говорах Псковской области **Вывихать бока** 'побить' [ПОС 5: 129], в говоре д. Акчим Пермской области **Бока начесать** 'набить' [СГДА 1: 77] и др.

Тяпнуть горя (горюшка) → ср. в говорах Карелии **Цапнуть горя** 'прожить трудную жизнь, хватить горя' [СРГК 6: 742], в говорах Архангельской области **Горя перенять / схватить / тпнуть / черпануть** [АОС 9: 338] и др.

В-третьих, обнаруженные фразеологизмы могут рассматриваться как диалектные варианты литературных фразеологизмов, отраженных, например, в «Фразеологическом словаре русского литературного языка» (ФСРЛЯ), ср.: волог. **Бóркать языкóм** и литер. **Болтать языком** 'пустословить' [ФСРЛЯ, 36], волог. **Нахрýстать бока́** и литер. **Намять бока (кому)** 'побить, отколотить кого-либо' [ФСРЛЯ, 394], волог. **Тя́пнуть гóря (гóрюшка)** и литер. **Хватить горя** 'много вынести, вытерпеть, перестрадать' [ФСРЛЯ, 720].

Наши разыскания обнаруживают в иллюстративных зонах словарных статей всех 12 выпусков «Словаря вологодских говоров» не один десяток фразеологических единиц, которые не попали в поле зрения его авторов: вариантов в пределах СВГ выявлено 58, вариантов по сравнению с литературным языком — 97, вариантов по сравнению с другими русскими говорами — 136. Все эти упущенные устойчивые сочетания достойны специальной словарной разработки.

ЛИТЕРАТУРА

- АОС — Архангельский областной словарь. — Выпуски 1–24 / Под ред. О. Г. Гецовой, Е. А. Нефедовой. — М.: Изд-во Мос. Ун-та, 1980–1996. — М.: Наука, 1999–.
- НОС — Новгородский областной словарь / Ин-т лингв. исслед. РАН; изд. подгот. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников. — СПб.: Наука, 2010.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. — Выпуски 1–28 / Под ред. А. И. Лебедевой, О. С. Мжельской и др. — Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1967 — 1990, — С.-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994–2020–.
- СВГ — Словарь вологодских говоров. — Выпуски 1 — 12. / Под ред. Т. Г. Паникаровской. — Вологда: Вологодский государственный педагогический университет, 1983 — 2007.
- СГДА — Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) — Выпуски 1–6 / Гл. ред. Ф. Л. Скитова. — Пермь: Перм. гос. ун-т, 1984–2011.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. — Выпуски 1–6 / Гл. ред. А. С. Герд. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994–2005.
- ФСРЛЯ — Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М: Астрель: АСТ, 2008. — 828 с.
- ЯОС — Ярославский областной словарь — Выпуски 1–10 / Под ред. Г. Г. Мельниченко. — Ярославль: Ярославский государственный педагогический институт им. К. Д. Ушинского, 1981–1991.

А. Ю. Козлова

Государственный социально-гуманитарный университет
(Коломна, Россия)

**Статьи и этнографические записи
крестьянина В. К. Влазнева
как источник по исторической диалектологии**

Василий Кузьмич Влазнев (1839–1905) — крестьянский поэт, краевед, исследователь истории городов и сел Рязанской и других российских губерний. Он родился в селе Верхний Белоомут Зарайского уезда Рязанской губернии, на родине учился в местном приходском училище, в 10 лет был отдан к мастеру для обучения ремеслу в Москву, уже взрослым В. К. Влазнев посещал в Москве общеобразовательную воскресную школу. В середине 60-х гг. XIX века В. К. Влазнев вернулся в Белоомут, где владел мастерской по резному иконостасному и позолотному делу, одновременно занимаясь журналистской и литературной деятельностью.

Обнаружилось, что В. К. Влазнев предоставил список местных слов для Словаря русского языка, составленного Вторым отделением Императорской академии наук под редакцией Я. К. Грота¹. В дальнейшем эта рукопись в 4 листа послужила источником для Словаря русских народных говоров². Но кроме неё существуют другие неопубликованные этнографические записи В. К. Влазнева, сделанные для Этнографического бюро кн. В. Н. Тенишева³, которые сейчас хранятся в Архиве Института этнографии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая (АИЭА) и в Архиве Российского этнографического музея (АРЭМ). В целом неизданные этнографические материалы В. К. Влазнева насчитывают более 100 рукописных листов.

Цель сообщения — охарактеризовать состав диалектного материала, собранного и зафиксированного В. К. Влазневым.

---

¹ Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук / Ред. Я. К. Грот. — СПб., тип. Имп. Академ. наук. Т. 2, вып. 1. С. XIII.

² СРНГ. Вып. 1. — М.-Л.: Наука, 1965. С. 100.

³ Шаблин А. А. Влазнев В. К.: сельский краевед в пореформенной России. — Коломна-Рязань: Русское слово, 2011. С. 196.

1. В статье «Материалы для историко-статистического очерка бывших «Государевых Дворцовых рыбных ловцов сел: Белоомута, Ловец, Любичей и Дединова» (1895) В. К. Влазнев сделал подробные выписки из грамот XVI–XVIII вв., которые были даны указанным селам на владение землями, лесами, речными угодьями⁴. Исторические документы, хранившиеся в церквях бывших дворцовых сел, после 1917 г. пропали. В цитатах из документов присутствует большое количество древних микропонимов заокских сел Мещерской стороны Рязанской земли, полностью утраченных в настоящее время: *Козловская отока, Верхние Верхи, озеро Засеки, озеро Мачино, Скатины, Средние Скатины, Большие Скатины, Радин мох, Темный Вороней островок, Болото Мастище, болото Большой Переделец, Дубовое Рамешко, Вязовое Рамешко, Плоская верейка, Деткова верейка, Потегина верейка, верейка к речке Одрице* и т. д. Предварительная проверка показала, что все указанные в статье микропонимы, а также гидронимы не учтены в современной научной литературе.

2. Неопубликованные и не введенные в научный оборот записи, сделанные В. К. Влазневым для бюро кн. В. Н. Тенишева⁵, имеют разную тематику, в них представлены описания исторических событий, традиций, реалий и фольклорные тексты разных жанров.

Особый интерес вызывает «Алфавитный список местных слов, употребляемых в разговорной речи», который существует в нескольких вариантах. В состав алфавитного списка В. К. Влазнев включает не только слова, но и фразеологические обороты, дает толкования лексическим и фразеологическим единицам, которые зачастую не совпадают с теми значениями, которые представлены в СРНГ. Примечательно, что автор-самоучка приводит прямое и переносное значение слова, указывает на особенности функционирования диалектных единиц.

---

⁴ Влазнев В. К. Материалы для историко-статистического очерка бывших «Государевых Дворцовых рыбных ловцов сел: Белоомута, Ловец, Любичи и Дединова» // Труды рязанской ученой архивной комиссии. 1894. Т. X. Рязань, 1895. Вып. 2. С. 103–136.

⁵ Том по Рязанской губернии в издании «Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы» по материалам бюро кн. В. Н. Тенишева до сих пор не вышел.

Диалектная лексика даётся в кавычках, передаются особенности произношения; орфография объяснений и толкований традиционная, в соответствии с нормами литературного языка. Ср. передачу окончаний прилагательных в форме м. р., ед. ч., II. п.: «Вёрчиной», — *вертлявый* (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1441, Л. 9).

Примечательно, что В. К. Влазнев попытался описать некоторые местные особенности произношения: «Слова по общему языку имгьющему окончанія на «ка», во многих случаях оканчиваются на «кя», напримгрь: нянька, негодяйка...Ванька, Куська...попытайка, тронька, сдгълайка» (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1441. Л. 25). «Слова съ окончаніемъ на «ся» — также во многихъ случаяхъ оканчиваются на «цы»; на примгрь: нехотцы, купатцы, старатцы, ругатцы...»; «Этот же слогъ «ся» въ другомъ мѣстѣ замгъняется слогомъ на «си»: на примгрь: старайси, занимайси, умывайси, не ругайси...» (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1441. Л. 26).

3. Отхожим промыслом отца В. К. Влазнева было портновское дело, поэтому Влазнев хорошо знал тайный язык белоомутских портных. Именно он сообщил этнографу Н. М. Мендельсону в 1898 году около 100 слов этого профессионального тайного языка, которые тот опубликовал в «Этнографическом обозрении»⁶. Примечательно, что в этом языке присутствуют криптоморфемы: например, ‘картофель’ — *шертоха*, ‘капуста’ — *шенуста*.

Таким образом, до сих пор в научной оборот были введены только слова рукописи в 4 листа В. К. Влазнева из бывшего Архива Второго отделения Императорской Академии наук, а значительный массив диалектных записей В. К. Влазнева еще ждёт публикации и научного осмысления. Лексический материал публикаций и записей краеведа является важным источником для реконструкции истории диалектного пространства пограничья среднерусских и южнорусских говоров на юго-востоке от Москвы.

---

⁶ Мендельсон Н. Материалы для словаря условного языка, III // Этнографическое обозрение. 1898. № 4. С. 145–147. Анализ лексического материала, представленного в статье Н. М. Мендельсона, был проведен М. Н. Приёмшевой (Приёмшева М. Н. Тайные и условные языки в России XIX в. Часть 1. — СПб.: Нестор-История, 2009. С. 283–284).

А. Б. Коконова

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Семантика общерусского глагола КИПЕТЬ в архангельских говорах¹

Общерусское слово, по определению О. Г. Гецовой, это слово, общее для говоров и литературного языка, но не заимствованное говорами, а существовавшее в них всегда [Гецова 1972].

В «Архангельском областном словаре» (АОС) представлены не только диалектные, но и общелитературные значения слова. По мнению Е. А. Нефедовой, «общерусские слова имеют в говорах наиболее развитую семантическую структуру» [Нефедова и др. 2013: 47]. С одной стороны, в диалекте лучше сохраняются древние значения, исчезнувшие в литературном языке, с другой стороны, наблюдаются отличия в сочетаемости слова, образуются иные устойчивые конструкции. Именно это позволяет Н. Г. Ильинской говорить о том, что «общерусское слово в системе литературного языка и в говорах имеет многообразнейшие отличия и семантического, и стилистического, и фразеологического характера, а также и многие иные, в том числе грамматические» [Ильинская 1999: 84].

Изучение общерусского слова в диалектном пространстве активно ведутся на базе кабинета «Архангельского областного словаря» кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Исследование, посвященное семантике глагола *кипеть*, проводится на материале АОС и его картотеки (КАОС).

В «Большом толковом словаре» (БТС) у глагола *кипеть* отмечено пять значений, все из них, кроме пятого, зафиксированы и на территории Архангельской области.

1. 'Клокотать, пениться от образующихся при сильном нагревании пузырьков пара. О жидкости': *А на тóм-то съвѣте это будѣ. Река́-то э́та горя́щая, кипи́т она́, горит, э́та река́-то. Вод*

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (номер проекта № 23-18-00027 от 15.05.2023 г. Архангельский областной словарь: вып. 24, 25, 26).

грéшники это бердúт. Так в мáсле кипít тéсто, мáсло шыпít, кипít, йéй и вынима́ют — пыхы́ци.

2. ‘Бурлить, клокотать при стремительном движении. О реке, потоке и т. п.’: *Мéсто-то кипéло, руце́к кипéу. Фонтáны бйúт, вода́-то кипít.*

3. ‘Беспорядочно двигаться в различных направлениях. О множестве животных, людей; кишеть’: *У Надéшки кипít торока́ноф, в úхи забира́юце. А пойдéши по грибы́, так вездé кипít наро́ду. Ф тех озéрах кипít тепéрь там рýба.*

4. ‘Протекать очень оживлённо, стремительно, бурно. О событиях, процессах, чьей-л. деятельности и т. п.’: *Потóм стáло у нас на селе́ фсё кипéть, стáло фсё лучче. Прéжде кипéла дере́вня. Деревня́-то кипéла, дéнь и нóчь в движéнии фсё бýли.*

5. ‘Развиваться, проявляться с силой, бурно, стремительно. О чувствах, мыслях, переживаниях’.

В архангельских говорах глагол развивает и другие значения. На основании метафоры, связывающей кипящую воду и эмоциональное состояние человека, основано значение ‘ругаться, ссориться’: *Она́-то над нím ой как кипít, ли́хо с пйáным-то.*

Если человек злится на кого-то, у него *кипит душа* или всё *нутро*: *Я каг бúтто не слýшу, но там-то кипít нутрó (дети воспитывают внуков). А на йего́ — злó на фсю́ жы́сть и тепéрь йешó кипít на него́ души́, на прокля́того.*

Напротив, если человек не испытывает недобрых чувств, то у него *зло не кипит на душе*: *Кáк-то вот за злó отплáчивать добрóm, онó и лучши́э, злó не кипít на душé.*

Если человек находится в состоянии волнения, у него *кипит сердце*: *Сéрцэ кипít: когó привезли́?*

Значение ‘испытывать жжение, покалывание’ метонимически связано с ощущением, которое вызывает горячая вода: *Фсе голя́шки дак кипя́т, домóй при́деш да холоди́анкой помóйеш, то́лько и спáсу. Тёртнут, тёртнут, кипя́т пáльцы — как мурашы́ бéгают.*

Значение ‘шуметь, пульсировать’ имеет в своей основе также звук кипящей воды: *Голова́ шыпít, фсё там кипít. А в голове́ кипít, шумít, не зная́, што́ такó.*

В говорах есть и устойчивые выражения с этим же значением: *В голове́ кабы́ цю́гунки кипя́т. Сýдороги схва́тят, лы́тка*

холодная, в головé кипит, как котлы́ кипят. Буду я записы́вать, у меня́ и та́к в головé котёл кипит.

Интересна фраза *сера кипит*. Она связано с представлением о том, что человек, испытывающий зуд в ухе, может предсказывать погоду: *Ишо́ сера́ в у́хе кипи́т, ишо́ те́плó бу́дет. В у́хе засверби́т, заче́шца — к холо́ду. Я роди́лся в декаб́ре, вот сера́ кипи́т.*

Кипящая воды с большим количеством быстро перемещающихся пузырьков связывается в народном сознании с быстро и хорошо работающим человеком: *Муш-то мастерово́й, в руках́ рабо́та кепе́ла. Але́шка сиди́т — у него́ то́ко ло́шка сви́стит, а как при́мецья — у него́ фсе́ кипятко́м кипи́т в руках́.* Продуктивную работу мозга также сравнивают с кипящей водой: *Тепе́рь наро́т фсе́ поишо́л на уче́бу. Каг башка́ вари́т, то и хорошо́, а как мо́зги не вари́т, не кипи́т, то и та́г дорóдно.*

Таким образом, анализ семантики глагола *кипеть* в архангельских говорах показывает, как осмысление кипящей воды в народном сознании связывает этот процесс с эмоциональной сферой говорящего, его умственными способностями и работоспособностью. Кроме того, глагол имеет и культурную семантику, находящую свое отражение в устойчивом выражении *сера кипит*.

ЛИТЕРАТУРА

- АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой, Е. А. Нефедовой. Вып. 1—. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980—.
- БТС — Большой толковый словарь русского языка под ред. С. А. Кузнецова. Эл. ресурс. <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyyj-slovar>.
- Гецова О. Г. Русская диалектология. Методические указания. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.
- Ильинская Н. Г. Общерусский глагол в системе литературного языка и диалекта (к вопросу о переходности/непереходности // Язык. Сознание. Коммуникация. Сб. статей под ред. В. В. Красных, А. И. Изотова. М, 1999. Вып. 9.
- Нефедова Е. А., Качинская И. Б., Коконова А. Б. «Архангельский областной словарь»: прошлое и настоящее // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — М., 2013. № 3.
-

А. Б. Колесникова

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

В поисках мосальского яканья: исследование предударного вокализма говоров Барятинского района

Мосальский район Калужской области не раз был обследован диалектологами, вокализм его говоров был описан ещё в конце XIX века, см. (Шахматов 1897). Однако он известен среди диалектологов благодаря термину мосальский тип диссимилятивного яканья. Согласно ДАРЯ (БД ДАРЯ), мосальское яканье наблюдается не в Мосальском, а в соседнем с ним районе Калужской области — Барятинском, в д. Асмолово.

Одной из целей экспедиции 2023 года был поиск говоров с мосальским типом яканья и изучение вокализма диалектов Мосальского и Барятинского районов. Результаты обследования говоров Мосальского района представлены в (Дьяченко и др. 2024). Данное же исследование посвящено анализу предударного вокализма после мягких согласных говоров Барятинского района.

Материалом исследования являются аудиозаписи двух информанток, сделанные в д. Новое Село и д. Барнятино (оба населенных пункта расположены приблизительно в 6 км от д. Асмолово¹). Аудиозаписи обработаны в программе PRAAT, из них извлечены примеры, содержащие гласные неверхнего подъёма в первом предударном слоге после мягких согласных. Всего было рассмотрено 443 словоформы. В извлечённых словоформах были выделены гласные первого предударного и ударного слогов. Для них фиксировались значения первой и второй формант в зоне выдержки и длительность.

Анализ позволил выявить закономерности, общие для обеих информанток:

- Основной вид системы предполагает в первом предударном слоге в позиции C'VC-Á гласный [a]. Возможна конкуренция с гласными [e] и [i].
- В первом предударном слоге в позиции C'VCá чаще всего наблюдается гласный [i].

---

¹ В д. Асмолово нам не удалось найти носителей яканья.

Таблица 1. Данные об информантах и процентное соотношение гласных первого предударного слога.
Серой заливкой выделены данные информантов из Мосальского района

	образование (количество классов)	С'VC-Ам ²	С'VCам	С'VC'Им	С'VC'-Им
ТАФ1936	11	[а] — 65%, [е] — 21%, [и] — 14%	[и] — 68%, [е] — 32%	[и] — 94%, [е] — 6%	[и] — 85%, [е] — 12%, [ь] — 3%
ФНД1942	8	[а] — 88%, [е] — 8%, [и] — 4%	[и] — 58%, [е] — 36%, [ь] — 6%	[и] — 60%, [е] — 30%, [ь] — 10%	[и] — 49%, [е] — 22%, [ь] — 27%, [а] — 2%
ШАВ1939	10	[а] — 100%	[и] — 100%	[а] — 90%, [е] — 10%	[и] — 94%, [е] — 2%, [ь] — 1%, [а] — 3%
МВИ1942	7	[а] — 82%, [е] — 4%, [и] — 12%, [ь] — 2%	[и] — 80%, [е] — 20%	[а] — 80%, [и] — 20%	[и] — 94%, [е] — 3%, [а] — 3%

- В позиции С'VC'V́ гласные неверхнего подъёма в первом предударном слоге в большинстве случаев нейтрализуются в [и].
- Предударный [а] часто имеет полифтонгическую реализацию.

Таким образом, можно определить систему как диссимилятивно-умеренное яканье. Опираясь на данные ДАРЯ, можно предположить, что в основе данной системы лежит суджанское яканье, однако отличить его от жиздринского в ситуации осложнения вокализма умеренностью не представляется возможным.

² Здесь и далее «-Á» — ударный гласный, отличный от [а]. Строчные буквы обозначают конкретный звук; «С» — любое количество согласных, «V» — любой гласный.

В ходе исследования был также проведен подробный анализ частных диалектных систем обеих информанток, в результате которого были выявлены следующие различия в их идиолектах:

- В позиции $C^{\prime}VC-\acute{A}$ гласный [a] в речи ТАФ1936 является более нижним по подъёму и более передним по ряду, чем [a] в речи ФНД1942.
- При анализе речи ТАФ1936 было выявлено уменьшение длительности предударного [a] в позиции $C^{\prime}VC-\acute{A}$ при понижении подъёма ударного гласного: отношение предударного к ударному составляет 99% перед верхним подъёмом и 81% перед средним подъёмом. Подобная закономерность может являться проявлением старых количественных отношений между гласными (Князев, Шаульский 2007: 214).
- Между мягкими согласными гласный [и] в речи ТАФ1936 встречается в 90% случаев, в то время как у ФНД1942 наблюдается бóльшая вариативность.

Были обнаружены следующие сходства с вокализмом мосальских говоров:

- В речи мосальской информантки ШАВ1939 также была найдена зависимость длительности предударного гласного [a] в позиции $C^{\prime}VC-\acute{A}$ от подъёма ударного гласного.
- Гласный [e] перед твёрдыми согласными появляется в речи МВИ1942 только перед ударным [a]. У баятинских информанток эта позиция также является самой частотной для [e].

Были установлены различия между частными диалектными системами информантов из Баятинского и Мосальского районов:

- У мосальских информанток суджанская система не осложнена умеренностью.
- У ТАФ1936 и ФНД1942 не было зафиксировано случаев произнесения [a] перед ударным [e] из *ѣ, которые встречались в речи информанток из Мосальского района.
- В речи баятинских информанток в позиции $C^{\prime}VC\acute{V}$ наблюдается большее количество исключений из суджанской системы, чем у мосальских информанток.
- У МВИ1942 слабо выражен количественный контраст между [и] и [a] (так, в позиции $C^{\prime}VC\acute{o}$ средняя длительность [a] составила 0,074 с, а средняя длительность [и] в позиции $C^{\prime}VC\acute{a}$ — 0,08 с), в то время как у ТАФ1936 и ФНД1942 он последовательно выдерживается в примерах, где не наблюдается исключений из суджанской системы.

ЛИТЕРАТУРА

- Марченко И. А., Долгов О. Н., Азанова А. С., Замбржицкая М. С., Заливина Е. А., Землянская С. А., Мочульский Д. И., Цейтина Е. И., Чистякова Д. Г., Ронько Р. В. База данных диалектологического атласа русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://da.ruslang.ru/>
- Дьяченко С. В., Колесникова А. Б., Пилипец П. А. Предударный вокализм мосальских говоров: история и современность // Русский язык в научном освещении. М.: ИРЯ РАН (в печати).
- Князев С. В., Шаульский Е. В. Генезис диссимилятивного аканья (в связи с проблемой фонологизации фонетических явлений) // Русский язык в научном освещении. 1 (13). 2007. С. 209–224
- Шахматов А. А. Звуковые особенности ельнинских и мосальских говоров // Русский филологический вестник. 1897. Т. 3 XXXVIII, № 3–4. С. 172–209.

Е. В. Колесникова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

Иностранные слова в говоре старообрядцев Южной Америки¹

Неисконная лексика в русском языке достаточно хорошо изучена с различных позиций лингвистической науки, наиболее детально — в лексикологическом аспекте (А. Ф. Журавлев, Л. А. Ильина, Н. Г. Комлев, Л. П. Крысин; И. В. Нечаева, Е. В. Маринова, А. В. Суперанская и др.).

Интенсивный процесс проникновения иностранной лексики в диалектный язык старообрядцев Южной Америки обусловлен различными факторами: историей переселения и частой сменой места жительства за пределами России, удаленностью территории проживания в условиях иноязычного окружения, вынужденными тесными контактами с носителями иностранного языка, а также изолированностью от русского литературного языка, свободным владением диалектоносителями несколькими иностранными языками.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РНФ «Словарь говора старообрядцев Южной Америки с историческими и лингвогеографическими данными (электронная публикация)», № 24-28-01818.

Наша работа представляет собой попытку системного описания иноязычной лексики в говоре старообрядцев Южной Америки. Материалом для анализа послужила выборка иноязычной лексики из экспедиционных материалов и монографии О. Г. Ровновой [Ровнова 2022], а также книги старообрядца Д. Зайцева [Зайцев 2014]; общий объем анализируемого словника составляет приблизительно 500 единиц.

При описании неисконной лексики в говоре старообрядцев наиболее удачным представляется термин *иностранное слово*: «В отличие от полностью усвоенных заимствований, так называемые иностранные слова сохраняют следы своего иноязычного происхождения в виде звуковых, орфографических и семантических особенностей, которые чужды исконным словам» [Добродомов 1990]. Все анализируемые нами лексические единицы являются в говоре неосвоенными словами, воспринимаемые диалектоносителями чужими языковыми единицами. Иностранные слова в говоре противопоставляются словам исконной лексики и имеют акцентологическую, формальную или семантическую маркированность.

Лексика, проникающая в речь носителей диалекта, очень неоднородна по своему составу. Выделение среди новых заимствованных слов тематических групп позволяет определить, какие сферы человеческой деятельности наиболее восприимчивы к проникновению и заполнению иноязычными языковыми единицами. Классификация иностранной лексики по тематическому признаку в говоре старообрядцев была разработана О. Г. Ровновой [Ровнова 2022: 253], где было установлено, что самый мощный пласт заимствований отражает экономическую деятельность и разнообразные социальные связи носителей говора. Отметим, что тематическая классификация иноязычных единиц в говоре по составу входящих в нее подгрупп существенным образом отличается от подобной классификации в литературном языке.

С точки зрения происхождения, большая часть иностранных лексем — это прямые заимствования из испанского (*баррьо* ‘район, квартал города’; *чáкра* ‘ферма’); португальского (*ли́ша* ‘мусор’; *эскритóрия* ‘контора’) и английского языков (*ишоп* ‘магазин’; *поли́сман* ‘полицейский’). Однако часто возникает проблема в установлении генетического языка-источника: *агрикульту́ра* ‘сельское

хозяйство' (исп. и англ. agricultura); *сьєнтифік* 'ученый' (исп. científico, англ. scientific) и др. Возможно, имеет место опосредованное заимствование, где первичным языком-донором выступает английский язык, а испанский и португальский — языками-посредниками.

С позиции освоенности диалектом, весь наш материал — это иностранные слова, сохраняющие следы своего иноязычного происхождения, большую часть которых можно отнести к международным заимствованиям (*сáндвич* 'бутерброд'; *дискримина́ция* 'притеснение, унижение'); экзотизмам (*áнта* 'тапир'; *карпíнчо* 'капибара') и незначительную долю — к иноязычным вкраплениям (*por favor* (исп.) 'пожалуйста'; *pasemos* (исп.) 'давай').

Заимствования можно охарактеризовать также и с точки зрения наличия/ отсутствия эквивалента в системе заимствующего языка. Наиболее широко представлена в говоре безэквивалентная лексика, то есть слова, представляющие собой единственные наименования денотатов и не имеющие в говоре однословного наименования реалии (*жау́* 'золотистый сом'; *инмобилъя́рия* 'агентство недвижимости'). Группу эквивалентной лексики в говоре составляют слова, которые не являются единичными обозначением реалий и понятий (*арéя* — *адуба* — *удобрение*; *трóк* — *камиóн* — *грузовик*; *фижóн* — *фасоль*). Эквивалентная иностранная лексика расширяет существующие в говоре терминосистемы отдельных сфер человеческой деятельности.

Важной особенностью является также и устная форма заимствования иностранных слов в говоре, которая в русском литературном языке характерна только для некодифицированных сфер языка (жаргонов).

Группа иностранных слов в говоре старообрядцев Южной Америки характеризуется иным лексическим составом, объемом, а также сематической структурой по сравнению с русским литературным языком.

ЛИТЕРАТУРА

- Ровнова О. Г. Старообрядцы Южной Америки: очерки истории, культуры, языка. — М.: Изд. Дом ЯСК, 2022., 608 с.
- Зайцев Д. Т. Повесть и житие Даниила Терентьевича Зайцева. — М.: Альпина нон-фикшн, 2014. — 657 с.
-

В. Б. Колосова

Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург, Россия)

К вопросу о роли первоисточников в лексикографировании диалектных фитонимов

Представляется очевидным, что при составлении сводных словарей всегда существует риск ошибок при переносе информации из первоисточников. Это тем более верно, когда речь идет о специальной лексике, в частности, о названиях растений. Обычно толковательная часть фитонимической словарной статьи не содержит латинского номенклатурного названия (или дает его с ошибками). Вместо русских номенклатурных названий составители нередко пользуются просто литературными названиями или даже регионализмами.

Существует и другой тип недочетов в работе лексикографа: многочисленные пробелы, допущенные при работе с источниками. Причины могут быть разными. Так, при составлении «Словаря русских народных говоров» важнейшим источником диалектных фитонимов является «Ботанический словарь» Н. И. Анненкова. Однако при сличении этих двух словарей становится видно, что, например, из вятских диалектных названий растений в СРНГ не попали *алоцветка*, *анис дикий*, *блошница раменная*, *винный корень*, *внутренник*; из тамбовских — *анис*, *горлюха лесная*, *замошказ*, *запальник* и ряд других.

В свою очередь, «Ботанический словарь» Анненкова также является компилятивным изданием и не лишен неточностей или же методологических решений, которые не способствуют составлению возможно более полных словарей диалектных названий растений. Вятские и тамбовские фитонимы были упомянуты в связи с тем, что Н. И. Анненков при работе над своим словарем пользовался, среди прочих, двумя публикациями Карла Антоновича (Андреевича) фон Мейера (Carl Anton von Meyer) в журнале «Beiträge zur Pflanzenkunde des Russischen Reiches» («Материалы к ближайшему познанию прозябаемости Российской Империи»), который издавался Российской Академией Наук: «Florula provinciae Tambov» («Отдельная флора Тамбовской губернии или роспись замеченных в Тамбовской губернии растений») 1844 г. и «Florula provinciae

Wiatka, oder Verzeichniss der, im Gouvernement Wiatka gesammelten Pflanzen» 1848 г. Вятское название *бешава* ‘колокольчик жёстково-волосый *Campanula cervicaria* L.’ из описания вятской флоры Мейера попало в «Ботанический словарь» в форме *бешав* и в таком виде было перенесено в СРНГ, а в «Областной словарь вятских говоров» не попало вовсе.

В результате изучения вышеназванных флор авторства К. А. Мейера удалось выявить следующие группы фитонимов:

- отсутствуют в СРНГ, хотя приведены у Анненкова;
- отсутствуют в СРНГ и у Анненкова;
- есть в СРНГ, но в толковании указано другое растение;
- есть в СРНГ с тем же толкованием, что у Мейера, но с другими географическими пометами.

Географические пометы представляют собой отдельную проблему. Так, Мейер указывал в своих флорах населенные пункты, в которых были записаны диалектные фитонимы — Елатомский, Темниковский, Моршанский уезды, Малмыш, Сарапул, Уржум, Нолинск и др. Анненков включал эти данные в свой словарь уже только с указанием на губернию (Тамб. или Вят.). Кроме того, для большого количества широко распространенных фитонимов он пользовался пометами типа «в большей части Великороссии». Таким образом, хотя в СРНГ предусмотрена подача диалектных слов с точностью до уезда, через посредство «Ботанического словаря» Анненкова фитонимы попадали в него лишь с указанием на губернию или не включались совсем.

При составлении словарей диалектных фитонимов, помимо региональных флор, составленных профессиональными ботаниками, представляется перспективным учитывать и другие типы источников: региональные словарики, составленные до начала систематического сбора диалектных материалов; материалы путешествий и экспедиций, в том числе ранее XIX века; этнографическую литературу. Они позволяют дополнить данные, которые можно извлечь из сводных и региональных словарей, более точными сведениями, свободными от ошибок копирования, а также фитонимами, которые совпадают с литературными, а потому отводятся от лексикографирования (за исключением полных словарей). Наконец, все вышеперечисленные типы источников, относящиеся к XVIII веку и ранее, позволяют углубить хронологию отдельных фитонимов.

При лавинообразном увеличении количества диалектных словарей работа по изучению диалектных фитонимов, их синонимии и многозначности, лингвогеографии названий конкретных растений требует компьютерной обработки и создания специальных программ в области Digital Humanities. Примером такого инструмента может служить фитонимическая и этноботаническая база данных PhytoLex (<https://phytolex.eusp.org/>). База позволяет производить поиск и сортировку фитонимов по введенным источникам, отбирая их по хронологии, географии, номенклатурным латинским названиям и другим параметрам. В дальнейшем планируется добавить функции построения графиков и картографирования.

Е. В. Колосько

Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург, Россия)

Отражение культурных констант системы народных мифологических представлений в значениях устойчивых диалектных словосочетаний с компонентом ЧЁРТ

Доклад посвящен мотивационному семантическому анализу диалектных устойчивых словосочетаний, содержащих в своем составе наименование мифического персонажа *чёрта*. Классификация выявленных по ключевому мифониму (наименованию мифологического образа) лексических единиц ведется с разделением на лексико-семантические группы по ведущему мотивировочному признаку, закрепленному за образом чёрта и связанных с ним мифологем (сюжетам мифов или сказок). Наиболее частотные, имеющие диалектные варианты, устойчивые словосочетания, в которые входят типовые сравнения, фразеологизмы и паремические единицы, указывают на наличие наиболее востребованных культурных констант в составе народных мифологических представлений, влияющих на формирование лексического фонда фразеологизированных единиц русских говоров.

Одной из целей исследования является также стремление прояснить семантическое происхождение некоторых фразеологических единиц путем исследования истоков культурной коннотации,

заложенной в их значениях. Этой цели способствует объединение устойчивых словосочетаний в составе фразео-семантических групп, где первичные типовые выражения, фраземы, фразеологические обороты и паремические единицы, с прозрачной внутренней формой рассматриваются вместе со словосочетаниями, подвергшимися структурным изменениям, развивающими вторичную переносную семантику.

В докладе представлены диалектные материалы, собранные для составления статей Словаря русских народных говоров. Автор делает попытку усовершенствовать подачу диалектного фразеологического материала в этом словаре. Фактическим материалом для данной работы являются сведения диалектных словарей XIX–XX вв., картотек Большого Академического словаря и Словаря русских народных говоров.

Актуальность исследования обусловлена проблемами лексикографического представления разрозненных в силу вариативности диалектных словосочетаний в сводном диалектном словаре. Существуют проблемы разграничения диалектной и литературной лексики. Зачастую эти разграничения условны, связаны только частотностью употребления словосочетания в художественной литературе. Есть и общие проблемы лексикографического характера. Как правило, фразеологизированные языковые единицы толкуются в словарях без учета культурного компонента значения. В то время как денотативный компонент значения, реализуемый в таких признаках реалии, как внешний вид, локативный признак, особенность способа действия, символическая значимость и другие, актуальные в мифологической лексике признаки, часто является мотивировочным для переносных значений. Проблему составляет и деактуализация многих компонентов системы мифологических представлений в процессе изменения фоновых знаний носителей языка, что приводит к возникновению вариантов фразеологизмов, потерявших прозрачность внутренней формы.

В докладе представлены результаты исследования: выявлены и объединены в отдельные лексико-семантические группы устойчивые словосочетания, в значениях которых закреплены народные представления о месте чёрта в иерархии демонологических персонажей, типовые представления о его внешнем виде, месте обитания и образе действия.

В результате исследования выделены наиболее обширные по составу и частотные по употреблению диалектные устойчивые словосочетания, отражающие народные представления: 1) о месте чёрта в системе мифических образов, составляющих единую группу «нечистая сила»; 2) о внешнем облике чёрта; 3) о месте обитания чёрта; 4) о типичном поведении чёрта; 5) о целях и действиях чёрта по достижении этих целей; 6) о степени влияния злых сил на поведение человека.

Отдельно рассматриваются выражения, мотивированные атрибутивными признаками мифического персонажа. Выносятся за границы денотативно мотивированных фразеологизмов устойчивые словосочетания, образованные на базе коннотативных компонентов значений.

Заявленная цель работы — выявление наиболее стойких, закрепленных в речи констант системы народных мифологических представлений. Культурный компонент значений устойчивых сочетаний представлен на уровне денотативного и коннотативного аспектов значения. Так как они отражают особенности миропонимания и моральных установок носителей языка. Наличие лексико-семантических вариантов, отмеченных в различных русских говорах, подтверждает частотность употребления данных лексических единиц и степень спаянности их компонентов. Анализ диалектных устойчивых словосочетаний в составе мифологической лексики по общей направленности семантического и словообразовательного развития является наиболее перспективным. Благодаря выявлению ключевых мифонимов, мотивирующих мифологем, доминантных мотивировочных признаков достигается цель — определение культурных констант, сохраняемых национальным сознанием, служащих основанием для развития эмоционально оценочной образной лексики.

Благодаря такому подходу не только проясняется исходное значение устойчивых выражений с затертой внутренней формой, но и объясняется появление новых словосочетаний с заменой ключевой словоформы, перестановкой компонентов и новой переносной семантикой.

М. М. Кондратенко

Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург, Россия)

Аксиологический аспект восприятия времени в севернорусской темпоральной лексике

Славянская народная лексика, помимо сегментации времени на различные периоды и циклы, содержит также его оценку, указывающую на положительный или отрицательный характер восприятия временных периодов.

Критерием для определения качества манифестируемого временного пространства может стать анализ полисемичной лексемы, одно из значений которой связано со временем. Так, отношение к тому или иному способу времяпрепровождения раскрывается в лексеме *махаляться* 'идти, протекать' (о времени) (*ишь, сколько времени намахалось и еще махалется* Тихв.) при другом значении глагола *махаляться* 'качаться из стороны в сторону, болтаться' (*махалялась вот так нога, так потом в больницу* Тихв.)

В севернорусских говорах часто фиксируется отрицательное отношение к упущенному, потерянному, потраченному впустую времени. Для этого используются специальные лексемы: *вадить* 'бесполезно, попусту проводить время' (*хватит тебе вадить, пора за дело приниматься* Тихв., Подп.); *проблажить* 'провести время без пользы'. Зафиксированы в значении 'впустую тратить время' также лексема *солодиться* (*там целу неделю сидела в Варзуге да в Чаполы, солодилась* Тер.) и устойчивое выражение *время солодить* (*мойтесь живо, хватит время солодить* Медв.) при наличии прилагательного *солодилый* 'недоброкачественный'. К этой же группе наименований относятся: *годы стопить* 'прожить, истратить на что-нибудь годы жизни' (*годы-то стопила я смолоду в лесу, на беседы не ходила* Волог.) при других значениях глагола *стопить* 'вскипятить, сварить, подвергнуть обработке паром'; *шамелу*, (*шешелу*) *бить* (*сбить*) 'проводить время впустую' (*Васька с Петькой ничего не делают, ходят взад-вперед, шамелы бьют* Медв.) при наличии существительного *шамела* (*шешела*) 'участница пляски, исполняющая особенно сложные фигуры'.

В севернорусских говорах получает особое наименование плохое, опасное время: *лихость* 'о трудном, безрадостном времени, поре' (*у тебя-то старость, а у меня-то лихость* Тер.); *минута*

худая 'по мифологическим представлениям: минута, опасная в каком-нибудь отношении' (в каждом часу есть худые минуты, в двенадцать такая минута найдет — плохо Бат.).

Одной из разновидностей «плохого» времени является период отсутствия достаточного количества пищи: в панкрут 'при бедной жизни, в голодные времена' (не убыточно, так кладите два яйца, а ведь этого не положите в панкрут Белом.).

Человек может воспринимать сложные условия жизни как необходимость сократить их во времени: в севернорусских говорах *перекоратывать* 'жить какое-то время, преодолевая лишения, трудности' (тебе зиму-то худо перекоратывать; надо пока в инвалидную перебираться Чер.).

Нахождение вне времени, выпадение из времени расценивается как несчастье: *безвремяе* 'беда, несчастье' (ныне-то радуются чужому безвременью люди Шексн.) (ср.: *безбородка* 'мужчина, у которого не растёт борода' Онеж.; *безвкусица* 'то, что не имеет приятных вкусовых качеств' Тер.).

Оценочным компонентом могут обладать различные единицы счета времени: названия дней недели и иные лексемы с темпоральной семантикой: так, в севернорусских говорах прилагательное *дённый* 'рассчитанный на один день' в сочетании с сущ. *беда* получает значение 'небольшой': *дённая беда* 'небольшая беда' (хлеб не удался, так дённа беда Пуд.).

Качественные характеристики времени служат основой для использования темпоральной лексики в других семантических сферах. Лексема *старший* с основным значением, указывающим на возраст, то есть на стадию времени жизни, может обозначать физическую величину: *старший* 'большой, значительный по величине' (копна — она старше, а копёшка маленька Лод.); в том же диалектном ареале — *суббота дольше воскресенья* 'об одежде, свисающей из-под другой одежды' (рубаша выползла — суббота дольше воскресенья Подп.).

Таким образом, лексика времени не только сегментирует значимые периоды и циклы времени, но и содержит в своей семантике их качественную характеристику. Особенности народной аксиологии, открываемые в этом пласте слов, предоставляют ценные данные как для семантической типологии славянских языков, так и для изучения их связей с неславянскими языками.

М. Д. Королькова

Институт лингвистических исследований РАН
(Россия, Санкт-Петербург)

«Вонифатіева тетрадь»: дневник ярославского кузнеца

Крестьянские дневники достаточно давно стали объектом внимания диалектологов как источник не только этнографических, но и лингвистических сведений. Феномен крестьянских дневников рассмотрен С. Б. Адоньевой¹, В. П. Ершовым и И. В. Мельниковым², И. С. Карповым³, И. Б. Качинской⁴, Н. Н. Клепиковым⁵, М. В. Мелиховым⁶, В. Морозовым и Н. И. Решетниковым⁷, А. В. Пигиным⁸ и другими, кто публиковал и изучал подобные источники. На портале «Прожито» представлено 12 крестьянских дневников за период с 1800 до 1950 гг.⁹

¹ Мужской род. Первое лицо. Единственное число: Дневники Д. И. Лукичёва и Д. П. Беспалова / сост., общ. ред., вст. и закл. ст., предисловия С. Б. Адоньевой. СПб.: Пропповский Центр, 2013. 288 с., ил. (Серия «Первичные знаки, или прагмемы»)

² Ершов В. П., Мельников И. В. Текст дневника П. Т. Ананьина // Кижский вестник. Выпуск 14. 2013. 405 с.; Дневник заонежского бондаря: памятник крестьянской письменной культуры 30-х гг. XX в. / [расшифровка текста: В. П. Ершов, коммент.: В. П. Ершов, И. В. Мельников]. Петрозаводск: Verso, 2017. 326 с.

³ Карпов И. С. По волнам житейского моря / Публикация С. С. Гречишкина и Г. В. Маркелова. Вступит. статья Г. В. Маркелова // Новый мир. 1992. № 1. С. 7–76.

⁴ Качинская И. Б. Крестьянский дневник СРГ, Выпуск 15. 2016. С. 315–343.

⁵ Клепиков Н. Н. Дневник сельского интеллигента как исторический источник (Проблемы источниковедческого анализа на примере мемуарной литературы) // Историко-культурное наследие Русского Севера. Проблемы изучения, сохранения и использования. Каргополь. 2006.

⁶ Печорский старообрядческий писатель А. Носов: видения, письма, записки / Подгот. текста, вступит. статья и примечания М. В. Мелихова. М., 2005.

⁷ Дневник тотемского крестьянина А. А. Замалева (1902–1922) / Публикацию подгот. В. Морозов и Н. И. Решетников. М., 1995.

⁸ Пигин А. В. Крестьянские дневники XIX–XX вв. как источники по изучению народной культуры (Дневник Г. Я. Ситниковой) // Кижский вестник. Выпуск 17. Карельский научный центр РАН. Петрозаводск. 2017. 316 с.

⁹ URL: <https://corpus.prozhito.org/persons?age=18&ageTop=80&date=%221800-01-01%22&dateTop=%221950-12-31%22&diaryTags=%5B329%5D>, дата обращения 01.07.2024.

Письменное крестьянское слово передает как грамматические, так и лексические особенности местной речи и служит источником информации о быте и занятиях автора текста, а иногда и его родных. Большое значение имеют дневники крестьян-ремесленников, из текстов которых можно получить достаточно редкий и очень ценный со всех точек зрения взгляд (и номинации) мастера, понимающего свое занятие «изнутри». Таким источником является «Вонифатіева тетрадь»¹⁰, дневник за 1885–1891 гг., принадлежащий перу крестьянина-кузнеца Ловкова Вонифатия Ивановича (185..–1932 гг.) из села Спас-Мякса Щетинской волости Пошехонского уезда Ярославской губернии (в настоящее время с. Мякса Череповецкого р-на Вологодской обл.).

Дневник издан с историческим краеведческим комментарием и доступен многим читателям благодаря счастливой случайности: в 1991 году писатель Валерий Колодяжный нашёл тетрадь с оригиналом дневника в Санкт-Петербурге на книжном развале, проявил интерес, издал, провел исторические разыскания, познакомился с живущими в Мяксе внуком и другими потомками В. И. Ловкова и даже снял фильм об истории нахождения и издания дневника. По описанию В. Колодяжного, данному в подробном предисловии, сам дневник представляет собой 140 с обеих сторон плотно исписанных листов старой тетради размерами 160 на 210 мм. При публикации издатель привёл некоторые элементы текста в соответствии с нормами современной орфографии и в предисловии подробно разъяснил, что именно он исправлял, какие особенности написания он заметил, какие лексические особенности он комментировал, а какие комментарии не потребовали.

В самом тексте дневника часто встречается не только этнографически ценная информация, но ремесленная лексика, отражающая деятельность В. И. Ловкова и его односельчан. Ср.: *13-го Сентября толчею поисправил и выточил 17 топоров*¹¹, где *толчея* — механическая ветряная мельница; *8-го Марта с Васильем отбивали Топоры в кузнице и возили сено с овина. Я ладил топоры, в Пошехонье тожо Поеду*¹²; ...*Срубить и потолок зделать в балки,*

¹⁰ Колодяжный В. Вонифатіева тетрадь. Череповец: Изд. дом «Череповец», 2019. 391 с.

¹¹ Там же: с. 28.

¹² Там же: с. 44–45.

и брѣвна окантовать¹³. Приведенные примеры демонстрируют владение автором дневника соответствующей терминологией и предоставляют большое пространство для анализа.

Л. Ю. Костина

Кубанский государственный университет
(Краснодар, Россия)

Тематическая специфика воспоминаний о матери (на материале устных рассказов носителя кубанских говоров)¹

Одним из направлений современной диалектологии выступает изучение тематических особенностей устных рассказов-воспоминаний носителей говоров (см. работы С. В. Волошиной, В. Е. Гольдина, О. Ю. Крючковой, О. П. Кормазиной, Ю. А. Косицыной и др.). Безусловно, тематический спектр является тождественным в воспоминаниях жителей разных территорий. Интерес представляет специфика развёртывания «общечеловеческих» гипертем в рассказе одного человека, набор и реализация подтем в рамках конкретной тематической сферы.

Материалом для данной работы послужили расшифрованные приёмом *малограмотного письма* записи беседы с Анной Алексеевной Панченко, 1940 года рождения, жительницей ст-цы Передовой Отрадненского района Краснодарского края (далее — А.А.) (диалектологическая экспедиция 2014 г.). За единицу тематического анализа было взято монологическое высказывание информанта. Текст подвергнулся тематическому членению, в основании которого лежит принцип линейности, который помогает наиболее отчетливо проследить процесс текстообразования.

Контекстный анализ беседы продемонстрировал, что наиболее ярко в речи А.А. представлена тематическая сфера «Семья», что является показателем её значимости для сознания информанта.

---

¹³ Там же: с. 54.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда в рамках проекта № 24-28-20008. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20008, <https://rscf.ru/en/project/24-28-20008/>.

Данная гипертема в самом начале беседы маркируется словосочетаниями со значением количества: *Нас восемь душ была ф симье. И бабушка, и дедушка, двинацать. И фсе помещалися, дружна жыли... И нас восемь душ, и адин аднаво меньшеы.*

Указанная гипертема в процессе беседы с А.А. в содержательном плане наиболее полно представлена подтемой «Мать». Воспоминания о матери встречаются в разных частях беседы с А.А.: в начале, середине и в конце повествования и, безусловно, являются значимыми для информанта, помогая ей выстроить историю своей жизни.

Среди номинаций матери значительно преобладает форма *мама* (58 употреблений), три раза встречается лексема *мать*: по одному разу при упоминании собственной матери, матери мужа и матери зятя. При этом в 11 случаях существительное *мама* употребляется с притяжательным местоимением *моя*, что составляет пятую часть (19 %) всех номинаций матери. Причем нередко случаи контекстно близкого, т. е. избыточного, употребления словосочетания *моя мама*. См., напр.: *И вот радители наши работали, йиво иш мама и мая мама работали вмести ф калхози. И вот видиши, и с дитями. Если мая мама идеть на стан <...> дитей пакармить, значить, ана и миня кормить, и этава иш кормить. А патом ана иш идеть палоть этат паёк чи ряды, тагда ана, мая мама, идеть и йиво кормить, и миня. Вот как должна. И не гребавали, а щас: о, ни патхади, шоп ни заразить.*

Отметим, что характерная для диалектного повествования задача чужой речи посредством прямой в рассказах-воспоминаниях А.А. встречается преимущественно тогда, когда информант говорит о матери. При этом А.А. буквально «исполняет» её реплики, в которых обращает на себя внимание постоянное присутствие характерного для матери информанта обращения *моя детка* (в 6 репликах из 11). Названный вокатив, коррелируя с частотным употреблением *моя мама*, подчеркивает теснейшую связь матери и ребенка в сознании рассказчицы. При этом лексема *брат* в речи А.А. сочетается с притяжательным местоимением *наш*, а существительное *сестра*, как правило, сопровождается уточняющим определением *старшая* или *младшая*.

Что касается содержательного наполнения подтемы «Мать» в воспоминаниях А.А., то оно характерно и для воспоминаний жителей других регионов: это одиночество матери, потеря мужа-

кормильца, тяжелая работа. Мать А.А. потеряла мужа на войне, ей пришлось в одиночку поднимать восьмерых детей, при этом она работала в колхозе.

Контекстуальный анализ воспоминаний А.А. демонстрирует, что информант воспроизводит в них информацию о следующих этапах, событиях, моментах жизни, связанных с матерью:

1. О воспитании детей. Мать с детства учила детей разного рода бытовым занятиям, подготавливая их к самостоятельной жизни: а) добывать глину; б) плести кошелки; в) готовить еду; г) ткать и прясть и др.

2. О тяжелой работе матери. См., напр.: *Ну, када ухадила на работу, ищѣ сонцэ ни фставала, и приижжала в десить–адинацать».*

3. Об отношении матери к религии. Особое, светлое отношение было к религиозным праздникам. См. показательный контекст о наступлении Пасхи: *Помню, шо мама нас разбудила, гаварэ: «Дифчата, фставайте, как сонцэ фстаёт и радуица, што Паска».*

4. О знании примет. См., напр.: *«Мама сказала: «Как села вот на брчку, ни аглядывайся, да, шоп ни аглядывалась, шоб ни вирнула дамой. Ии чиво!».*

Определение круга тем воспоминаний о матери имеет условный характер, поскольку многие фрагменты совмещают сразу несколько тем.

Воспоминания о матери тесно связаны с репрезентацией традиционного взгляда на семью, роль и положение женщины в семье. Показателен в этом отношении рассказ А.А. о том, как она сама выходила замуж. Мать не одобряла данный союз, но препятствовать не стала. Однако и рассказы о семейных трудностях слушать не хотела. По ее мнению, женщина должна терпеть все, чтобы сохранить семью: *Мама миня ругала: «Ни хади за ниво, ни хади». «Ма, он харошый». «Иди, мая детка, но не жалься». И канфликты были, я пашла маме пажалавацца, ана гаварэ: «Я тибѣ гаварила. Иди, жыви, тирпи». Фсѣ, большы я ни стала жалавацца.*

Таким образом, тематическое воплощение в рассказах-воспоминаниях конкретного информанта подтемы «Мать» в рамках представления гипертемы «Семья» позволяет проследить, каким образом в контексте матери формируется и определяется личностная идентичность человека.

Н. А. Красовская

Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого
(Тула, Россия)

**Диалектная лексика во вторичной номинации:
на материале выпуска «Животный мир»
«Лексического атласа
русских народных говоров»**

В качестве материала исследования нам послужили карты, комментарии и индексы материалов из выпуска «Животный мир» «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ). Использование слова в переносном употреблении, во вторичной номинации, когда слово приобретает дополнительные смыслы, характерно для языковых систем в целом, это свойство во многом определяется самим свойством языкового знака, его асимметричностью.

В лексической системе как литературного, так и диалектного языка часто встречаются случаи номинации человека, его внешних признаков, особенностей поведения, сформированных на основании переносного использования лексем, которые в своем прямом значении указывают на представителей мира фауны. В этом случае перенос понятий, то есть он основан на первичном восприятии внешности живого существа (животного, птицы или насекомого), его отличительных особенностей, поведения, издаваемых звуков и т. п. Тут вспоминается использование таких слов, как медведь (о неуклюжем человеке), лиса (о хитром человеке), кукушка (о безответственной матери), голубь (обычно для выражения хорошего отношения к человеку), свинья (о грязном человеке), лебедь (о красивом, стройном человеке) и др.

Однако мы задались вопросом о том, наблюдаются ли случаи, когда мир фауны именуется лексемами, которые используются во вторичной номинации, то есть в первичной они обозначают что-то иное, связанное с миром человека, предметным миром или особенностями иных живых существ, черты которых легли в основу переносного употребления?

Для ответа на поставленный вопрос нами были проанализированы карты, комментарии к ним и индексы материалов из выпуска «Животный мир» ЛАРНГ.

В итоге мы можем привести разнообразные примеры. Так, наблюдается использование слова *доктор* для названия дятла. Понятно, что такое именование дятла связано с тем, что существует определенное представление о том, что дятел лечит лес, деревья. Отсюда возникает такое название этой птицы, в котором, конечно, выражается положительное отношение человека в миру фауны. Например, такие названия зафиксированы в рязанских, тульских, уральских говорах.

Можно привести еще примеры использования таких лексем, как *боровик*, *хозяин* для наименования медведя; *дикарь*, *шатун* для наименования кабана; *вонючка*, *курятник* для наименования хоря; *майка*, *маечка*, *маятник*, *алёнушка*, *березняк*, *бондарь*, *носорог*, *пожарник*, *цыган* для наименования жука; *мухолов*, *плетень* для наименования паука; *кобылка*, *конёк*, *скачок* для наименования сверчка; *фонарик*, *огонёк*, *червячок* для наименования светлячка; *вьюн*, *горбыль*, *свинья*, *лапоть* для наименования карпа; *усач*, *лежень* для наименования налим; *горбач*, *хохолок*, *соболёк*, *матрос* для наименования окуня и т. п.

Следует сказать о том, что приведенная здесь совокупность лексем, указывающая на номинации представителей мира фауны, далеко не полная, однако она позволяет сделать ряд выводов о том, какие именно признаки, свойства, особенности ложатся в основу формирования вторичной номинации. Так, понятно, что часть номинаций восходит к миру человека: *доктор*, *бондарь*, *алёнушка*, *пожарник*, *цыган*, *матрос*. Часть слов, которые используются во вторичной номинации, связана с миром материальных предметов, вещей: *маятник*, *плетень*, *фонарик*, *огонёк*, *хохолок*, *лапоть*. Некоторые лексемы относятся к природному миру в первичном значении, но либо именуют других живых существ, либо растения, их совокупности или части: *боровик*, *березняк*, *носорог*, *кобылка*, *конёк*, *свинья*, *соболёк*. Помимо этого, выявляется группа слов, которые в прямом значении имеют широкую семантику, но названия животных так или иначе, но осознаются как вторичные: *дикарь*, *шатун*, *вонючка*, *курятник*, *усач*, *лежень*, *вьюн*, *горбыль*, *горбач* и др. Укажем, что в основе переноса может лежать проявление внешнего сходства, особенностей поведения, проявления некоторых свойств и признаков (цвета, звуков, запахов и т. п.).

Таким образом, анализ карт, комментариев к ним из выпуска «Животный мир» ЛАРНГ дает основание утверждать, что материал Атласа содержит не только информацию о территории распространения той или иной лексемы, но и информацию о ее мотивационных признаках, семантике, особенностях внутренней формы, морфемной структуры и др.

Выявленные лексемы позволяют сделать вывод и о том, что лежит в основе формирования переносного значения (внешние признаки, особенности поведения и др.).

В целом можно утверждать, что подобное выявление лексем и их рассмотрение позволяет формировать представление о том, как диалектные лексические факты отражают отношение носителей русских говоров к окружающему миру, в том числе к миру животных.

С. А. Крылов

Институт востоковедения РАН
(Москва, Россия)

Симплиграфия и диалектология

Графическая фиксация звучащих диалектных текстов может осуществляться при помощи разновидности письма, которую мы предлагаем именовать симплиграфией (в переводе с латинского и греческого, “простопись”). Так, в словаре [Гецова 1970] слова записываются в так называемой “условной орфографической записи с передачей по возможности фонематического состава слова” [Там же: 48]. Например, окающее произнесение слова *работа* фиксируется как *робота. В примерах можно увидеть также записи типа *ретька, *кожы, *стипеньдию. Симплиграфия позволяет записать и разговорную речь на родном языке. Так, среди примеров в [Китайгородская, Розанова 1999] представлены такие записи, как *гыт* ‘говорит’, *щас* ‘сейчас’, *токо* ‘только’ и т. п.

Симплиграфический принцип транскрибирования применим лишь к языкам, имеющим письменность, и состоит в том, что для записи выбирается система графических знаков, максимально сходных с той графикой, которая является для данного языка социально престижной, т. е. общепринятой (и по этой причине

является, в частности, графической основой как орфографии данного языка, так и практической транскрипции). При этом орфография имеет социальный статус общепринятости, а симплиграфия — не имеет.

Отличие симплиграфии от научной транскрипции заключается в том, что научная транскрипция следует принципу изофонии, а симплиграфия — нет. Означаемым симплиграфического знака является обычно (но не всегда) фонема (иногда это сочетание фонем, иногда слог, иногда дифференциальный признак). Научная транскрипция бывает аллофонической, фонематической по-ленинградски, фонематической по-пражски, фонематической по-московски (= морфофонематической); есть и более глубокие разновидности морфофонематической записи (генеративистские и примыкающие к ним транскрипции, промежуточные между генеративистскими и московско-фонематическими).

Симплиграфия бывает не только “ленинградской”. Это лишь её преобладающая разновидность. Из четырёх приводимых А. А. Зализняком примеров графически правильных записей словоформы *мороз* (1. *мороз*, 2. *мароз, 3. *морос и 4. *марос) [Зализняк 1983] не все равноценны с точки зрения симплиграфического принципа. Первая и вторая записи соответствуют кириллическому варианту московско-фонологической транскрипции (а точнее, дизъюнктивному набору возможных транскрипций) и, соответственно, дизъюнктивному набору возможных московско-фонематических симплиграфических записей. Третий вариант возможен лишь в симплиграфической записи окающего диалекта, четвёртый соответствует кириллическому варианту ленинградско-фонематической записи и, соответственно, симплиграфии по-ленинградски (т. е. самому распространённому типу симплиграфии).

Симплиграфия “по-московски” широко представлена на страницах книги [Обзор 1965]: *плавец, *плавчиха, *предлогать, *пологать, *предпологать, *бесплатный, *изтари и т. п. Симплиграфия “по-питерски” представлена в этом же обзоре как примеры орфографически неправильных написаний, следующих фонетическому принципу (в терминах Третьяковского — “письмо по звонам”): *пидьдисят*, *разьдилили*, *вавремя*, *наччёрными*, *фсёища* и т. п.

Последовательная аллофонематическая симплиграфия в принципе невозможна, так как инвентарь графем любого естественного

(неспециального) алфавита не рассчитан на транскрибирование аллофонематических различий. Однако изредка отступления от стандартной фонематической записи в пользу фонетического принципа случаются. Это бывает, в том числе, в тех случаях, когда требуется передать на письме особенности диалектной речи (например, *убыв* в значении ‘убил’ при имитации украинского акцента).

Симплиграфия иногда оказывается богаче, чем стандартизованная транскрипция — особенно при записи экспрессивной фонетики. Так, в письменном тексте на фоне орфографически правильного контекста то и дело встречаются симплиграфические приёмы: ср. удвоение букв, сопровождаемое дефисным разделом, для передачи долготы гласных в *Ура-а-а Государю Императору!* на месте орфографически правильного *ура*. Так, можно передать вопросительное хмыканье в диалоге как “— ?” и восклицательное хмыканье как “— !”. Симплиграфические приёмы передачи эмфатического удлинения гласных используются и в работах специалистов по разговорной речи. Например, в работе [Разговорная речь 1978] для этой цели используется удвоение букв (*доро-о-га*) [Там же: 95 и др.] или повторное обозначение звука омофонической буквой (*вё-о-слами*) [Там же: 135 и др.], сопровождаемое дефисным разделением. В [Разговорная речь 1978] сделана попытка систематизации графических приёмов передачи разговорной речи.

Симплиграфия не всегда искусственна. Есть и стихийная симплиграфия. Когда ребёнок учится писать, то обычно на первых порах у него преобладает стихийная щербианская симплиграфия (*вада, друк* и т. п.). В более старшем возрасте на фоне усвоенных правил орфографии может стихийно возникнуть стихийная симплиграфия “по-московски” (*розтянуть, заец* и т. п.). В отличие от “естественной”, или “стихийной”, симплиграфии, можно для сознательной симплиграфии (как “научной”, так и “практической”), ввести особый термин “симплискрипция”.

Научная транскрипция тоже может быть в определённой степени симплиграфична. Более того, можно утверждать, что некоторая ненулевая степень симплиграфичности свойственна почти всем ее разновидностям (за исключением так называемых “аналитических”, основанных на полностью искусственном инвентаре значков). Дело в том, что в качестве основы для транскрибирования обычно выбирается реальная система письма, обычно та, ко-

торая является наиболее социально престижной для данного культурного региона. Поэтому лингвисты западнохристианского мира обычно используют для транскрибирования бесписьменных языков латиницу; советские лингвисты с середины 1930-х до конца столетия использовали кириллицу (конкретнее, русский алфавит); основатель сравнительной тюркологии арабский филолог Махмуд Кашгарский использовал для записи тюркских языков арабицу; а китайские лингвисты с давних пор используют для транскрибирования бесписьменных языков Китая китайское иероглифическое письмо.

Степень симплиграфичности научных транскрипций бывает разной. Эта степень тем выше, чем понятнее транскрипционная запись для неискушенного читателя, то есть для читателя, не являющегося профессиональным лингвистом. Если сравнить в этом аспекте транскрипцию русского литературного или диалектного материала с помощью кириллицы и латиницы, то становится очевидным, что первый способ записи более симплиграфичен, нежели второй, так как носителю описываемого языка привычнее и понятнее именно он. Так, запись признака мягкости согласных с помощью “выносного” (приподнятого наверх) изображения буквы “ь” является более симплиграфичной, чем запись с использованием апострофа, а запись палатального сонанта с помощью символа [j] (принятая в настоящее время большинством лингвистов) — менее симплиграфичной, нежели его запись с помощью символа [й] [Грамматика 1952]. Степень симплиграфичности транскрипции имеет весьма существенное значение для выбора способа транскрибирования в произведениях научно-популярного жанра (например, в школьных учебниках, орфоэпических пособиях и т. п.), а также при издании диалектных записей и вообще записей непринуждённой устной речи.

Любая транскрипция в известной степени является условной. Так, использование именно латиницы для записи бесписьменных языков и диалектов (а также для транскрибирования праформ реконструируемых языков) мотивировано отнюдь не тем, что латиница лучше приспособлена для записи звуковых систем этих языков, а тем, что в определённой сфере лингвистики сложилась устойчивая традиция использовать для соответствующей цели именно латиницу. По сути дела, вопрос сводится к тому, на какой контин-

гент читателей ориентировано описание, а также какова установка автора: самому адаптироваться к читателю (идти ему навстречу) или, наоборот, занимать активную позицию и заставлять потенциальных читателей овладевать непривычной и чуждой им графической системой.

ЛИТЕРАТУРА

- Гецова О. Г.* Архангельский областной словарь. Проспект. М.: Издательство МГУ, 1970. — 214 с.
- Грамматика русского языка. Том I. Фонетика и морфология / Отв. ред. Виноградов В. В. М.: Изд. АН СССР, 1952. — 720 с.
- Зализняк А. А.* О понятии графемы // *Balkanica*. Лингвистические исследования. М.: Наука, 1983. С. 134–152.
- Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Речь москвичей. М.: Наука, 1999. — 396 с.
- Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии. / Отв. ред. Виноградов В. В. М.: Наука, 1965. — 500 с.
- Русская разговорная речь. Тексты / Отв. ред. Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе [Авт.-сост. Г. А. Барина, Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе и др.]. — М.: Наука, 1978. — 307 с.
-
-

О. Ю. Крючкова

Саратовский государственный национальный
исследовательский университет имени Н. Г. Чернышевского
(Саратов, Россия)

Нестандартная лексика в диалектной речи: типы и функционирование

Исследователями диалектной речи неоднократно отмечен ее сложный лексический состав. Устно-разговорное общение на диалекте характеризуется не только сочетанием общенародных и диалектных элементов, но также активным использованием разных видов лексики, отличной от литературного языкового стандарта, особенностями взаимоотношений ее разновидностей и отношений с лексикой литературной. Набор типов нестандартной лексики в диалектной речи шире в сравнении с тем, который представлен в речи литературно-разговорной. В потоке речи диалектосителей могут быть выделены следующие типы лексики,

выходящей за рамки литературного стандарта (в электронном корпусе диалектной речи такие единицы маркируются общей пометой *nstand* — нестандартное):

1. Собственно диалектная лексика — слова территориально локализованные, не имеющие распространения за пределами диалектной системы (*фатера* ‘жилое помещение, место посиделок деревенской молодежи’, *зыбка* ‘колыбель’, *козулки* ‘колени’, *сибирка* ‘нарыв’, *тенёта* ‘паутина’, *ноне* ‘сейчас, теперь’), а также семантические и словообразовательные диалектизмы (*жаворонки* ‘маленькие сдобные булочки в форме жаворонков’, *усадьба* ‘земельный участок’, *теперьче/теперече*, *встречь* ‘навстречу’, *утрость* ‘утром’). Собственно диалектная лексика занимает не основное место в лексическом составе говоров в целом и в составе нестандартной лексики в речи диалектоносителей. По количественному составу и речевой частотности в диалектной речи она уступает другим группам нестандартных лексических единиц.

2. Основное место среди нестандартных лексических единиц в диалектной речи принадлежит общерусской разговорно-просторечной лексике: *маленько*, *слыхать*, *эдакий*, *захватить* в знач. ‘застать’, *вытащить* в знач. ‘извлечь, вынуть’, *убить* в знач. ‘израсходовать, неразумно истратить деньги’ (*скоко средств убил на эт-то!*), *разбегаться* в знач. ‘разводиться’, *пожениться* ‘жениться’, *свидеться*, *народиться* ‘родиться’; *уважать* в знач. ‘любить, ценить’ (*я уважаю птиц*), *глядеть*, *поглядеть*, *помереть*, *меньшой*, *брательник*, *баба* ‘жена’, *больно* в знач. ‘очень’, *порешить* ‘убить’, *таскать* ‘носить’, *моментом* ‘тотчас, мигом’, *чего* в знач. ‘что’, *ихний* ‘их’.

Общерусская разговорно-просторечная лексика нередко носит в диалектной речи нейтральный характер, она в отличие от разговорно-литературного употребления стилистически не маркирована.

3. Общерусская разговорно-просторечная лексика может претерпевать фонетические и словообразовательные модификации на диалектной почве, что ведет к возникновению фонетических и словообразовательных диалектных вариантов разговорно-просторечной лексики: *маненько* (ср.: *маленько*), *прихватить* ‘застать’ — *она прихватила старую жизнь* (ср.: *захватить*), *заположенеть* (ср.: *в положении* в знач. ‘беременная’).

4. Заметное место в диалектной речи занимают диалектно-просторечные образования — лексика, не имеющая постоянного распространения в говоре (в отличие от собственно диалектной), но при этом отмеченная признаком дифференциальности по отношению к литературному языку (что объединяет эту группу слов с лексикой собственно диалектной). К группе диалектно-просторечных можно отнести обширный пласт единиц (*срамба* ‘срам’, *надтихнуть* ‘притихнуть’, *неподильный* ‘непосильный’, *разряжаться* ‘раздеваться, снимать одежду’, *сократировать* ‘сокращать’, *истускнеть* ‘потускнеть в большой степени’, *бесстыжество*, *обща́* ‘сообща’, *секретарьщица*, *охранщик*, *почтальонка*, *овчарка* ‘работница, занимающаяся уходом за овцами’).

Подобные образования создаются диалектоносителями ситуативно, по неиндивидуальным, регулярным словообразовательным моделям. Их обилие объясняется, по всей видимости, более свободным, чем в литературной речи, словообразовательным моделированием, характерным для нежестко нормированных типов речи.

5. Состав нестандартной лексики, функционирующей в диалектной речи, пополняется за счет неполного освоения диалектоносителями литературной лексики — как со стороны ее формы, так и со стороны значения. Результатом незавершенного процесса освоения литературных слов становятся фонетические и семантические диалектные варианты общерусской литературной лексики (*телевизер*, *электричка* / *лектричка*, *фицер* ‘офицер’, *практика* в знач. ‘привычка’, *знаменитый* в знач. ‘уважаемый’).

Все разновидности нестандартной лексики находятся в тесном взаимодействии в речи диалектоносителей, вступают в отношения свободного, функционально не обусловленного варьирования как внутри данной группы (*маленько* — *маненько*, *захватить* — *прихватить*), так и с лексикой общелитературной (*куда* — *куда*, *больно* — *очень*, *помереть* — *умереть*), что составляет специфику устно-разговорного общения на диалекте.

Изучение состава и особенностей функционирования в диалектной речи лексики, отличающейся от литературного стандарта, — один из важнейших аспектов исследования диалектных лексических систем, характеризующихся специфическим соотношением с другими формами национального языка.

В. С. Кучко

Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Коллективные прозвища Поморского берега Белого моря

Доклад представляет полевые материалы, собранные сотрудниками Топонимической экспедиции УрФУ в сентябре 2023 г. на Поморском берегу Белого моря в Беломорском районе Карелии. Он посвящен отражению фактов истории, культуры, социальной, этнической и конфессиональной специфики региона в местных коллективных прозвищах и прозвищных рассказах, которые конструируются вокруг них.

С точки зрения распространенности прозвищной традиции все берега Белого моря — территория ожидаемо высокой номинативной плотности. Тому есть несколько причин. Во-первых, артельный тип хозяйствования, связанный с промысловой культурой поморов, при котором возникает ситуация интенсивного контакта жителей соседних поселений. Во-вторых, географическая специфика прибрежных территорий — населенные пункты расположены на значительном расстоянии друг от друга, границы каждого из них (т. е. границы потенциального номинативного объекта) не сливаются друг с другом. Наконец, это зона этнических контактов с нерусским населением, что актуализирует противопоставление «свое — чужое», важное для «размечивания» территории с помощью коллективных прозвищ.

Ситуация на Поморском берегу отвечает этим условиям активности локально-групповых наименований. Еще один фактор, подталкивающий к созданию локально-групповых прозвищ, — это природно-географическая и вследствие этого социально-бытовая неоднородность рассматриваемой территории: села, расположенные в непосредственной близости от моря, основными промыслами имеют те, что связаны с морским рыболовством. Деревни, удаленные вглубь материка и находящиеся на границе морской и материковой зон, отличаются озерным рыболовством, более развитым сельским хозяйством и иным самосознанием, нежели самосознание «настоящего» помора. Это создает почву для противопоставления этих населенных пунктов в том числе с помощью коллективных прозвищ.

Воры — цари (царьки). Стимулом для создания коллективного прозвища и конструирования вокруг него прозвищного рассказа может служить реальный исторический или бытовой факт. В таком случае имя локальной группы становится со временем своеобразным источником — и хранителем — исторической информации, которая подвергается мифологизации. Строительство Осударевой дороги летом 1702 г. от с. Нюхча на побережье до Повенца на Онежском озере по приказу Петра I стало таким фактом. Жители с. Нюхча, откуда начиналась Осударева дорога, имеют два прозвища с полярной оценкой: *воры — цари (царьки)*. «Нюхчане — воры, украли у Петра Первого кафтан» (Вирма; Колежма); «Нюхчане — цари, Пётр Первый там был, они у него кафтан украли или он им подарил, какому-то, говорят, ребёнку в колыбели» (Колежма); «Нюхчане — цари, туда Пётр I по Государевой дороге тащил суда, там в Нюхче его позвали младенца крестить, он ему кафтан подарил» (Сум. Посад). Мотив кражи у Петра I кафтана / камзола и т. п. весьма популярен на Русском Севере, наряду с мотивом кражи в местных преданиях распространён сюжет о крещении Петром младенцев. В наших записях, как видим, может происходить контаминация обоих сюжетов.

Кочегары — прозвище жителей с. Вирма — тоже из разряда мотивированных историческим фактом, только бытовым: «Виремчане — кочегары, там солевые варницы были, они соль выпаривали в чаду, чёрные такие ходили» (Сум. Посад); «Виремчане — кочегары, они там соль варили из морской соли» (Там же). В самом деле, Поморье и, в частности, Виремское побережье было местом промышленной добычи соли из морской воды вплоть до XVIII в.

Писаные батожги / батожки — прозвище жителей д. Пулозеро на границе поморской и материковой зон. Единственная записанная ТЭ УрФУ мотивировка — ситуационная: «Палку кто-то разрисовал у них, вот и назвали их писаные батожки» (Лапино). В этой деревне до сих пор сохранились остатки резных надмогильных столбиков. Выскажем гипотезу, что именно из-за обилия деревянных некрокультурных сооружений — резных и расписных столбцов — деревня могла получить свое прозвище. Украшенные столбцы — один из характерных типов старообрядческого надгробия, они сохранились только в местах с сильным влиянием старообрядческой культуры, каковым, без сомнения, является Карельское Поморье и Поморский берег Белого моря.

Церковные срали́ и мещане — прозвище жителей с. Сумский Посад. Первое прозвище, на наш взгляд, имеет старообрядческую подоплеку, второе же отражает один из параметров деления на «своих» и «чужих» — особое социальное и более благополучное материальное положение административно-культурного центра нашей зоны.

Благополучному, зажиточному локальному центру противопоставляется локальная периферия, которую формируют деревни на границе между собственно поморской и материковой зонами, — по комплексу признаков. Противопоставление это отражается и в коллективных прозвищах, данных, очевидно, с позиции «настоящих поморов». Они представляют, вместе с прозвищными рассказами, жителей юго-востока нынешнего Беломорского района как бедных, лишенных гигиены, плохо питающихся людей: **вшивики** ‘жители д. Коросозеро’: «Бедные они, худо жили, вот и вшивики» (Лапино); **линдушники / линушники** ‘жители д. Ендогуба’: «Всё линушку хлебали. Линушка — мука, картошка, репа, ничего больше нет. Напарят репы, потом рассыкают рогаткой, линушка и есть» (Там же), ср. карел. (беломор.) *ли́нда, ли́ндушка* ‘плохая, бедная похлебка’.

В докладе прозвучат также другие примеры поморских коллективных прозвищ, отражающих социально-культурную специфику местности, а представленные здесь случаи будут прокомментированы более основательно.

Е. С. Лунькова

Смоленский государственный университет
(Смоленск, Россия)

Словообразовательная специфика производных существительных смоленско-белорусского пограничья

Диалектные словообразовательные типы конкретно-предметных существительных, функционирующие в смоленских говорах и пограничных по отношению к Смоленской области говорах белорусского языка, показывают неоднородность словообразовательного пространства пограничной зоны. Для анализа были привлечены

существительные с заданной предметной семантикой, которые обнаруживаются в большом количестве как в смоленских, так и в пограничных витебских и могилевских говорах белорусского языка. Лексико-словообразовательные параллели устанавливаются не только на основании сходства корневых морфем и аффиксальных парадигм, но и на базе одного из этих параметров, поскольку в пограничных говорах велико количество слов с разнообразными наборами аффиксов и с различным фонематическим оформлением корней.

Исследование основывается на ряде наблюдений, сделанных ранее над производной и непроизводной лексикой смоленских говоров: в целом в смоленских говорах производные существительные значительно преобладают над непроизводными (на 4500 производных конкретно-предметных слов зафиксировано приблизительно около 1200 непроизводных слов), среди них на долю пограничья приходится около 700 производных и примерно 120 непроизводных. Неодинаково распределение слов по белорусским пограничным говорам: наименьшее количество встречается одновременно в смоленских, витебских и могилевских говорах, совпадений в витебских говорах (северная часть пограничья) со смоленскими говорами значительно больше, чем в могилевских (южная часть пограничья). Вызывают интерес факты не только количественного, но и качественного несовпадения набора производных существительных исследуемого района, что, однако, требует некоторого уточнения. Нужно сразу же отметить, что безусловно преобладают в отсубстантивном, отглагольном и отадективном диалектном словообразовании описываемой зоны типы с суффиксами *-к(а)*. С другой стороны, на фоне этой устойчивой восточнославянской группы типов наблюдаются иные, которые демонстрируют разное распределение слов в разных деривационных сферах.

В отсубстантивном словообразовании в северной части пограничья фиксируется особый набор словообразовательных типов со своими словообразовательными значениями и морфонологическими механизмами взаимодействия: *-ниц(а)* (9 слов), *-к(и)* и *-ок* (по 8 слов), *-иц(е)* и *-овк(а)* (по 6 слов), *-ик* (4 слова); *за-.-ок*, *-ин(ы)*, *-н(я)*, *на-.-ник*, *о-.-ек*, *под-*, *при-.-ик*, *-ушк(а)* (в каждом по три слова). Единичные и парные слова, не составляющие словообразовательные типы, представлены еще большим разнообразием формантов. Южная часть пограничья в сфере отсубстантивной деривации

представлена скуднее и обнаруживает словообразовательные типы с формантами *-ок(-ек)* (6 слов), *-ик* (5 слов), *-ниц(а)* (4 слова); *-ец*, *-иц(а)* и *на-.-ник* (по три слова), однако здесь также имеет место большое количество единичных и парных слов с разнообразными формантами.

Отглагольное словообразование не менее показательно с точки зрения распределения словообразовательных типов. На фоне безусловного лидерства нулевого суффикса, сопутствующего флексиями мужского и женского рода, и суффикса *-к(а)*, нужно отметить в северной части пограничья наличие типов с формантами *-к(и)* (10 слов), *-ник* и *-ок(-ек)* (по 7 слов), *-ух(а)* (6 слов), *-ик* и *-л(о)* (по 5 слов), *-н(я)* (4 слова), *-ешк(а)* и *-ушк(а)* (по 3 слова). Южная часть представлена меньшим количеством типов и слов в них: *-ник* (5 слов), *-ень*, *-ин(а)* и *-ок* (по 3 слова). По-прежнему разнообразны в аффиксальном отношении единичные и парные производные слова в каждой из зон.

Отадъективное словообразование является самым скудным на словообразовательные типы: в северной и южной частях пограничья лидирует суффикс *-к(а)* (13 и 6 слов соответственно), оставшиеся распределяются следующим образом: на севере *-ик* (12 слов) и *-ин(а)* (7 слов), на юге — только *-ик* (4 слова). Несмотря на небольшое количество словообразовательных типов в сфере отадъективного словообразования, наличие единичных и парных производных существительных здесь по-прежнему велико, эти слова демонстрируют разнообразие аффиксальных средств.

Специфика словообразования пограничной смоленско-витебско-могилевской зоны хорошо проявляется на фоне своеобразия словообразовательной системы смоленских говоров в целом, поскольку в данном случае общие словообразовательные типы составляют значительный фон для установления специфики пограничного диалектного словообразования, причем приблизительно 3800 производных диалектных существительных не обнаруживают параллелей в белорусских пограничных говорах (что не исключает наличие таких параллелей с говорами русского языка), своеобразие же пограничных словообразовательных типов может служить для комплексной характеристики русско-белорусских лексико-словообразовательных параллелей в контексте общеславянского диалектного континуума.

А. П. Майоров

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Улан-Удэ, Россия)

Диалектные архаизмы и методика их идентификации

Диалектная лексика испытывает те же исторические изменения, что и словарный состав других социальных форм существования общенародного языка, подвергаясь архаизации и неологизации. В случае с устаревшими словами речь идет не об историзмах — словах, которые обозначают реалии, вышедшие из обихода, — названиях орудий труда, одежды, блюд, посуды и пр. Предметом исследования являются диалектные архаизмы — слова, значения которых соотносятся с актуальными для современного носителя диалекта понятиями, но территориально ограниченное функционирование которых представлено в рамках определенного исторического периода. По-другому такие лексемы условно можно назвать историческими диалектизмами.

Необходимо сделать еще одну оговорку. Диалектные архаизмы не следует смешивать с лексическими архаизмами как единицами, унаследованными из праславянского лексического фонда и сохраненными лексической системой какого-либо говора. Изучение последних призвано в основном решать этимологические задачи и направлено на поиск и анализ архаичных корней или основ, либо архаичных словообразовательных моделей и типов значения. В исследовании диалектных архаизмов ставится задача проследить судьбу тех диалектизмов, которые восходят к общерусским словам, но в последующем историческом развитии меняют свой социолингвистический статус, либо входя в активный фонд словаря определенного говора, диалекта, либо ограничиваясь каким-то временным отрезком в своем употреблении, превращаясь в диалектный архаизм.

Методика исследования проводится с опорой на лексикографические источники. В региональных письменных памятниках XVIII в. отмечаются слова, которые в современной языковой ситуации являются диалектными. Далее устанавливается фиксация этих слов в двух исторических словарях — Словаре русского языка XI–XVII вв. и Словаре русского языка XVIII в. Если выделенная лексема в них представлена, то данные словарной статьи сопоставляются со сведениями, которые предоставляет контекст упо-

требления анализируемого слова. Следующий шаг — наблюдение над употребительностью слова в современной языковой ситуации, и для этого привлекаются областные словари — в первую очередь Словарь русских народных говоров (СРНГ), а затем словари, включающие диалектную лексику того региона, на территории которого были составлены письменные тексты с выделенными лексическими единицами. Опять-таки в случае фиксации в них диалектизмов, идентичных анализируемым словам, также проводится сопоставление исторически общерусских слов-«предков» с их диалектными потомками в плане выражения и плане содержания.

Результаты наблюдения над рядом слов из забайкальских письменных памятников XVIII в., которые представляют интерес в связи с произошедшими с ними историческими изменениями, могут быть отражены в таблице. Эти лексемы даны в первом столбце. Справа от него в каждом последующем столбце отмечаются фиксация слова (знаком «+») или отсутствие ее (знаком «—») в указанных лексикографических источниках. Знак «+?» указывает на то, что в СРНГ употребление слова либо зарегистрировано не в сибирском регионе, либо его фиксация имеет какие-то временные рамки, или в исторических словарях этим знаком маркируются только варианты слова с тем же значением. Рубрика «Обл. словари» включает «Словарь русских говоров Приамурья» (2-е изд., 2007), «Словарь русских говоров Забайкалья» Л. Е. Элиасова, «Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья».

По данным словарей, выделяются две группы диалектизмов. Диалектные слова, сохраняющиеся в активном речевом обиходе сегодня (*верва, голица, голк, лагун, оболокаться* и др.), и диалектные архаизмы — слова, вышедшие из употребления на определенном этапе исторического развития говоров (*батюшко, весить, грубный, другомя, здухи* и др.).

В кругу устаревших диалектных слов различаются следующие виды архаизмов: лексико-фонетические (*д́аха*), словообразовательные (*подгулка*), морфологические (*батюшко*), семантические (*до-спеть* в знач. ‘причинить убыток’).

Отсутствие фиксации слова в том или ином словаре еще не служит достаточным доказательством его выхода из общерусского или диалектного узуса определенного исторического периода. Для методики выявления диалектных архаизмов первостепенную важность приобретает комплекс факторов — (а) отсутствие этих слов

Забайк. памятники XVIII	Сл. рус. яз. XI–XVII	Сл. рус. яз. XVIII	СРНГ	Обл. словари
батьошко 'отец'	+	+	+?	—
весить 'взвешивать'	+	+	+?	—
верва 'дратва для обуви', 'веревка'	+	+	+	+
голица 'кожаная рукавица без под- кладки'	+	+	+	+
голк 'отзвук ружейного выстрела'	+	+	+	+
грубный 'грубый, резкий (о словах)'	+	+	+?	—
да'ха 'шуба шерстью наружу'	+	—	+?	—
доспеть 'причинить убыток'	+	—	+?	—
другомя 'иначе, другим образом'	—	—	+?	—
здухи 'легкие; грудная клетка'	+	+	+?	—
лагун 'род бочонка'	+	+	+	+
обночевать 'переночевать'	+	+	+?	—
оболокаться 'одеваться'	+	+	+	+
окривить 'сделать слепым'	—	+	+?	—
опоместиться 'заселиться, поселиться'	—	+	+?	—
осамка 'хитрость; обман'	—	+	+?	—
подгулка 'подшитие'	—	+?	+?	—
поддоска 'железн. пластина, врезан- ная под тележн. ось'	+	+	+	+

во всех современных словарях, представляющих диалектную лексику данного региона; (б) характеристика в СРНГ иной территории распространения анализируемых слов, определенных временных границ их употребления; (в) наличие в рассматриваемых говорах синонимических средств, которые в свое время «вытеснили» на периферию слова, ставшие архаизмами (*поиначе* вм. *другомя*, *облайный* вм. *грубный*, *закочевать* вм. *опоместиться* и др.). Применение описанной методики следует рассматривать как подготовительный этап к полевым исследованиям, способным уже непосредственно подтвердить или опровергнуть предварительные наблюдения.

А. В. Малышева

ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

Модели управления глаголов осуждения и ссоры в русских говорах (по материалам диалектных словарей)

1) В докладе рассматривается актантная структура глаголов осуждения и ссоры в русских говорах. Исследование проведено на базе гипертекстового электронного ресурса «Свод региональных диалектных словарей» с системой поиска [Лесников и др. 2019]. Для анализа использовались словари, представляющие говоры северного и южного наречий и среднерусские говоры, учитывалось также деление говоров по линии Запад — Восток (всего 20 источников).

2) У лексем осуждения выделяются валентности субъекта (*кто ругает*), объекта (*кого ругают*), мотивировки (*за что ругают*), у глаголов со значением ссоры имеется также валентность второго субъекта (*Иван поссорился с Марией*) и причины (*из-за чего ругаются*), список валентностей см. [Апресян 1995: 126–127].

3) С глаголами в значении ‘высказывать недовольство, произнося грубые, бранные слова, бранить’ в рассмотренных источниках обнаружено 746 контекстов. Объект осуждения, брани, как и в СРЛЯ, чаще всего маркируется формой беспредложного ВП (70% случаев), возможны также варианты *на* + ВП (19%), беспредлож-

ный ДП (11%), единично — *над* + ТП (3 примера из арх. и яросл.); мотивировка осуждения, брани реализуется вариантом *за* + ВП (28 примеров). Значение ‘ссориться, браниться, переругиваться с кем-н.’ в полученном материале представлено 135 контекстами. Второй субъект маркируется формой *с* + ТП (96%), субъектная валентность выражается также сочетаниями *между* / *меж* / *промеж собой* (4%); причина ссоры реализуется вариантами *из-за* + РП (80%), а также (реже) — *насчет* + РП (13%, новг.), *за* + ВП (7%, смол.).

4) Управляемую форму *на* + ВП для обозначения объекта осуждения, брани в СРЛЯ имеет ограниченное число глаголов, таких как: *кричать*, *ворчать*, *лаять* и др. В семантике глаголов осуждения, имеющих управление *на* + ВП, ярко выражен компонент агрессии, нападения [Селиверстова 2000: 214]. В диалектных словарях с управлением *на* + ВП отмечены следующие группы невозвратных глаголов.

1. Глаголы с семантическим компонентом ‘говорить громко, кричать’: *вопíть* (арх., брян.), *звонíть*, *звоняйть* (арх.); *гремётъ*, *загремётъ*, *позагремётъ* (псков.), *взгремётъ* (арх.); *громíть* (арх.); *крíкнуть*, *кричáть* (псков.), *вскричáть* (арх.); *орáть* (псков.); *зашумётъ*, (арх., беломор., псков., рязан.), *пошумётъ* (рязан.). Компонент ‘говорить громко, кричать’ имеют также диалектные глаголы *зевáть* (яросл.), *зазевáть* (арх.), *зепáть* (псков.) и др.

2. Глаголы, которые обозначают также звуки, издаваемые животными или птицами, например ‘лаять’: *брехáть* (псков., смол., рязан.), *брéши́ть* (яросл.), *гáвкать* (псков., курск.), *гáвкнуть* (арх.), *гáмкать*, *гáмнуть* (карел., псков.), *забрехáть* (смол.), *загамётъ* (новг.), *лáять* (псков.); а также ‘блеять’, ‘каркать’, ‘квакать’, ‘хрюкать’, ‘рычать’, ‘мычать’, ‘шипеть’, ‘гоготать’, ‘кудахтать’ и др.: *блякать* (карел.), *гáркать*, *гáркивать*, *гарконуть* (арх.), *гáркнуть* (арх., брян.), *гýркать* (псков., брян.), *гырчáть* (псков.), *заревётъ* (псков.), *зарёхать* (арх.), *зашипётъ* (псков.), *зауркать* (арх.), *заурчáть* (смол.), *кýрнуть* (псков.), *рjúхать* (волог.), *урчáть* (волог.) и др.

3. Глаголы, в значении которых содержатся компоненты ‘говорить невнятно, монотонно’, ‘говорить сердито, раздраженно’, ‘говорить отрывисто’ или иные указания на особенности произнесения: *брезжáть*, *брюзжáть*, *бубнíть* (арх.), *ворчáть* (карел.), *вякать* (псков.), *запыхать* (новг.), *зудётъ* (ряз.).

4. Глаголы с компонентом ‘вести себя грубо, буйно’ (север и северо-запад): *задичать* (арх.), *задуреть*, *задурить* (волог.), *зашалеть*, *загрубить* (псков.).

5. Некоторые другие глаголы: *гвоздить* (арх.), *вонжить* (яросл.), *лячкать* (карел.), *понести* (новг.), *дóкать*, *жа́хнуть*, *петь* (псков.), *потукивать*, *претить* (смол.), *гаить*, *грóкать* (брян.), *завышать*, *зачеркать* (ворон.), *галдить*, *зяпать*, *клюжить* (ряз.) и др.

6. Сочетания: *драть хайло*, *поливать грязью* (арх.), *выклатить всё зло*, (новг.), *повернуть оружие*, *чесать зубы* (псков.) и др.; во многих сочетаниях присутствует компонент ‘ругаться матом’: *загнуть матюка* (арх.), *клеить матом* (карел.), *обкладать матом* (псков.), *загвоздить матом* (курск.).

5) Управление *на* + *ВП* имеет также значительное количество возвратных глаголов, например: *глотаться*, *горячиться*, *загрязиться* (арх.), *заягаться*, *хахалиться* (волог.), *ерепениться*, *заронгаться* (карел.), *рваться* (новг.), *брехаться*, *гаяться*, *грязиться*, *лаяться*, *лешииться*, *огыриться* (псков.), *посвариться* (смол., брян.), *брехаться* (брян.), *взгáркаться* (курск., орлов.), *изматюгаться* (ворон.), *клясться* (рязан.).

Допустимость управления *на* + *ВП* у глаголов *ругаться*, *браниться* ‘выражать недовольство, произнося грубые, бранные слова’ в стандартном русском литературном языке, как оказалось, требует отдельного исследования. Этот вариант не зафиксирован в большинстве словарей СРЛЯ (например, в словарях Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, МАС); в «Словаре ошибок русского языка» [Крылов 2009: 52–53] он оценивается как ненормативный. С другой стороны, вариант *на* + *ВП* достаточно частотен в разговорной речи: *Не ругайся на меня*, встречается в текстах классической литературы: *Он злобно ругался на начальство* (В. В. Вересаев), отмечен в «Большом толковом словаре русских глаголов» [Бабенко и др. 2008], см. также: [Золотова 2001: 201]. Наличие управления *на* + *ВП* у общерусского глагола *ругаться* (*заругаться*) зафиксировано преимущественно в словарях говоров Западной зоны — карел., псков., смолен.; у глагола *браниться* (*забраниться*) — в псков., смолен., брян., а также в арх.; у диалектных глаголов *наругаться*, *обраниться* — в карел.

Модель *ругать кого* — *ругаться на кого* в диалектах может быть реализована и в других парах глаголов, например: *клясть*

кого — *клясться на кого* (рязан.). В ряде случаев управление на + ВП имеет как невозвратный, так и возвратный глагол: *заругать* — *заругаться* (арх.), *брехать* — *брехаться*, *лгать* — *лгаться* (псков.).

6) Беспредложным ДП чаще управляют устойчивые сочетания, в состав которых входят глаголы с корнем *да-*, *дава-*: *дать пробóрцию* (яросл.), *дать вы́руганку* (арх.), *дать вы́ставку* (волог.), *давать дрозда́*, *дать ба́йну*, *вы́строчку*, *вы́шпорку* (карел.), *дать вы́варку*, *закру́тки*, *ко́поти*, *мо́йку*, *пробóрку*, *раскру́тку* (смол.) и др. или другие глаголы с управлением ДП: *зачита́ть морáль*, *сказа́ть дурака́* (арх.), *прочита́ть и́жицу* (карел.), *устро́бить портомо́йню* (новг.), *намы́лить хвост*, *показа́ть нёбку с овчи́нку*, *чита́ть моле́бен (с акафистом)* (псков.), *накла́сть гребухо́в* (орлов.), *прописа́ть зóрю* (ворон.), *паралико́в насажа́ть* (рязан.) и др. Реже беспредложный ДП присоединяют одиночные глаголы: *выща́лковать* (арх.), *отговори́ть* (карел.), *насибо́рить* (яросл.), *вкле́ить*, *вреза́ть*, *набатете́нить* (псков.), *загвозди́ть* (ворон.), *потаза́ть* (рязан.) и др.

7) Яркой особенностью диалектного узуса является вариативность управления, часто в пределах одной системы. Варианты ВП / на + ВП отмечены у глаголов *бля́кать* (карел.), *брехать* (псков., смол.), *забрехать* (смол.), *заругать* (арх.), *зепать*, *лгать* (псков.); ВП / ДП: *захи́неть*, *ругать* (арх.), *брани́ть*, *огруби́ть*, *пили́ть* (псков.), *потаза́ть* (рязан.); на + ВП / ДП: *зашуме́ть* (арх.), *загну́ть матю́ка (матюго́м)* (арх.); на + ВП / над + ТП: *брезжа́ть*, *га́ркать* (арх.); трехвариантная модель — у глаголов *зуде́ть* ВП / на + ВП / ДП (рязан.), *страми́ть* ВП / на + ВП / над + ТП (яросл.).

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995.
- Бабенко Л. Г., Волчкова И. М., Казарин Ю. В. и др. Большой толковый словарь русских глаголов: Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького // Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Москва: АСТ-ПРЕСС, 2008.
- Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Крылов Г. А. Словарь ошибок русского языка. СПб: Виктория-Плюс, 2009.

Лесников С. В., Мызников С. А., Королькова М. Д. Русский диалектный гизаурус: основные источники // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2019 / Отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. С. 425–497.

Селиверстова О. Н. Семантическая структура предлога *на* // Исследования по семантике предлогов. М.: Русские словари, 2000. С. 189–247.

Н. В. Маркова

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия)

Литература на заонежском диалекте

Русская литература на диалекте — явление выстраданное и ожидаемое. Поэма Н. А. Клюева «Погорельщина», опубликованная в 1984 г., стала, по определению Н. И. Толстого, «предвестником новых направлений в творческом литературном процессе». В предисловии к поэме Н. И. Толстой отметил особую роль диалектной речи «в развитии языка и стиля (и даже мировоззрения под влиянием языка!) писателей, живущих в деревне и пишущих о деревне»¹. В наши дни опыт «локальной литературы» предложил художник и певец Русского Севера В. А. Агапитов. В его поэзии и прозе запечатлен один из замечательных севернорусских говоров. Посвященные жителям Заонежья книги В. А. Агапитова — прекрасные образцы диалектной речи, воплощенной в художественной форме. Не касаясь литературных достоинств, обратимся к собственно диалектной основе творчества автора-новатора.

Словарики, прилагаемые ко всем изданиям, побуждают к размышлению: сопоставление диалектных лексем с литературными раскрывает внутреннюю форму слова (*клетник* ‘колдун’, *торнуть* ‘резко ударить’, *тоснуть* ‘тосковать’ и др.). Вдумчивого чтения требуют и диалектные формы глагола, образующие синтаксические конструкции разного типа.

Варьирование спрягаемых форм вошло в художественные тексты. Так, окончания без *-т* 3 лица настоящего-будущего времени глаголов 1 спряжения — их еще можно услышать в современной

¹ Толстой Н. И. Несколько вступительных слов о символике и языке поэмы Н. Клюева «Погорельщина» // «Новый мир», 1987, № 7. С. 81.

речи заонежан — в поэзии В. А. Агапитова весьма частотны: *Тая леденцем наше свиденье*.² Вместе с тем стяженные окончания, которые регулярно употребляются в Заонежье, редко встречаются в поэзии В. А. Агапитова: *Жива, не жива — ведают ли кто?*³

Формы 2 лица ед. числа повелительного наклонения *ляй* ‘смотри’ и *пой* ‘иди’, не зафиксированные в других русских говорах, кроме как в Карелии, вовлечены в поэтический текст: *На Онеге, ляй, нивушки знатные*.⁴ Удивительное совпадение русской и серболужицкой форм отмечено поэтом: *Торни скрипочку, торни да спой Про дороженьку вендску затеряну, Гди позабыто: Рој з нами! Рој...* ‘иди с нами’⁵. Глаголам в прошедшем времени особую певучесть придает [ʏ], соответствующее суффиксу -л-: *Клетник скаже: ты, мужик, не долюбиў, Раз уж допустиў на сердце стужу*.⁶

В поэзии и прозе активно используется северо-западный перфект — яркие и весьма употребительные в Заонежье конструкции с причастиями на -н-, -т-, образуемые как от переходных, так и непереходных, в том числе возвратных, глаголов⁷, причем в формах настоящего, прошедшего и будущего времен: *А у нас, бажонный, похожено, потруженось вдосталь.... Аккурат этто у мужичонка было возвернутось*.⁸ *Во снях, ведаю, буде придено С тихой причетью: «Тосну, друг»*.⁹ Как правило, субъект действия выражается сочетанием у + род. падеж одушевленного существительного — это наиболее употребительный способ выражения агенса в заонежских причастных конструкциях. Примечательно, что в падежно-предложной форме у В. А. Агапитова появляются неодушевленные существительные, пусть и в метонимическом значении: *В сенях скрипнуто у двери. На приступке лыбится*

² Агапитов В. Когда придет корабль. Петрозаводск, 2019. С. 34.

³ Там же, С. 34.

⁴ Там же, С. 29.

⁵ Vjaceslav Agapitov Nügane bedrauk: venske pesnai. (Ночной гость: вендские песни). Петрозаводск. 2014. С. 43.

⁶ Агапитов В. Когда придет корабль, С. 29.

⁷ Маркова Н. В. Грамматические диалектные черты заонежского диалекта// Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020, № 1. С. 68.

⁸ Агапитов В. А. Завтра, в день прекрасный. Петрозаводск: Verso, 2011, С. 74, 72.

⁹ Агаптов В. Когда придет корабль, С. 34.

Витька.¹⁰ *У Конды* ‘жители Конды’ на *Чуростров собранось*.¹¹ Наряду с частотной формой агенса в конструкциях с причастиями на *-но,-то* и в заонежском диалекте и в поэзии отмечается субъектный генитив: *Понаехано люду безбожного...*¹² Также в идиостиле писателя нашла отражение двусоставная диалектная причастная конструкция, сложившаяся в говорах, вероятно, во второй половине XX столетия¹³: *На свадебку Алексееву много было людей собранось*,¹⁴

В произведениях В. А. Агапитова сосуществуют деепричастный и причастный перфект с преобладанием последнего: в 25 байках использована 21 конструкция с причастными формами переходных глаголов и только одна с деепричастным перфектом: *Я-то с отцом ездивши, бывало, по озеру, знал знаки, проливы*.¹⁵ Такое соотношение форм на *-н,-т-* и на *-ши* вполне обычно для заонежан в настоящее время.¹⁶

Наблюдения над художественным словом В. А. Агапитова дают представление о глагольном формообразовании ламбасручского говора. Безусловно, идиостиль не тождествен идиолекту, поскольку писатель избирателен в выборе форм. И тем не менее, при возврате к материнскому языку восстанавливается грамматическая система говора в несколько концентрированном, на наш взгляд, виде, с одной стороны, но с другой — в художественных текстах получают логическое завершение процессы, в обыденной речи отмеченные как тенденции: северо-западный причастный перфект формирует не только односоставные, но и личные предложения; сочетание *у +* род. падеж, утрачивая посессивность, вовлекает существительные неодушевленные.

Судьба русской деревни, исчезающий местный говор подвигли В. А. Агапитова к творчеству на диалекте. Любовь к родной речи, ее мелодичности, тайнам слов и глубинам грамматических форм сквозит в каждой строке поэта, пишущего как на литератур-

¹⁰ Агапитов В. А. Завтра, в день прекрасный..., С. 95.

¹¹ Агапитов В. Когда придет корабль. С. 37.

¹² Там же. С. 38.

¹³ Маркова Н. В. Грамматические диалектные черты заонежского диалекта, С. 69.

¹⁴ Агапитов В. А. Завтра, в день прекрасный ..С. 65.

¹⁵ Там же. С. 89.

¹⁶ Маркова Н. В. Грамматические диалектные черты заонежского диалекта, С. 68.

ном языке, так и по-заонежски. Появление художественных произведений на местном говоре — явление для русской литературы уникальное, а для диалектной речи — способ сохранения ее в художественном стиле.

Т. Моррис

Орегонский университет, США

Старовер Орегона: судьба, личность, язык

Один из основных наших информантов Макар Афанасьевич Зенюхин (1938–2020 гг.) — беспоповец часовенного согласия, многолетний помощник наставника молельного дома во имя Святителя Николы в Орегоне (1985–2014 гг.), синьцзянец¹, чья жизнь прошла в переселениях (Китай, Аргентина, Америка, Россия) [см. Morris 2022].

На примере судьбы Макара А. можно проследить последствия раскола XXI в. в общинах староверов-беспоповцев Северной Америки, произошедшего из-за разного понимания перстосложения на благословляющей деснице на иконах [см. Юмсунова 2013]. Он являлся одним из самых авторитетных духовных лидеров, категорически выступал против правки старых икон.

Родился Макар А. в провинции Синьцзян Китая, в поселке Ком Алтайского края. Все его образование 4 класса сельской школы. Занимался в основном обычным крестьянским трудом. В 1955 г. женился на староверке Таисье Потаповне Швалёвой, у них родилось 10 детей.

С приходом в 1959 г. в Китай коммунистического режима вместе с другими староверами покинул страну. Семью Зенюхиных приняла Аргентина, где они прожили 10 лет. С 1971 по 2014 годы жили в Орегоне, Макар А. работал преимущественно в лесу. В 2014 г. вместе с женой ушли в Дубчесские скиты², где и упокоились.

Особое беспокойство у Макара А. вызывало все возрастающее влияние английского языка и вытеснение русского, а также

---

¹ Так называют староверов, приехавших в Америку в 1960-е гг. из провинции Синьцзян (Китай).

² Дубчесские скиты — духовный центр староверов часовенного согласия. Расположены в Сибири на севере Красноярского края.

непонимание многими молодыми староверами церковнославянского языка (*Мы все понимаем, что молиться надо, но мы стоим в моленне и ничо не понимаем. Наш ум гдетось*). Нужно сказать, что треть учеников нашей с проф. Ричардом Моррисом частной «Школы русского языка и культуры» (2007–2020 гг.) были внуками М. А. Зенюхина³. Ему было важно в своей семье сохранить русский язык.

Речь М. А. Зенюхина отражает все основные черты говора синьцзянцев, который является акающим среднерусским, сформировавшимся на севернорусской основе. В области **фонетики** этим говорам свойственно *соканье*, произношение [с] на месте *ц* ([с]ерковь⁴, гробни[с]а, мудре[с]); шоканье, произношение [ш'] на месте *ч* ([ш']ай, на не[ш']ке, до[ш']); произношение [а] на месте [е] в предлогах/приставках *-пере, -через* (*пер[а]ворот, чер[а]з реку*); прогрессивное смягчение *к* после парных мягких согласных и /j/ (*ба[н'к']я, де[н'г']ями, ша[ж'к']я*); утрата смычного элемента в конечных сочетаниях [ст] и [с'т'] (*холс[с], те[с']*); произношение в существительных двойного мягкого согласного на месте сочетания [Сj] (*лече[н'н']е, распя[т'т']е*) и др.

В области **морфологии** широко распространены стяженные формы прилагательных, местоименных прилагательных и порядковых числительных (*Эй, скорей, плетётесь как коровы стельны!*; *Политика — это курятник, которы куры выше сидят, на нижних серут*); стяженные формы глаголов, особенно с ударным и безударным окончанием *-аёе-, -еёе-* (*бываешь, быват, бывам; стареешь, старет, старем*); безударные окончания 3 л. мн. ч. глаголов II спряжения, совпадающие с соответствующими окончаниями глаголов I спряжения (*учут, крестют*) и др.

В области **синтаксиса** отмечается употребление конструкций с предлогом *с* вместо предлога *из* (*У меня дружок был с Аргентины*); диалектный предлог *коло* (*кол*), употребляющийся с Р. п. (*Коло лесины клетку сделали, посадили медвежат*); постпозитивная частица *то* без согласования (*Когда медведи накупаются, пчёлы-то не прокусывают*) и др.

В языке Макара А. встречается много диалектной лексики, преимущественно средне- и севернорусского, а также уральского

³ За эти годы через нашу школу прошло около 100 детей и внуков староверов и 4 из них пошли учиться в университеты.

⁴ Здесь и далее ударение передается полужирным шрифтом.

и сибирского происхождения. Например, **пекчи** ‘печь’ (*Хлеб только начали ночью пекчи, кыргызы пришли*), **полдён** ‘отрезок времени, равный половине дня’ (*Приехайте к нам после полдён*), **получайте** ‘берите и кушайте; угощайтесь’ (*Раньше помню говорили получите вместо ешьте*), **торопно** ‘поспешно, торопливо’ и др.

Макар А. владел разговорной формой английского языка, но дома всегда говорил только по-русски. В его речи встречались заимствования из английского языка, которые подверглись фонетической, грамматической и семантической адаптации. Например, слово **фил** ‘поле’ (из англ. *field* ‘поле’), от которого при помощи русского суффикса *-иц* образовалось слово **филице** ‘большое поле’, при помощи суффикса *-ок* — слово **филок** ‘небольшое поле’ и устойчивое словосочетание **фил работать** ‘работать на поле’. Слово **филмен** у староверов имеет значение ‘инспектор полевых работ’, тогда как в английском языке *field man* ‘работник на поле’.

Из английского языка Макар А. заимствовал и такие слова, как **амбуланс** ‘машина скорой помощи’ (из англ. *ambulance* ‘машина скорой помощи’); **викеишен** ‘отдых’ (из англ. *vacation* ‘каникулы’) и производное **викеишничать** ‘отдыхать’ (*Мы чо, отдыхам, викеишничам*); **танка** ‘бензобак’ (из англ. *tank* ‘бензобак’) (*Он залил полную танку газу*); **тронка** ‘багажник автомобиля’ (из англ. *trunk* ‘багажник автомобиля’) и др.

М. А. Зенюхин проявлял глубокий интерес не только к церковной, но и к светской литературе, поэтому его язык был намного богаче, чем у других староверов. Любимыми писателями Макара А. были Л. Н. Толстой, Н. С. Лесков, Д. Н. Мамин-Сибиряк, И. А. Бунин и др. Он, например, хорошо знал и цитировал роман Б. Пастернака «Доктор Живаго».

Из писем нам М. А. Зенюхина из сибирских скитов открывается жизнь старовера в Дубчесе (2014–2020 гг.). Он подробно описывал устройство скитов, быт и расписание дня, свое душевное состояние, просил прислать тетрадь для ведения дневника, газеты «Русское слово» (г. Сан-Франциско) и др. Макар А. до конца сохранял живой интерес к жизни (*Тамара, напиши мне и опиши новости орегонские и международные*). В его письмах много юмора (*Служба в воскресные дни и в праздники идет пять часов, а в будни полтора часа утром и полтора часа вечером. И нас целый ряд таких соколиков беззубых сидим на скамейках, и к каждому предоставлен молодой слуга доглядывать за нами*). Слова **слуга**

и **служанка** в говорах староверов обозначают ‘помощник’, ‘социальный работник’.

Макар Афанасьевич Зенюхин — незаурядная личность, пример старовера твердого в вере, кровно заинтересованного в сохранении родного языка. Он упокоился на своей исторической Родине, свято веря, что в России ближе к Богу и легче получить спасение. К настоящему времени таких мудрых старцев в Орегоне осталось единицы. Профессор Р. Моррис называл Макара А. народным академиком. Несмотря на то, что за 60 с лишним лет проживания в США в ином этническом и языковом окружении происходят неизбежные изменения, староверы стараются сохранить свою веру, традиции, язык. Например, в 2020 г. они открыли в Орегоне две частные школы с русской программой для своих детей и внуков (всего 382 ученика на 2024 г.).

Бог в помощь!

ЛИТЕРАТУРА

Morris Tamara. Carrying the Torch of Faith and Mother Tongue: An Oregonian Old Believer's Paths of Faith // Acta Neophilologica, XXIV 1. Olsztyn 2022, 253–266.

Юмсунова Т. Б. Раскол в общинах староверов-беспоповцев Северной Америки и его последствия (взгляд лингвиста) // Судьба старообрядчества в XX — начале XXI вв.: история и современность. Сб. научн. трудов и материалов. Вып. 6. Киев, 2013. С. 60–79.

Т. И. Мочалова

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
(Москва, Россия)

Способы номинации абстрактных понятий в русских говорах на территории Республики Мордовия

Образность и конкретность мышления носителей диалекта проявляется в преобладании в лексической системе говора слов с предметной и вещественной семантикой, имеющих, как правило, прозрачную внутреннюю форму. Это связано с особенностями познавательной деятельности сельских жителей, способами категоризации предметов и явлений окружающей действительности. Как

отмечает К. И. Демидова, «конкретность мышления диалектоносителей во многом определяет в процессе познания и номинирования прозрачность внутренней формы и выбор мотивировочных признаков, связанных с миропониманием и мироощущением территориально ограниченного социума»¹.

Этим объясняется небольшой объем слов с отвлеченной семантикой в системе говора. Л. Г. Яцкевич, анализируя морфологический строй русских говоров, подчеркивает: «В количественном отношении преобладают конкретные, вещественные и собирательные существительные, абстрактные существительные представлены в меньшей степени, что объясняется экстралингвистическими причинами и устной формой диалектной речи»². В то же время нельзя говорить об отсутствии абстрактных существительных в системе говора. Так, в русских говорах Мордовии употребляются имена существительные, номинирующие различные абстрактные понятия — отвлеченное качество, действие, состояние, количество³. Остановимся на рассмотрении способов номинации абстрактных существительных в частной диалектной системе, определении мотивировочных признаков, положенных в основу номинации. Исследование проведено на материале «Словаря русских говоров на территории Республики Мордовия»⁴.

Большую и разнообразную группу в системе диалекта составляют отглагольные имена существительные. Такие существительные активно используются для обозначения разнообразных процессов, связанных с трудовой и хозяйственной деятельностью человека: *жнитво* ‘уборка хлебов’, *обор* — ‘сбор (грибов, ягод, орехов)’, *отёсок* — ‘обтесывание бревна’, *повалка* — ‘рубка леса’, *уход* — ‘уборка, наведение порядка’ и др. Например: *Кума, да ты ради закончилъ абор вишьк?* (Лямбирский район). Реже употреб-

¹ Демидова К. И. Культурно-дефиницированные психологические структуры в сознании диалектоносителя и их отражение в смысловой структуре слова // Уральский филологический вестник. Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2012. № 3. С. 185.

² Яцкевич Л. Г. Очерки морфологии вологодских говоров: Монография. Вологда, 2013. С. 14.

³ Мочалова Т. И. Абстрактные имена существительные в русских говорах на территории Республики Мордовия // NOMINUM. 2024. № 1. <http://www.hominum.expert/>

⁴ Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия / Под ред. Р. В. Семенковой. Саранск, 1978–2006. Т. 1–8.

ляются данные языковые единицы для характеристики действий представителей животного мира (*улёт* ‘отлет птиц’, *пырьба* — ‘действие по глаголу пыряться’), номинации явлений природы (*воспаренье* — ‘испарение’). Например: *Улёт нынишну осинь позний* (Рязановка, Старошайговский район). Образуются данные языковые единицы от глагольных основ путем материально выраженной суффиксации (*воспаренье*, *жнитво*, *отёсок*, *повалка*, *пырьба*) или нулевой (*обор*, *уход*, *улёт*). Как показывает фактический материал, в некоторых случаях слово образуется с другим набором аффиксов: *ругатство* — ‘ругань, брань’.

Менее частотны в диалектном социуме имена существительные, образованные от основ прилагательных и обозначающие отвлеченное качество или свойство: черты характера человека, его способности, состояние (*жадность* — ‘скупость, корыстолюбие’, *ловость* — ‘ловкость, сноровка’ *плохота* 1 знач. — ‘болезнь, недомогание’), цвет (*синина* — ‘синева’), оценку явлений (*нелепа* — ‘глупость, нелепость’, *сухота* — ‘беда, несчастье, горе’) и др. Например: *Дарью-ть давно плъхата зъмучилъ, нъ жылудък жалуицъ* (Говорово, Старошайговский район). В качестве производящей основы выступают общенародные прилагательные, при этом способы и средства деривации в диалектной среде могут отличаться, ср.: *жадность* — *жадность*, *синина* — *синева* и т. п. Как видим, отадективные существительные могут образовываться в говорах по иным словообразовательным моделям, чем в системе литературного языка.

Небольшую группу составляют абстрактные понятия, мотивированные существительными. Они могут обозначать состояние окружающей среды: *недождь* — ‘ясная сухая погода’, *бездорожица* — ‘распутица’ и др. Например: *Если недъц будит, станим картошку пирибирать. У них свадьбъ-ть виликим пастом была, ф саму биздарожыцу, зъ нивестъй пишком хадили* (Кулишейка, Рузаевский район). Образуются такие существительные префиксальным способом (*недождь*) или префиксально-суффиксальным (*бездорожица*).

Как видим, в русских говорах Мордовии в основу номинации отвлеченных существительных чаще всего кладутся определенные действия или признаки, с которыми связаны обозначаемые предметы и явления. При этом в качестве производящей базы выступают общенародные глаголы и прилагательные. Отличительной

чертой говоров является присоединение к основам литературного языка аффиксов, словообразовательное значение которых дублирует / усиливает абстрактную семантику корня: *шумота* — ‘шум’, *руганье* — ‘ругань’ и т. п.

Таким образом, абстрактные существительные составляют особую группу слов в системе территориально замкнутого социума. Они номинируют важные для носителей диалектного языка явления, процессы и свойства, передают особенности менталитета сельских жителей, стремление к большей конкретизации, отражают образность и оценочность в познании и оценке окружающей среды.

Т. И. Мурзаева

Саратовский государственный национальный
исследовательский университет имени Н. Г. Чернышевского
(Саратов, Россия)

Смешанные говоры Ершовского района Саратовской области

Ершовский район неоднороден в диалектном отношении. По данным «Атласа русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья» Л. И. Баранниковой, в 9 обследованных населенных пунктах отмечались 1 южнорусский говор, 1 среднерусский окающий, 3 среднерусских акающих и 4 смешанных [Баранникова 2000: 30–31]. К числу смешанных южнорусских и среднерусских (по классификации Л. И. Баранниковой) относятся говоры сел Орлов Гай (№ 498) и Новорепное (№ 489), по которым в результате экспедиций СГУ им. Н. Г. Чернышевского получены современные данные.

Традиционный говор села Орлов Гай характеризуется ассимилятивно-диссимилятивным яканьем, близким к сильному. Перед ударными гласными верхнего подъема произносится: *вяду́, ляпи́ли, вьсы́*; перед [а]: *сястра́, спярва́, рябья́ты*; перед гласными среднего подъема: *вяртéли, ф стяпé, зярно́, вьсно́й, стякло́, свякро́вью, чирядо́м, испякём, рябёнка*, но: *типéрь, визде́, дите́й* (ореховский подтип).

Сходный тип вокализма зафиксирован в традиционном говоре с. Новорепное. Разница в том, что ассимилятивно-диссимилятив-

ный тип выявляется с меньшей последовательностью, не определяется разновидность, а отклонения возможны практически перед любым ударным гласным. Так, вместо ожидаемого [а] произносятся [е]: *детям* (и *дятям*), *атмечяли*, *детей* (и *дятей*), *текёт*, *пъсрединки*. Возможно, это объясняется орфографическим влиянием. При этом диалектная норма взаимодействует с орфографическим образцом, в результате чего иногда наблюдается широкий а-образный звук [е].

В ряде южнорусских говоров Саратовской области активизируется процесс утраты фрикативной артикуляции звонкой заднеязычной фонемы [Мурзаева 2022: 158]. Согласный [γ] фрикативный, вопреки «Атласу» Л. И. Баранниковой, не отмечен ни в одном из рассматриваемых говоров, последовательно используется смычно-взрывной согласный [г]. Однако в с. Орлов-Гай в конце слов в соответствии с фонемой /г/ произносят [х]: *дених*, *плух*, *сних*, *Алех* и т. п. В Новорепном таких случаев не отмечено. Произносят *аврак*, *сnek*, *берик*.

Одной из наиболее существенных морфологических особенностей является тенденция к переходу некоторых имен существительных среднего рода в женский: *горя адна*, *дала платью*, *адяялу*, *какая поля*, *бальшая поля*, *яичку расколиши*; так же ведут себя отвлеченные существительные: *средняя абръзаванья была́*, *здоровья была́*. Другая важная особенность имен существительных — сближение *i-основ с *а-основами: *жызня*, *фсю жызню*, *ф церкву* (а также *церкѣфь*), *дочирю*, *ф стяпе*.

Существительные с *а-основами в родительном падеже употребляются как с южнорусским окончанием, так и с севернорусским: *у Вови*, *с наги*, *дъ вайны*; аналогично личные местоимения в родительном и винительном падежах: *у мяне*, *у тебе* (возможно и *у тибя*, *у миня*), *бабушка мяне пустит*. Южнорусской флексией характеризуются и формы именительного падежа множественного числа исконно среднего рода *карыты*, *яйцы*, *рябяты*, *внучяты*, *ведры*. Формы творительного падежа множественного числа после основы на заднеязычный имеют окончание *-ими*: *кадушками*, *тряпъчькими*, *гратькими*, *с падрушками*, *казаками*, *сасулькими*, *даяркими*).

Неличные местоимения отражают взаимодействие форм творительного и предложного падежей единственного числа мужского рода, проявляющееся в омонимии в пользу творительного: *в ихим*

доми, на этом навози, ни на каком курорти. Стяженные формы не употребляются, за исключением притяжательных местоимений: *сваво мальчишку, у сына-ть маво, у сваво мужа.*

Южнорусские формы 3 лица глаголов не отмечены. Употребляются лишь формы с твердым окончанием. Глаголы с безударными личными окончаниями относятся к общему спряжению, поэтому в 3 лице множественного числа наблюдаются формы типа *павесют, лепют, харонют, будют, дупют, пасодют, ни верют.* Возвратные формы глаголов прошедшего времени мужского рода имеют постфикс *-си*: *рѣзашолси, прѣвѣравалси, жанилси, купалси, апридялилси, абливаимси*; в положении после гласных обнаруживается тенденция к стандартизации постфикса *-ся*: *купалися, тапилися, растроилася, училися, радилися*, хотя возможны и общеупотребительные *събирались, рѣзвлялось, асталъсь, рѣдилась*.

Сопоставление приведенных наблюдений с данными «Атласа русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья», составленного главным образом по материалам сороковых — шестидесятых годов XX в., показывает, с одной стороны, чрезвычайную устойчивость диалектных явлений, с другой — утрату названных южнорусских особенностей. Говоры сохраняют важнейшие черты южнорусского наречия: морфологические формы типа *у систре, у тибе, у сибе, табе, сабе, окны*, наличие общего спряжения. Кроме того, можно указать черты юго-восточной диалектной зоны: переход существительных среднего рода в женский и формы типа *падрушкими, училси*. По языковому комплексу рассматриваемые диалекты Ершовского района частично соотносятся с Восточной группой говоров южного наречия, о чем свидетельствуют такие существенные признаки, как ассимилятивно-диссимилятивное яканье ореховской разновидности, формы типа *дочирю, ф стяпе*, слово *рауачь*. С Псковской группой среднерусских говоров их сближают совпадение форм творительного и предложного падежей у местоимений адъективного склонения, а также словоформа *свяхровка*. Территориально говоры Ершовского района примыкают к новоузенским, южнорусским по типу, и частично с ними смыкаются, отличаясь от них прежде всего наличием смычно-взрывной артикуляции фонемы /г/, отсутствием прогрессивной ассимиляции заднеязычных и южнорусских форм глаголов 3 лица. Современные говоры Ершовского района могут быть определены как среднерусские акающие, сближающиеся отдельными чертами с южнорусскими.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранникова Л. И. Атлас русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. — 104 с.
- Мурзаева Т. И. Преобразования в говоре с южнорусской основой на территории позднего заселения. — Гуманитарные науки в новой реальности: проблемы, подходы, ценности. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2022. — С. 156–163.

С. А. Мызников

Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

К ЭТИМОЛОГИИ НЕИСКОННОЙ ЛЕКСИКИ в западнорусском пограничье

Данная работа является продолжением исследования русского диалектного лексикона на территориях псковско-новгородского и брянско-смоленского регионов. При изучении неисконных данных имеются вопросы, которые всегда стоят перед исследователями результатов этноязыковых контактов — это, в первую очередь, — детальная локализация контактных ареалов, репертуар языковых единиц заимствованного происхождения, хронология контактов.

В исследуемых регионах представлены результаты влияния прибалтийско-финских, балтийских языков, а также материалы, для которых находятся сходные данные в белорусском языке.

Прибалтийско-финское воздействие локализуется, в основном, в ряде районов Псковской области, которые граничат с Эстонией, например: *азóвник* 'арендатор земли' Печор. (Моложба) Пск. [ПОС 1: 53], при эст. *asunik* 'поселенец, колонист'; *áни-áни* 'слово, которым подзывают гусей' Печор. (Лезги, Паниковичи) Пск. [ПОС 1: 85], при эст. *hani* 'гусь', [SKES: 55].

Большая часть балтизмов, фиксируемых в русских диалектах, приходится на смоленские, брянские и псковские и другие смежные говоры. Высказывались различные точки зрения по перспективам изучения рефлексов балтийского страта, например, Ю. В. Откупщиков полагал, что «сопоставление диалектного материала балтийских и славянских языков, не ставшего еще достоянием этимологических словарей, позволяет вскрыть целые слои лексики — как общего происхождения, так и заимствованной из одних языков

в другие» [Откупщиков 2001: 307–308]. А. П. Непокупный считал: «Ареальные отношения двух языков или двух групп языков, очевидно, лучше всего можно было бы представить в виде ... атласа балтийских и славянских языков, или балто-славянского лингвистического атласа» [Непокупный 1964: 8–9].

В ряде случаев балтизм фиксируется в псковских говорах, смежных с белорусскими, иногда трудно сказать, является ли та или иная лексическая единица прямым заимствованием или опосредована влиянием белорусского языка. *Курмель* 'рыба пескарь' Себеж., Пустошк. *А ещѣ есть курмели, они маленькие.* Себеж. [ПОС 16: 395–396]. *Курмели в рѣтшках водятца, у нас нет.* Себеж. (Крупово) [ПЛГО]. Ср. белорусск. *курмель* 'пескарь', при литов. *kurmėlis* 'то же' [Лаучюте 1982: 55; ЭСБМ 5: 168].

Имеются случаи, когда в псковских говорах фиксируются единицы, сопоставимые с латышскими источниками. *Мойва* 'жилище, дом': — *Патом на мойву, дамой едем.* Новоржев. [ПОС 18: 291]. Ср. латыш. *māja* 'дом, жилое место, семья', при сходных прибалтийско-финских данных: фин. *maja* 'дом, избушка', при композитах *havumaja* 'сарай для хвои', *lehtimaja* 'сарай для листьев', *uõtaja* 'спальный домик', *majatalo* 'дом', ливв. *maja* 'лесная избушка', люд. *maja* 'подобие укрытия с двускатной крышей, покрытой еловой корой и лапником или берестой со стенами из елового лапника, часто с костром посередине', водск. *majai* 'жилище', эст. *maja* 'дом, жилище, строение', ливск. *moi* 'избушка' [SKES: 328].

Следует отметить, что в белорусско-псковско-латвийском пограничье отмечаются общие неисконные лексические данные. Причем информанты свидетельствуют об активных этноязыковых контактах, которые имели место в прошлом. Например, фиксация лексемы белорусск. *пуйка* 'парень' Петровщина, Верхнедвин. Витебск. [ПЛГО] может рассматриваться на общеполорусском фоне, ср. белорусск. *пуйка* 'неуважительное обращение', 'недоразвитый парень', *пучка* 'хлопчик'. На славянской почве оно неисконно и восходит к латыш. *puika* 'мальчик, мальчишка', при том, что и в латышском языке данная единица прибалтийско-финского происхождения, ср. эст. *poeg* [Fraenkel 2: 661; Непокупный 1969: 24; Лаучюте 1982: 71]. Авторы SKES полагают, что латышская лексема восходит к ливским источникам, ср. *puoga* (sg. part. *poigā*) 'мальчик, ребенок' [SKES: 590].

В некоторых случаях данные псковско-новгородского региона представляют не только балтийское влияние, но и опосредованно через балтийское посредство могут восходить к германским, прибалтийско-финским и другим источникам. *Кáна* 'сосуд цилиндрической формы с крышкой, предназначенный для жидкости, бидон': — *Саш, иди атсюда, а то канку мне фсю абмазал; да, эта кана, или битон, а эта лахань*. Локнян. *Малака у нас ф калхозе многа, целые каны возят*. Красногор. [ПОС 13: 453]. Ср. латыш. *kanna* 'то же' из нем. *Kanne* [Синица 1968: 34; Лаучюте 1982: 88].

В новгородских говорах сходные материалы отмечаются с другим вокализмом и семантикой. *Конóвка* 'кружка': *Коновка* — *литровая железная кружка, ей наливали воду*. *Коновка* — *кружка*. *Налейте мне коновку молока*. Старорусск. Холм. *Кружку коновкой зовут*. Валд. Волот., Демян., Солец. [НОС 2: 426]. Следует иметь в виду также и прибалтийско-финские данные, ср.: эст. *kann* (ген. *kanni*) 'посуда для питья', при фин. *kanni* 'посуда для питья; мера емкости', ливск. *kona* 'сотовая ячейка', при скандинавских данных: швед., др.-норв. *kanna* 'бидон', др.-нижненем., др.-верхненем *kanna*; причем эст. *kann* (ген. *kanni*), при немецком первоисточнике: нем. *Kanne*. [SKES: 156].

Таким образом, на приведенных в качестве примеров материалах видна весьма непростая картина взаимовлияния различных языков в лексической сфере, причем при наличии адстратных контактов, довольно сложно разграничивать субстратные данные и более поздние вхождения, при том, что балтийские и прибалтийско-финские ранние материалы представлены в лимнонимах и гидронимах, что находится в русле идей, которые были высказаны В. Н. Топоровым о балтском субстрате в нижнем Поочье и между верхним течением Западной Двины на юге и Ильменем на севере, на стыке восточной части Псковской области, юго-западной части Новгородской области и северо-западной части Тверской [Топоров 1995: 13].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- Лаучюте Ю. А. Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982.
 Непокупный А. П. Ареальные аспекты балто-славянских языковых отношений. Киев, 1964.
 Новгородский областной словарь. Издание второе, исправленное и дополненное. СПб., «Наука», 2005. 1435 с. [В тексте — НОС 2]
 Полевое лингвогеографическое обследование автора [В тексте — ПЛГО].

- Откупщиков Ю. В. Очерки по этимологии. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2001. 480 с.
- Псковский областной словарь с историческими данными. Л.; СПб., 1967–2020. Вып. 1–28. [В тексте — ПОС]
- Синица А. И. О словаре Вышек и Московской // Учен. зап. Латвийского гос. университета им. П. Стучки. Т. 92, 1968. С. 24–35.
- Топоров В. Н. О северо-западном локусе балтийской гидронимии (из цикла по окраинам древней Балтии) // *Res Balticae*, 1995. Р. 13–40.
- Этымалагічны слоўнік баларускай мовы. Мінск, 1978–2010. Т. 1–13. [В тексте — ЭСБМ]
- Fraenkel E. *Litauisches etymologisches Wörterbuch*. Т. 1–2. Heidelberg, 1962–1965.
- Suomen kielen etymologinen sanakirja. О. 1–7. Helsinki, 1955–1981. [В тексте — SKES]
-

В. В. Напольских

Институт истории и археологии УрО РАН
Уральский федеральный университет
им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Безмен, басман и батман в русских диалектах: этимология и история слова

В (древне)русском языке очень рано, с рубежа XII–XIII вв. [СДРЯ I: 128], фиксируется слово *безмен*, означающее сегодня ‘неравноплечные весы с гирей-противовесом’, а в обиходной речи — уже и любые весы, в том числе пружинные. При первом упоминании др.-рус. *безмѣнь* (конец XII — начало XIII в.) и позже во многих текстах выступает в значении ‘мера веса’ (как минимум с XVI в. известно, что безмен составлял примерно два с половиной фунта, 1/16 пуда), и только с XVI–XVII вв. — в значении ‘весы’. Происхождение этого слова принято рассматривать в связи с тюркскими языками (тат., башк. *bizmān* ‘весы-безмен’ и др. < *bāzmān), при этом предполагается, что фонетический облик рус. *безмѣнь* возник вследствие народной этимологии под влиянием *безь мѣны. Но в тюрк. языках *bāzmān выглядит скорее как позднее заимствование, в то время как русское слово имеет более сложную историю и активно заимствовалось в разные языки народов России и Центральной Европы.

Кроме того, в русских диалектах имеется явно похожее слово *батман* ‘азиатский вес, весьма разнообразный; единица измерения веса различной величины (от полутора фунтов до 26 пудов; впервые в XVI в. — 10 фунтов); мера веса (в Средней Азии, на Каспии)’. При этом батман зерна содержит в разных местностях разное количество пудов, батман соли (тамб.) — 10 фунтов (четверть пуда), батман меда (новг.) — 14 фунтов, а батман золы (без указания места) — 10 четвериков, т. е. уже не вес, а объем — около 26 литров. Приобрело оно еще одно специфическое значение — ‘связка лука или чеснока, обычно 120 луковиц, сплетенных так, что 30 луковиц составляют длину, а 4 — ширину плетенки’, и у этого термина есть странный вариант с *-с-* на месте *-т-*: рус. (XVII в.) *басман* ‘связка лука или чеснока весом в один батман’ (возможно влияние рус. *пасмо* ~ тат. *basma* ‘единица измерения пряжи’ ~ чув. *pusma* ‘хлопчатобумажная ткань’). Наконец, слово *батман* может означать (экспр.) ‘голова’ (костр., материалы ТЭ УрФУ — за консультацию благодарю Е. Л. Березович). Источником этого русского слова, очевидно, являются термины тюркских языков Среднего Востока и Поволжья — от уйгурского до турецкого и татарского (впервые у Махмуда Кашгарского, нач. XII в.), где *batman* означает очень разные меры веса (чаще зерна, шерсти или сыпучих товаров) — от 1 фунта до 26 пудов, и даже площади (каковую можно засеять соответствующим количеством зерна). Например, тат. *batman* означало сопоставимые по цене объемы ходовых товаров: зерна, меда, масла, конкретный вес которых, естественно, различался и которые отмерялись специальными сосудами, имеющими цилиндрическую форму. Для ржи он равнялся 4 пудам ржи и, соответственно, обозначал около 1/4 десятины, засеваемые этим зерном (примерно 25–30 соток). В чувашском языке оба эти термина максимально сближаются фонетически: *rasma*, *rasman*, *rasmana* ‘старинная мера веса около 4 пудов’ и *ratman* ‘мера веса в 10 фунтов (четверть пуда)’. Имеется также устар. чуваш. *räsmen* (в топонимах и в заимствованиях в удмуртский и марийский языки), обозначавшее, видимо, единицу площади. Эти формы отражают сложную и старую историю данных слов в болгарском и чувашском.

Предлагаемые в этимологических словарях варианты этимологии тюрк. **batman* ~ **bäsmän* ~ рус. *безмен* ~ *батман*: от перс. **vaznān* ‘веса’ (фиктивная форма) < араб. *wazn* ‘вес’, от араб.

mīzān ‘весы’ (фонетически невыводимо, это арабское слово заимствовано отдельно в тюркские языки), от булг. **vismen* ‘весы’ ~ чув. *vis* ‘взвешивать’ (фиктивная и анахронистичная форма) встречают серьезные возражения, не могут быть приняты и не объясняют сходства двух слов, странным образом отличающихся только *t* и *s*.

Источником обоих слов являются два деривата иран. **patimān-* ‘мера, мерка’ (букв. ‘со-измерение, противо-мера’): согд. **p'tm'n* ‘мерка, мера’ (восстанавливается на основе согд. *ptm''k*, *ptm'k* ‘мера, мерка; измерение, количество’ и пехл. *patmān* ‘мера, мерка’) и хорезм. *p'ct'n* ‘мерка, мера’ (с палатализацией **ti > c*). Оба термина получили распространение как обозначения единицы измерения разных товаров во второй половине I — начале II тыс.: согдийский — в Среднеазиатском Междуречье и далее, прежде всего вдоль Шелкового пути, на всем Среднем Востоке, а хорезмийский — севернее, в зоне хорезмийской торговли, в Поволжье. На Русь хорезм. *p'ct'n* > тюрк. **bāsmān* попало, по-видимому, через волжско-булгарское (древнечувашское) посредство и подверглось переосмыслению в связи с *безь мѣны*, а позднее было применено к популярным на Руси неравноплечным весам. Формы типа тат. *bizmān* представляют собой обратное заимствование — из русского, в позднем значении ‘весы-безмен’ — в связи с распространением безменов русского производства по всей империи. Термин *batman* распространился в Поволжье и попал в русский язык, видимо, позднее, уже в постмонгольское время, и сохранил в русском значение, близкое первоначальному.

Г. Д. Неганова

Костромской государственный университет
(Кострома, Россия)

Экстралингвистические основы ландшафтной терминологии в говорах Костромской области

Костромская область, расположенная на северо-востоке центральной части Восточно-Европейской равнины, хотя и отражает характерные для центра Европейской части России природно-географические признаки, в ландшафтном отношении неоднородна.

В предлагаемом докладе на материале лексики по темам «Рельеф» и «Почвы» представлены результаты наблюдений, как номенклатура ландшафтных терминов, бытующих в костромских говорах, коррелирует с высоким ландшафтным разнообразием региона. Материалом исследования послужил подготовленный к изданию «Словарь ландшафтных терминов в современных говорах Костромской области», основным источником которого стала картотека Костромского областного словаря.

Рельеф. Названия возвышенных и низменных мест представлены в одинаковом количестве. Среди них преобладают термины, в лексическое значение которых входят признаки, не принадлежащие понятию, но являющиеся важными для местных жителей. Так, например, если в говоре д. Куниково Костромского р-на, расположенной в Волго-Костромской пойме, слово *городище* является общим названием возвышенного места (холма) — *Мы-то и сами на городище жили, на холме то ись*, то в Красносельском р-не, в ландшафте которого доминирует камовый крупнохолмистый рельеф, оно употребляется со значением ‘значительная возвышенность, гора, выделяющаяся среди других’ — *Большую-то гору у нас городищем называют* (Здемирово). Возвышенный рельеф отмечается в центральной части и на севере региона, большая же часть территории представляет собой низменность, значительные площади которой переувлажнены, заболочены. Эта особенность низинного ландшафта актуализирована в лексическом значении терминов — в семах ‘сырой’, ‘болотистый’, отражающих имеющиеся у местных жителей важные для них знания о реалии. напр.: *займище* ‘низменное, болотистое место’ — *Скотина пасётся, а иногда и в займище попадёт*. Парфен. (Долматово); *ключевина* ‘низкое, болотистое место’ — *Тута ключевина, и травы плохо сохнут, надо сено вынести*. Судислав. (Ильинское); *низовина* ‘низкое, сырое, болотистое место’ — *Помню, дед ругался, что им опять дали косить в низовине*. Мантур. (Знаменка). Кроме того, в семантике многих лексических единиц выделяется дифференциальная сема ‘местоположение’, указывающая на вид ландшафта, напр.: *веретейка* ‘возвышенное сухое место среди болота’ — *За клюквой все боле за веретейку ходили*. Парфен. (Никола-Полома); *залив* ‘низкое, заливаемое водой место в лугах’ — *На заливе трава всегда сочная*. Межев. (Петровка); *ляготина* ‘низкое, заболоченное место в лесу’ — *За этой ляготинной и дорога будет*. Мантуров.

(Елизарово); **плавни** ‘низкое место у реки’ — *А плавни-то все илом покрыло*. Мантур. (Шулёво).

Почвы. Почва — один из основных компонентов ландшафта. В костромских говорах общие названия почвы единичны: **земь, материк, подора** — *И чево у соседа с участком? Земь земью, как у всех, а не растёт ничего, хоть убейся!* Антроп. (Красник-Эльский); *Рано сено бить — подора ещё сырая*. Галич. (Панфилово).

Ландшафты Костромской области отличаются разнообразием почв. Регион находится в зоне дреново-подзолистых почв, сформировавшихся под хвойными лесами на глинах, суглинках и песках, соответственно, по механическому составу почвы разделяются на глинистые, сулинистые и песчаные; в поймах крупных рек и по берегам озёр распространены аллювиальные почвы, образованные в результате отложения ила в период половодья. Их диалектные названия бытуют в костромских говорах. Глинистая почва, глина, почва с примесью глины (встречается в основном в бассейне Ветлуги): **глей, глёя, глинница, глинозём, гни́ла, глиняк, красик, нагли́нок** и др. — *Тут земля сплошной глей*. Шарьин. (Корегино); *Вокруг Согры почти везде глинак. Вохом.* (Согра); *В низине-то один красик. Там уж ничего не поделаешь. Всё одно!* Вохом. (Вохма). Суглинистые почвы (наряду с северными районами, распространены на юго-западе региона): **сугли́нок** — *Это не чистая глина, а смесь с землёй. На суглинке всё растёт, хоть арбузы, только обихаживай*. Костром. (Шунга). Песчаная почва, почва с примесью песка (встречается в разных районах области, в основном в бассейне Неи, Унжи, отчасти Ветлуги): **бурун, грё́сва, песча́нка, суньсь** и др. — *На грёсве в дождливое лето хороший урожай картошки*. Кадыйск. (Столпино); *Начнёшь смотреть за трактором-то, а земля-то — одна пещанка*. Остров. (Островское); *Где песок — то суньсь*. Павин. (Медведица). Илистая почва (встречается в поймах Волги, Унжи, Костромы и по берегам Галичского и Чухломского озёр): **ил, иловина, иловка и илб́вка, илошная земля и др.** — *Ил не для урожая. Одни там мухоморы растут*. Чухлом. (Анфимово); *В иловине мы ничаво не сажали*. Мантур. (Знаменка). Болотная почва: **пльвун** — *На пльвуне ничего не вырастет*. Костром. (Яковлевское).

Местные названия видов почвы, как это видно из примеров словоупотребления, обычно сопряжены с её особым свойством — плодородием. Вместе с тем в говорах региона бытуют лексемы

со значением 'плодородная земля, почва': *земліна, золотозём, обрѣдная земля, родімая земля* — *У меня в огороде такая земля — что хочешь соди, всё поднимется!* Шарьин. (Майтиха); *А вот на золотозёме картошка нынче хорошая уродилась.* Буйск. (Романцево); *У соседки-то вся обрѣдная земля-то была, а у нас — худая.* Костром. (Шемякино). В оппозиции к ним встречаются лексические единицы — определительные словосочетания: *сѣрая земля* 'неудобренная, жѣсткая, похожая на золу почва, земля' *На сѣрой-то земле ничего не родилось.* Остров. (Полоски); *худѣя земля* 'неплодородная почва, земля' — *У соседки-то вся обрѣдная земля-то была, а у нас — худая.* Костром. (Шемякино).

«Словарь ландшафтных терминов...», из которого проводилась выборка лексических единиц, содержит почти три тысячи терминов, в сведениях о месте их фиксации значится более семисот населённых пунктов из всех 24 районов региона. При составлении словника, помимо лексики тематической группы «Ландшафт» Программы ЛАРН, в него были включены ландшафтные термины, связанные с вопросами по теме «Лес» тематической группы «Растительный мир», а также названия ландшафтных объектов, касающихся хозяйственно-бытовой и трудовой деятельности местных жителей.

Е. А. Нефедова

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Метеоним ДОЖДЬ: языковая и культурная семантика в говорах Русского Севера

Метеорологическая лексика относится к объектам внимания многих диалектологов. По замечанию М. М. Кондратенко, «обозначения природных явлений — один из наиболее благоприятных объектов исследования в области лексики и фразеологии», а состав метеонимов является относительно стабильным на протяжении многих веков [Кондратенко 2000].

Дождь в народной традиции — «объект почитания и магического воздействия (вызывания или остановки); связанные с ним верования и обряды сохраняют древнеслав. космологические пред-

ставления и формы примитивной магии. Символизирует оплодотворяющую силу и ассоциируется с мотивом иерогамии неба и земли» [Славянские древности, 2: 106].

Диалектные словари, большинство из которых следует дифференциальному принципу отбора материала, как правило, не отражают во всей полноте семантику и прагматику дождя в русских говорах.

В докладе на материале архангельских говоров метеоним *дождь* будет рассмотрен в рамках лексико-семантического поля, ключевое понятие которого ‘падение из облаков капель или струй воды, обычно происходящее летом, весной или осенью’ представлено базовым словом *дожж* и его словообразовательными синонимами: *дожжѣина*, *дожжѣишко*, *дожжѣище*, *дожжѣака*, *дожжѣва*, *дожжѣвица*.

На основе анализа атрибутивной (*дождь худой, кислой, кислотной, сальной, масляной, обложной, тучной, мороковой, тороковой, заливной, тучной, грозовой, громовой, сеногнойной, грибной, грибовой, оббочной, рыжичной, петровской, иваньской, казанской* и т. д.) и глагольной (*дождь идёт, бежит, падает, валится, скачет, летает, прилетает, вторгается, бросается, прискакивает, наплывает, моросит, бусит, сеет, ситует, прыщет, каребит, хвощет, налаживается, жмёт* и т. д.) сочетаемости базового слова определяются представления о дожде и особенностях его проявления, характерные для носителей традиционной народной культуры Русского Севера.

Глагольная сочетаемость представляет дождь в качестве активного субъекта действия — *дождь падает, идет, бежит*, а также как процесс, независимый от активности субъекта — *дожжит, бусит, каребит* (сегодня), как состояние, являющееся результатом процесса, — *дожжливо, дожжано* (сегодня), и как результат его влияния на состояние окружающей среды — *дожжаной, дожживой* (день, погода, ветер).

На базе атрибутивной и глагольной сочетаемости сформированы однословные номинации разновидностей дождя (*бус, бусенёк, кареба, ситуха, морос, моросиха, моросилка, грибок, грибовник, оббочник, ливень, ливанец, заливень, обложник, сеногой и др.*).

Ситуация падения из облаков капель или струй воды (Sub — V) в речевом употреблении представлена многочисленными сочетаниями. Отдельным комментарием в докладе сопровождаются

такие сочетания, как *дожж дожжáет, бус бусíт, каребá каребíт, мóрос моросíт.*

Коннотации дождя находят свое проявление в высказываниях типа *Полно со фсéй вóлости собира́йеца молодéи, полно, дождём не смóчиши. Нога́ми стоптáла, а ребята каг до́щ побежáли. Фсé каг до́ш, каг до́ш, фсé побежáли (дети). Доши как з горы́ будет лить. Ну, дожа как с горы́!*

Суждения о дожде, его желательности или нежелательности имеют характер прецедентных текстов: *Дош не там, где ждут, а там, где жнут. До́ждик глухой, он не идёт где просят, а идёт где ко́сят. До́ш — неждáнный гóсь, а тут кáждной дéнь, надойёл. До́ж дождíт, хозя́ин дрождíт, а каза́к (работник) ра́дуйеца. Ива́нски дожжы́ да Илы́ински грóмы лу́чче золотой горы́.*

Приметы, связанные с дождем: *Обложной до́ш — это надóлго, а ранний до́ш, приговáривают, он до обе́да. Ребýны мно́го — дожжы́вая óсень и протя́жная, до́лгая. Не бо́йся дожжá, а бо́йся дожжóвици. Каг дожжóвьйо-то, грибы́ и берём. Ёсли Ива́нской до́ждичек не спáвит, то Илы́инский не помóжет.*

Дождь и засуха в народной культуре выступают как своеобразные оппозицы: *Дожджóф-то нéту, засуха, дак они́ не расту́т. О кака́ засуха сто́ит, как до́лго дожа-то нéту. Ф прóшлом году́ засуха была́, и сéна половíну (заготовили), а сéйгод дождя́ми награди́ло.*

Воздействие на дождь во время засухи осуществлялось в форме молитвы, обычно обращенной к ветхозаветному святому, которому, согласно библейской легенде, сохранившейся в народном сознании, были подвластны грозные стихии: *Илья–прорóк, он вопи́це прóсит до́джжик, фсё он. Засуха была́, моли́ли дожде́й. Многоми́лосливой Илья́-пророк, полéй до́ждичька на родну́ю земéлку, штобы смочи́ли фсё, вот, бывá, и западе́, где-то запогрémливат. До́ждицька-то моли́ла: Илья́ Прорóк, да́й мне до́ждичька, малéнько спры́сьнет.*

ЛИТЕРАТУРА

Кондратенко М. М. Лексика народной метеорологии (Опыт сравнительного анализа славянских и немецких наименований природных явлений). Slavistische Beiträge, Bd. 394, Verlag Otto Sagner, München, 2000.

Славянские древности. Этнолингвистический словарь // Под общей ред. Н. И. Толстого. т. 2; М.: 2004.

С. Л. Николаев

Институт славяноведения РАН
(Новосибирск, Россия)

Особенности склонения праславянских консонантных основ мужского рода в карпатоукраинских говорах

Доклад посвящен рудиментам склонения праславянских консонантных основ мужского рода в украинских говорах Закарпатья и отчасти Прикарпатья. В докладе используются материалы, собранные в ходе Карпатских экспедиций Института славяноведения РАН (1987–2008 гг.) с добавлением форм из опубликованных диалектологических источников. Ниже рассматриваются окончания, по которым собран достаточный для анализа карпатоукраинский материал.

Для старославянского, древнерусского церковнославянского и «наддиалектного» древнерусского языка характерно проникновение в парадигму консонантных основ окончаний *i*-склонения у слов, имеющих окончание *-ь* в Acc Sg.: N Sg *кора, сръша, пламы*; N-Acc Sg *днь, корень, сръшень, пламень* и т. д.; G Sg *дъне, корене* [cons] и *дъни, корени* [i]; L Sg *дъне, корене, камене* [cons] и *дъни, корени, камени* [i]; N Pl *дъне, елене, степене* [cons] и *дъние, елние* [i]; Acc Pl *дъни, пазнегъти, елени, камени* [cons=i]; G Pl *дънь, лакъть, сажень* [cons] и *дънии, ногътии, елени* [i]. Только консонантные окончания мн. ч. отмечены у основ, имеющих супплетивную парадигму (с суффиксом *-инь* в ед. ч.), при этом в Acc Pl представлено окончание *-ы*, возможно, заимствованное из *o-/u*-основ: N-Acc Sg *«гражданинь», «боляринь»* — N Pl *граждане, боляре*, Acc Pl *граждане, боляры*, G Pl *граждань, болярь*. В старославянском склонении слов на *-тель* и *-арь* используется окончание Acc Pl *-а* (= др.-рус. *-ъ*): *дглатела, мытаря* (при N Pl *дглателѣ, мытарѣ/мытари*) — в ед. ч. эти основы изменяются по *jo*-склонению.

Карпатоукраинские (в первую очередь закарпатские) говоры сохраняют рудименты автономного склонения консонантных основ мужского рода (также среднего и женского родов, которые здесь не рассматриваются). По всей видимости, независимое от склонения *i*- и *o-/u*-основ консонантное склонение было характерно для ареального позднеславянского (древнегалицкого?)

диалекта, при этом, в отличие от старославянского и «наддиалектного» древнерусского языков, проникновение форм из *i*-склонения не было продуктивным — из них регулярно только окончание L Sg *-u* (общее с *i-*, *jo-* и *ja-*основами), заменившее в карпатоукраинских говорах «консонантное» окончание *-e*. В частности, в карпатоукраинских говорах у консонантных основ отсутствуют заимствованные из *i*-склонения окончания G Sg *-u* и G Pl *-иш*. Также отсутствуют формы N Sg с нулевым окончанием (ст.-слав. *плагы*, др.-рус. *кора*).

В закарпатском склонении слов м. р., имеющих *-ь* в N-Асс Sg, отмечено окончание (N-)Асс Pl *-ы*, вероятно заимствованное из склонения консонантных основ, не имеющих окончания *-ь* в N-Асс Sg, — N-Асс Pl *дъны*, *локъты* по образцу ст.-слав./др.-рус. *гражданы*, *боляры* (ср. N Pl *граждане*, *боляре* с «консонантным» окончанием, таким же, как в *дъне*, *елене*).

В закарпатских говорах отмечены рефлексy исконых окончаний консонантных основ — G Sg и N Pl *-e*, Асс Pl *-и* (в связи с утратой морфологического противопоставления N и Асс Pl — в виде N-Асс Pl *-e*, *-и* и *-ы*). В N-Асс Pl также отмечено окончание *-а* неясного происхождения, присоединяемое к твердой основе (*локъта*, *ногъта*, *ячьмена*). В карпатоукраинских говорах это окончание встречается в склонении *o-/u*-основ. В G Pl используется вторичное окончание *и*-склонения **-оувъ*, присоединяемое к твердой основе (*дъноувъ* вместо *дънъ*, *ногътоувъ* вместо *ногътъ*).

Окончание G Pl *-ь* в современных говорах не сохранилось (в большинстве говоров оно заменено на *-оувъ*; инновационное *-ь* отмечено в гуцульском говоре с. Тюдов — G Pl *ден*). Исконое окончание G Sg *-e* в ряде слов заменяется окончанием *o*-основ *-а* (*локъта*). В L Sg карпатоукраинское *-и* (из *i*-склонения) на месте исконого *-e*. В карпатоукраинских говорах не обнаружены окончания G Sg *-и*, L Sg *-e* и N Pl *-ие*.

В старославянском окончание Асс Pl *-а* (= др.-рус. *-ѣ*) известно только из парадигмы консонантных основ на *-тель* и *-арь*. В карпатоукраинских говорах широко распространена вторичная субституция любых окончаний консонантного склонения окончаниями *jo*-основ (G Sg *дъне* >> *дъня*, N Pl *ногъте* >> N-Асс Pl *ногътъ*, G Pl *ногътъ* >> *ногътоувъ* >> *ногът'оувъ*) — ниже в примерах такие формы приводятся только в случае их сосуществования с формами, имеющими исконые окончания.

Ниже в таблице избранные карпатоукраинские формы даются в условной «древнегалицкой» реконструкции, основанной на данных современных диалектов.

Сводная таблица окончаний консонантного склонения

	Старославянский/ древнерусский	Карпатоукраинские говоры
N Sg	-Ø (<i>кора, камы</i>)	нет примеров
	-ь (<i>дънь, корень</i>)	N-Асс -ь (<i>дънь, камѣнь</i>)
Асс Sg	-ь (<i>дънь, корень</i>)	
G Sg	-е (<i>дъне, корене</i>)	-е (<i>дъне, камене</i>)
	-и (<i>дъни, корени</i>)	нет примеров
	нет примеров	по аналогии с <i>о</i> -основами: -а (<i>ногъта, дъвера</i>)
		по аналогии с <i>jo</i> -основами: -'а и -'у (<i>дън+я, локът+я, ячьмен+ю</i>)
L Sg	-е (<i>дъне, корене</i>)	нет примеров
	-и (<i>дъни, корени</i>)	-и (<i>дъни, камени</i>)
N Pl	-е (<i>дъне, елене</i>)	N-Асс Pl -е (<i>дъне, локъте</i>)
	-ие (<i>дъние, еление</i>)	нет примеров
Асс Pl	-и (<i>дъни, елени</i>)	N-Асс Pl -и (<i>дъни</i>)
	-ы (<i>боляринъ — N Pl боляре — Асс Pl боляры</i>)	N-Асс Pl -ы (<i>дъны, дъверы</i>)
	-а (<i>мытарь — N Pl мытаре — Асс Pl мытаря</i>)	N-Асс Pl -гъ (<i>дънгъ, коренгъ</i>)
	нет примеров	N-Асс Pl -а (<i>локъта, ячьмена</i>)
G Pl	-ь (<i>дънь</i>)	нет примеров
	-ии (<i>дънии, елени</i>)	
	нет примеров	по аналогии с <i>о</i> -/ <i>и</i> -основами: -оѡвь (<i>дъноѡвь, локътоѡвь</i>)
		-ь (<i>дънь</i>) — единичный пример
		по аналогии с <i>jo</i> -основами: -'оѡвь (<i>локът'оѡвь</i>)

Три праслав. *i*-основы м. р. засвидетельствованы с окончаниями G Sg и N Pl -е, заимствованными из консонантного склонения: 1) Битля, Брод, Кер., Долг. *оһѣн'*, G Sg *оһнѣ*, Pl [*оһн'и*] — в других говорах это слово имеет *jo*-склонение; 2) Брод *пут'*, G Sg *путѣ*,

Pl [putʰi/ pútʰi], G Pl [pútʰiüw]; Кер. putʰ, G Sg puté и с исконным окончанием *i*-основ putí, Pl [pútʰi] — в других говорах это слово имеет *jo*-склонение, если относится к м. р., и *i*-склонение, если относится к женскому; 3) Pl l'úde passim (везде сохраняется G Pl l'udij с исконным окончанием *i*-склонения). У остальных исконных *i*-основ м. р. «консонантные» окончания не отмечены.

Примеры

Ниже инновационные формы с нерегулярной основой (отсутствие перехода *o > *u/ü/i*) и/или окончаниями *jo*-основ приводятся в квадратных скобках.

Формы слова *dęn'* — Кер. G *nne*, Pl. *nny*, G Pl *dnü*; в следующих говорах вторичный G Sg [*dn'a/nn'a*]: Битля Pl *nny*; Убля Pl *dnu* / *dni* (последняя форма восходит к др.-рус. Асс Pl *дъни*, она известна и из ряда других лемковских говоров); Люта Pl *dny*; Нов. *dno* [/ *dn'i*]; Ярок *dnø*; Ирл. *dnω*; Бен. *dny*; ЧПот. *nny*, G Pl *dnü*^w; Брод *dnu*; Ганьк. *nno*; Дус., Скот. *nny*; Тор. *dnu*, G Pl *dn'iw*; Син. *dnu*, G Pl *dnü*; СинП *dny*; Негр., НБ *dnu*; Кол. *dnu*, G Pl *dnu*; Ольш. *dnu*; ЛП *dnu* [/ *dn'i*]; Драг., ВелК *dno*; Сок. *дны*, G Pl *дну*; РМ *dnu*.

По аналогии со словом *дънь* в ряде говоров склоняется *пнь* (праслав. *jo*-основа *рънъ): *pen'* — Кер. Pl *pn'i* / *pni* (ср. Убля *dni* выше); Тор. *pn'i* / *pni*, СинП *pny* / *pn'i*. Однако остальные многочисленные *jo*-основы в закарпатских говорах не засвидетельствованы с «консонантными» окончаниями.

В прикарпатских говорах распространена форма Pl *dny*, однако из-за совпадения рефлексов *u и *i невозможно определить, к какой из древнегалицких форм она восходит — *дъни* или *дъны*.

Формы основ на *-ъть: 1) Битля *nóxot'*, G Sg [*nóxt'a*], Pl *n'ixtá*; Ирл. *nóxot'/núxot'*, G Sg [*núxt'a*], Pl *nuxtó*, G Pl *nuxtú*; Кер. *nóxot'*, G Sg *núxte*, Pl *nüxtá*; Долг. *nóxot'*, G Sg [*núxt'a*], Pl *nüxtá*; Скот. *nóxot'*, G Sg [*n'ixt'a*], Pl *n'ixtá*; Тор. *nóxot'*, G Sg [*nóxt'a*], Pl *n'ixtá* [/ *nóxt'i*], G Pl [*nóxt'iw*]; СинП *nóxot'*, G [*nóxt'a*], Pl *n'ixtá*; Син. *nóxot'*, G Sg [*núxt'a / nóxt'a*], Pl *nüxtá*; Негр. *nóxüt'*, G Sg [*nóxt'a*], Pl *nüxtá*; 2) Гдеш. *lókut'*, G Sg *líkta*; Битля *lókot'*, G Sg [*líkt'a*], Pl *lí l'iktá*; Люта *lókot'*, G Sg *l'ikta*, Pl *l'ikté* [/ *lókt'i*]; Ирл. *lókot'*, G [*lókt'a*], Pl *luktó* [/ *lókt'i*]; Кер. *lókot'*, G Sg *lúkte*, Pl *lúktá*; Тор. *lókot'*, G Sg [*lókt'|a*], Pl *l'iktá* [/ *lókt'i*], G Pl [*lókt'iw*]; Син. *lókot'*, GSg [*líkt'a / lókt'a*], Pl *lúktá* [/ *lókt'i*], G Pl *lúktú* [/ *lóktü*]; Негр. *lóxüt'*, G Sg [][*lúkt'a / lókt'a*], Pl *lúxtá* [/ *lóxt'i*], Pl *lúktú* [/ *lóktü*].

Формы основ на *-ень: 1) Кер. *kámin'*, G Sg *kámene* [/ *kámɛn'a*]; Долг. *kámin'*, G Sg *kámene*, Pl [*kamɛn'i*]; 2) Кер. *rɛmín'*, G Sg *reméne*; 3) Яв. *jɛč'mín'*, G Sg [*jič'mɛn'u*], Pl *jič'mená* — в других говорах эти основы имеют *jo*-склонение.

Формы слова *дѣверь: ЧПот. *d'íver'*, G Sg *d'ívera*, Pl *d'íveru*, G Pl *d'íverüw*; Клим. *d'íver'*, G *d'ívera*; Дус. *d'íver'*, G Sg [*d'íver'a*], Pl *d'íverы* [/ *d'íver'i*]; Влс. *d'íver*, G Sg *d'ívera* [/ *d'ívir'a*], Pl [*d'ívir'i*], G Pl [*d'ívir'iw*] — в других говорах это слово имеют *jo*-склонение.

Сокращения населенных пунктов

(область указывается только для пунктов вне Закарпатской области, районы — до административно-территориальной реформы 2020 г.): Бен. — Бенедиковцы Мукачевск.; Битля Турковск. Львов.; Брод Иршавск.; ВелК — Велика Копаня Виноградовск.; Влс. — Волосянка Сколевск. Львов.; Ганьк. — Ганьковица Свалявск.; Гдеш. — Гдешичи Старосамборск. Львов.; Долг. — Долгое Иршавск.; Драг. — Драгово Хустск.; Дус. — Дусина Свалявск.; Ирл. — Ирлява Ужгородск.; Кер. — Керечки Свалявск.; Клим. — Климовица Иршавск.; Кол. — Колочава Межгорск.; ЛП — Липецкая Поляна Хустск.; Люта Великоберезнянск.; НБ — Нижний Быстрый Хустск.; Негр. — Негровец Межгорск.; Нов. — Новоселица Перечинск.; Ольш. — Ольшаны Хустск.; РМ — Русская Мокрая Тячевск.; Син. — Синевир Межгорск.; СинП — Синевирская Поляна Межгорск.; Скот. — Скотарское Воловецк.; Сок. — Сокирница Хустск.; Тор. — Торунь Межгорск.; Тюдос Косовск. Ивано-Франковск.; Убля Снинского р-на Прешовского края Словакии (на границе с Закарпатской обл.); ЧПот. — Черный Поток Иршавск.; Яв. — Яворов Косовск. Ивано-Франковск.; Ярок Ужгородск.

Л. Н. Новикова

Тверской государственный университет
(Тверь, Россия)

Особенности диалектного словообразования (на материале тверских говоров)

Современное состояние национального языка характеризуется сближением процессов, происходящих в двух основных его формах — литературной и диалектной, которые отличаются динамичностью, сосуществованием старого и нового, стабильного и подвижного, стремлением к удобным и целесообразным формам выражения. Такие явления присущи и литературному языку,

и говорам, но при этом есть и различия в существовании этих систем: колебания системы говора, обусловленные процессом исторического развития, имеют по сравнению с литературным языком значительно большую амплитуду, в диалекте сосуществуют языковые факты, генетически принадлежащие к разным синхронным пластам.

Словообразование отражает эти процессы наиболее последовательно, поскольку связано с другими уровнями языковой системы — фонологией, морфологией, синтаксисом и лексикой. В системе словообразования заложены почти неограниченные возможности, которые объясняются внутриязыковыми и внешними факторами, усиливающими друг друга. Внутреннее развитие языка определяется законами аналогии, экономии речевых усилий, законами противоречий, которые на уровне словообразования поддерживаются социальными причинами.

На диалектное словообразование накладывает определенный отпечаток бесписьменная форма существования, что проявляется в создании многих производных слов, которые в литературном языке существуют только как потенциальная возможность системы. Этот факт приводит к тому, что незаполненные звенья словообразовательной системы литературного языка, свидетельствующие о нереализованных возможностях, в диалектах легко заполняются.

Примером могут служить производные, зафиксированные в «Тематическом словаре говоров Тверской области», образованные от общерусских корневых морфем и часто имеющие прозрачную внутреннюю форму. *Недáха* — ‘скупой человек, отказывающий в помощи, избегающий трат, издержек, расходов’. *Неделúха* — ‘лентяйка, бездельница: *Ах, какая девка, всё делает на живушку. На живушку как привыкнешь, дак и будешь такая неделúха.* *Нéлюда* — ‘нелюдимый человек’. *Нéнасыть* — ‘ненасытный, прожорливый человек’. *Необúтик* — ‘тот, кто ходит босым, необутым’. *Ненавúдчик* — ‘злобный, питающий ко всем ненависть человек’. *Неотступ* — ‘навязчивый человек’. *Неочéстливый* — ‘бесцеремонный, нахальный человек’. *Нерабóть* — ‘ленивый человек’. *Нéседь* — ‘непоседа’. *Ничевúха* — ‘человек, который ничего не умеет и не хочет делать’.¹

¹ Тематический словарь говоров Тверской области. Вып. 1–5 / Отв. ред. Т. В. Кириллова, Л. Н. Новикова. Тверь: Золотая буква; Научная книга, 2002–2006. С. 64–66.

Отсутствие письменной кодификации норм говора способствует реализации в практике носителей говора более широкого круга разнообразных потенциальных возможностей системы языка, в результате чего в говоре возникает много лексических образований, имеющих всеобщее употребление. В то же время в диалектах сравнительно легко образуются новые слова, которые носят единственный характер и которые удовлетворяют потребности данной конкретной речевой ситуации. Функционирование словообразовательной модели в литературном языке и говорах различается тем, что при использовании той или иной модели количество слов, в которых она реализуется в говоре, будет менее определенным, чем в литературном языке. Диалектное словообразование во многих случаях реализуется не столько в конкретных производных, сколько в формулах создания тех или иных речевых единиц.

Словообразовательная система говора включает наряду с общепотребительным лексическим фондом, который используется всеми носителями данного диалекта, еще и потенциальные слова, которые могут быть созданы из индивидуально выбранных морфем. Такие слова создаются для осуществления данного конкретного акта коммуникации, если говорящий по какой-то причине затрудняется подобрать общепотребительное слово. В говорах граница между такими индивидуальными потенциальными словами и словами общепотребительными очень зыбка и динамична.

М. К. Пак

Карагандинский университет
(Караганда, Казахстан)

А. С. Пушкин и народная «золотая россыпь»

В различных терминологических словарях народный язык определяется как живой язык народа, известный только в устном употреблении, как разговорный, как язык произведений устной словесности. Н. С. Трубецкой пишет, что «язык народный имеет склонность к диалектескому дроблению, тогда как литературный, наоборот, имеет склонность к нивелировке, к установлению единообразия»¹.

---

¹ Трубецкой Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре // История. Язык. Культура. — М.: Прогресс, 1995. — 800 с.

Исторически диалект формирует языковую систему, выступающую как меж/наддиалектное средство, которое в процессе исторического развития послужит базой литературного языка (ЛЯ).

В начале XIX в. творчество А. С. Пушкина представляет исторически важный переходный момент, когда стабилизируются нормы ЛЯ. Новая система создается через синтез разнородных социально-языковых стихий, в результате чего современный русский ЛЯ представлен полной и совершенной формой выражения единого языка русской нации. Хотя не отмечены диалектологические и этнографические работы Пушкина, народный язык в творчестве поэта получает официальное право, расширяет пределы функционирования, поэт узаконил необходимость его изучения, дал права литературности «слогу простонародному».

А. С. Пушкин, отмечая богатую речь простолюдинов, «просвирен», тем самым отстаивает «литературные права» простонародного языка, поэт заявляет, что «разговорный язык простого народа ... достоин также глубочайших исследований... Не худо нам иногда прислушиваться к московским просвириям. Они говорят удивительно чистым и правильным языком»². Пушкинская оригинальность, совершенство в необычайной простоте достигается благодаря элементам народной речи.

«Словарь языка Пушкина», составленный на основе академических изданий текстов поэта, включает в себя более 21 000 слов. Пользуясь подсчетами И. С. Ильинской, Н. Я. Васильева, Е. В. Савина, которые проанализировали церковнославянизмы, варваризмы в литературном наследии, можно утверждать, что основу языковой системы составляют общеупотребительные слова — примерно 90%. Интересным представляется материал об общерусских существительных в творчестве А. С. Пушкина, значения которых известны в современных русских говорах, но отсутствующие сегодня в литературной системе. Например, *дух* «запах» (На столе стояли стаканы, ими опорожненные, и сильный *дух* рома слышался по всей комнате), *нога* «опора, ножка (мебели)» (Увидели б вы стул об трех *ногах*, Да в уголку скамейка в пол-аршина), *погода* «непогода, ненастье, сильный ветер» (в ночь *погода* зашумела, Взволновалася река), *печаль* «забота, тревога, беспокойство о чем-н.» (Там тяжкие, державные *печали* Святой души его не возмущали), *племя*

² Пушкин А. С. Собрание сочинений. — Т. 7. — М., 1949. — С. 175.

«род, семья» (Бедные дети, что пташки в клетке. Другой: Есть о ком жалеть? Проклятое племя), *вершина* «верховье реки» (Царь обласкал новых подданных, и пожаловал им грамоту на реку Яик, отдав им ее от *вершины* до устья), *грязь* «болото, топкое место» (в конце 1826-го года я часто видался с одним Дерптским студентом (ныне он гусарский офицер и променял свои немецкие книги, свое пиво, свои молодые поединки на гнедую лошадь и на польские *грязи*) и др. Следует отметить и активность функционирования общерусских слов: время — 932, дело — 810, душа — 774, год — 732, жизнь — 603, ночь — 546, лето — 522, дом — 493, народ — 462, голова — 428, место — 428, дорога — 393, небо — 288, дух — 253, гора — 238, муж — 195, воля — 166 и др. В. В. Виноградов в предисловии к 1-му изд. Словаря языка Пушкина точно отметил, что «поэтическим стержнем народной речи для Пушкина была общерусская устная словесность — «кипящие источники народной поэзии»³.

А. С. Пушкин, для которого чрезвычайно важное значение имела живая струя народной речи, которую, по его мнению, нужно шире вливать в литературный язык, широко использует лексику народной речи для описания типичных особенностей русской жизни: *щи, лохань, горшок, кочерга, хват, дровни, хлев, лучинка, полати, тятя, медведиха, мятель, сам-пят, свычай, сызнава* и др. Элементы народной речи в творчестве поэта не стилистическое средство, это естественная языковая система, посредством которой дается объективное описание действительности. Писатель вводит не все подряд элементы живой разговорной речи, он почти не пользовался словами узко областными, а только такими лексемами и выражениями областных наречий, которые были общепонятны. В. В. Виноградов пишет, что «в приемах пушкинского выбора форм просторечия и простонародного языка можно отметить некоторые закономерности. Пушкинский язык избегает того, что непонятно и неизвестно в общем литературно-бытовом обиходе»⁴.

Любовь к живому слову объединяет поэта с великим собирателем слов В. И. Далем, для которого народный живой язык был со-

³ Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. — 2-е изд., доп. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. — М.: Азбуковник, 2000. — С. 15.

⁴ Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. — М., 1982. — С. 287.

кровищницей и источником для развития благолепной русской речи. И для Даля, и для Пушкина все слова народного языка были драгоценны и «слов низкого происхождения» для них не существовало. Интересна история одного диалектного слова, найденного В. И. Далем: однажды, встретившись с А. С. Пушкиным, он рассказал о слове *выползина* в значении «шкурка, которую после зимы сбрасывают змеи». Поэт был в восторге от услышанного и, появившись в новом сюртуке, сказал В. И. Далю: «Что, хороша выползина? Ну, из этой выползины я теперь не скоро выползу. Я в ней такое напишу!». Творчество Пушкина, включившее все богатство русского языка, представляет национальный язык во всем его многообразии.

И. В. Пантелеев

независимый исследователь
(Тула, Россия)

Диалектные названия грибов, не вошедшие в «Словарь русских народных говоров»

В отечественной диалектологии названия грибов давно и обстоятельно изучаются, подтверждением чего являются статьи и кандидатские диссертации [Пермякова и др. 2012; Кузьмина 2002]. Обобщение и систематизацию ранее исследованного по этой теме мы находим в «Лексическом атласе русских народных говоров»: т. 1 «Растительный мир» [ЛАРНГ 2017]. Однако, как следует из данных «Словаря русских народных говоров» (СРНГ), далеко не все народные названия грибов зафиксированы и изучены.

Фактическим материалом для настоящей статьи послужили народные названия грибов извлеченные методом сплошной выборки из книги А. П. Ефремова «Лекарственные растения и грибы средней полосы России» [Ефремов 2014].

Цель доклада — проанализировать народные названия грибов с точки зрения их семантики.

Для обозначения гриба *весёлка обыкновенная* (*Phallus impudicus*) в русских народных говорах используются названия: *ведьмино яйцо*, *чёртово яйцо*, *земляное яйцо*, *земляное масло*, *срамóтник*, *а, м*. Атрибутивные словосочетания содержат информацию: о нетипичной для грибов форме *весёлки* (*ведьмино*, *чёртово яйцо*), месте

появления (*не гнездо, а земля*), свойствах (*земляное яйцо, земляное масло*) и области применения: спиртовой настой весёлки используют в качестве растирки при болезнях суставов. Название *срамóтник* мотивировано весьма своеобразной формой взрослого гриба, в говорах оно широкого распространения не получило, также как и наименование *земляное масло*. Насколько частотны в говорах номинации *ведьмино яйцо, чёртово яйцо, земляное яйцо* сказать не можем: необходимый материал СРНГ пока не издан.

Головач гигантский (Calvatia gigantea) в народе называют *морю́ха, и, ж.* Мотивы номинации выяснить не удалось, ареал слова и частотность использования не установлены.

Мухомор красный (Amanita muscaria) имеет два наименования с неясной мотивацией: *маремуха, и, ж.* и *маремух, а, м.* Если исходить из того, что в украинском языке существует фамилия Маремуха, то допустимо предположение: эти лексемы характерны для говоров, смежных с украинскими: воронежских, курских, и отмечены на территориях, где преобладали выходцы с Украины.

Навозник белый (Coprinus comatus) и *навозник серый, или навозник чернильный (Coprinopsis atramentaria)*, в диалектах имеют отчасти схожие названия, мотивированные: а) местом произрастания, б) цветом гриба, в) его свойствами: быстро чернеть и быть пригодным для производства чернил.

Первый именуется: *гноевік белый, коровяк-поганка белая, коровяк навозный, навозная поганка белая, чернильный гриб белый*, а второй — *гноевік серый, гноевік черный, поганка навозная, чернильный гриб серый*. Место произрастания навозников — хорошо удобренная почва, навозные кучи. В ряде русских народных говоров навоз обозначается лексемой *гной, я, ж.* [СРНГ 6: 247–248], коровий навоз в диалектах называют *коровяк, а, м.* [СРНГ 14: 357], отсюда и название грибов-навозников. И *навозник белый, и навозник серый* используются в качестве сырья для производства чернил, которые при письме дают редкий узор и применяются для написания и подписи важных документов. Срезанный *навозник серый* быстро чернеет и разлагается, отсюда его народное название *гноевик черный*, в котором содержится информация и о месте произрастания гриба, и о его свойствах.

Трутовик серно-жёлтый (Laetiporus sulphureus) в народном языке получил название *ведьмина сера*. По цвету и форме гриб напоминает кипящую серу, а если учесть, что, согласно христи-

анской религии, сера кипит в аду, то понятны мотивы номинации *ведьмина сера*. Ареал лексемы установить не удалось.

Хотя *спорынья обыкновенная* (*Claviceps purpurea*) является и не совсем обычным грибом, но достойна того, чтобы сказать о ней несколько слов в силу влияния, которое она оказывала и оказывает на жизнь людей, будучи на протяжении длительного времени их постоянной спутницей в быту: «Раз я целую ночь почти провела с роженицей, давала ей даже спорынью, и к утру все кончилось благополучно» [Толстая 2011 1: 320].

Спорынье народ дал много названий, мотивированных по форме, цвету, месту произрастания, её способности к плодовитости: *маточные рожки, черные рожки, рожки житны, ржаные барашки, ржанец, а, м., спорина, ы, ж., спорынь, и, ж.* Почти все они имеют прозрачную мотивацию. Прилагательное *маточные (рожки)* восходит к существительному *маточка, и, ж.* Ласк. Мать, мамочка. Ряз., Даль. Зап.-Брян. Пск., Смол., Вят. [СРНГ 18: 34]. Действительно, рожь для спорыньи является материнским растением, на котором гриб и паразитирует. Наименования *маточные рожки, черные рожки, рожки житны* в СРНГ отсутствуют.

В заключение отметим: изучение народных названий грибов, извлеченных методом сплошной выборки из различных печатных источников, позволит существенно пополнить уже существующий реестр народных названий, конкретизировать их семантику, уточнить принципы номинации, ареал распространения, частотность использования в народной речи, в научной и художественной литературе.

ЛИТЕРАТУРА

- Ефремов А. П. Лекарственные растения и грибы средней полосы России. М.: ФИТОН XXI, 2014. 504 с.
- Кузьмина Е. Б. Названия грибов в структуре словообразовательных гнезд: На материале псковских говоров: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Тверь, Твер. гос. ун-т., 2002. 19 с.
- ЛАРНГ — Лексический атлас русских народных говоров: Т. 1. Растительный мир. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 736 с.
- Пермякова Л. А., Подюков И. А. Лингвосомиотический аспект описания народной миконимики // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Пермь, 2012. Вып. 2(18). С. 52–60;
- СРНГ — Словарь русских народных говоров Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Т.1–51. М.; Л./ СПб., 1965–.
- Толстая С. А. Моя жизнь. В 2 т. Т. 1. М.: Кучково поле, 2011.

П. А. Пилипец

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Исследование ударного семифонемного вокализма в великодворском говоре (Тотемский район Вологодской области)

Первым детальным исследованием великодворского говора стала работа О. Брока, вышедшая в начале XX века [Брок 1907]. О. Брок описывает систему вокализма и консонантизма и отмечает наличие в говоре дифтонгов [ие] и [уо], противопоставленных монофтонгам [е] и [о]. Дифтонгические реализации фонем /ѣ/ и /ѡ/ и монофтонгические реализации фонем /е/ и /о/ также были зафиксированы составителями ДАРЯ [ДАРЯ: карты 40, 41, 42; Марченко и др.] и более поздними исследователями [Пауфошима 1983; Тер-Аванесова 2017]. Существует и противоположная точка зрения об утрате дифтонгов в тотемских говорах, представленная в работе [Высотский 1967].

Самыми недавними исследованиями великодворского говора стали экспедиции 2011 г. и 2022 г. в с. Великий Двор и близлежащие населённые пункты под руководством И. И. Исаева. Одной из основных целей экспедиций было изучение семифонемного вокализма. По результатам экспедиции 2011 г. был сделан вывод о сохранности дифтонгов в великодворском говоре и о связи между реализацией фонемы /ѡ/ и фразовой позицией словоформы [Дьяченко, Исаев 2012]. Наше исследование посвящено более подробному анализу новых данных и изучению современного состояния ударного вокализма в великодворском говоре.

Материалом исследования являются аудиозаписи двух информанток 1931 г.р. (далее ЮИ) и 1963 г.р. (далее ЕН). Первая аудиозапись сделана в д. Княжиха в 2011 г., а вторая запись — в д. Маньолово в 2022 г. Говоры по течению Сухоны представляют собой однотипные диалектные единицы [Захарова, Орлова 1970], поэтому сравнение речи ЮИ и ЕН представляет интерес для исследователя. Аудиозаписи проанализированы в программе PRAAT, из них извлечены примеры, содержащие ударные гласные *О* и *Е* (под *Е* имеются в виду гласные звуки переднего ряда средне-верхнего или

средне-нижнего подъёма; аналогично для О и звуков заднего ряда). Было рассмотрено 200 словоформ, по 50 словоформ на каждый из гласных О и Е для каждой информантки. В каждой словоформе были измерены F1 и F2 в каждой трети ударного гласного, чтобы проследить артикуляционное движение. В нашем исследовании мы не различаем дифтонги и дифтонгоиды, так как из-за плавности формант точно определить границы качественно разных участков звука и измерить их относительную длительность не представляется возможным.

Анализ материала показал, что различение фонем /ʌ/ и /e/ в речи обеих информанток является последовательным, случаи смешения единичны. Фонема /ʌ/ реализуется как дифтонг [иe], на протяжении всего гласного наблюдается повышение значений F1 и понижение значений F2, амплитуда изменений F1 составляет более 100 Гц. Поскольку F2 значительно подвержена коартикуляции, в данном исследовании мы опираемся в основном на подъём гласного. В позиции между мягкими согласными фонема /ʌ/ реализуется как монофтонг [и], который по формантным характеристикам не отличается от звука [и], реализующего фонему /и/. Данная черта является типичной для тотемских говоров [Захарова, Орлова 1970]. Фонема /e/ реализуется как монофтонг [e], движения формант не происходит, амплитуда изменений F1 составляет менее 50 Гц.

Различение фонем /ω/ и /o/ в речи младшей информантки ЕН полностью утрачено: практически во всех позициях наблюдаются монофтонгические реализации, появление дифтонгов редко и хаотично. В речи ЮИ отмечены дифтонг [yo] с последовательным повышением значений формант и «ровный» монофтонг [o], однако наблюдаемая реализация часто не совпадает с ожидаемой этимологически. Применение статистических методов не показало корреляции между сильной или слабой фразовой позицией и той или иной реализацией О. Дифтонгические и монофтонгические реализации не являются и позиционно прикреплёнными.

Для того, чтобы определить, является ли распределение дифтонгов и монофтонгов типа О в речи ЮИ случайным и независимым от этимологии, был проведён статистический анализ с использованием χ-квадрат критерия Пирсона при уровне значимости $p \leq 0.05$. Применение критерия показало, что распределение

монофтонгов и дифтонгов типа *О* в речи ЮИ является случайным ($df = 1$, $\chi^2 = 1.2769$, $p\text{-value} = 0.2585$).

Случаи смешения фонем /*o*/ и /*ω*/ отмечены ещё О. Брокром. Он считал, что различие дифтонгов и монофтонгов типа *О* в тотемских говорах неустойчиво и скоро будет утрачено. Единичные случаи смешения /*o*/ и /*ω*/ зафиксированы в данных, собранных по программе ДАРЯ [ДАРЯ: карта 42; Марченко и др.]. Возможно, утрата различия /*o*/ и /*ω*/ представителями младшего поколения является логичным этапом эволюции фонетической системы великодворского говора.

ЛИТЕРАТУРА

- Брок О.* Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. Санкт-Петербург: Типография императорской академии наук, 1907. 152 с
- Высотский С. С.* Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах (по материалам экспериментально-фонетического исследования) // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М.: Наука, 1967. С. 5–82.
- ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Вып. I. Фонетика. М., 1986/
- Дьяченко С. В., Исаев И. И.* Экспедиции в Вологодскую, Тверскую и Смоленскую области // Русский язык в научном освещении. 2012. № 1 (23). С. 286–290.
- Захарова К. Ф., Орлова В. Г.* Диалектное членение русского языка. М.: Просвещение, 1970. 83 с.
- Марченко И. А., Долгов О. Н., Азанова А. С., Замбжицкая М. С., Заливина Е. А., Землянская С. А., Мочульский Д. И., Цейтина Е. И., Чистякова Д. Г., Ронько Р. В. База данных диалектологического атласа русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://da.ruslang.ru/> (дата обращения: 31.05.2024).
- Пауфошима Р. Ф.* Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М.: Наука, 1983. 111 с.
- Тер-Аванесова А. В.* О диалектном различии в распределении двух фонем «типа *о*»: формы Р. мн. ч. существительных *-a/ja-* основ с подвижным ударением // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2017. № 12. С. 48–62.
-

Р. И. Попович

Государственный университет просвещения,
Московский государственный технический университет
имени Н. Э. Баумана
(Москва, Россия)

К вопросу о материнской основе говора села Кунича (Республика Молдова)

В республике Молдова и в настоящее время наблюдается активное функционирование русских говоров, в частности, в поселениях русских старообрядцев. Одним из таких населённых пунктов является село Кунича (Флорештский район). Современные историко-лингвистические исследования не дают точный ответ на вопрос: из какого региона России и когда пришли русские старообрядцы на данную территорию. В работе Л. Л. Касаткина отмечено, что материнской основой говора с. Кунича могут быть говоры Юго-западной диалектной зоны [Касаткин 2018], однако указанная зона охватывает достаточно обширную территорию.

Наша работа является частью многоаспектного исследования говора села Кунича, целью которой является более точное определение праосновы данного диалекта: установление группы говоров южного наречия, которая могла бы являться материнской основой говора села Кунича.

Анализ фонетических, морфологических и лексических особенностей говора [Попович 2023а; 2023б; 2023в] дает нам основание полагать, что прародиной говора села Кунича могут быть курско-орловские говоры. Для подтверждения данной гипотезы мы решили привлечь материал обрядовой лексики, так как семейные обряды — это важная составляющая жизни куничан-старообрядцев, к которой они относятся как к святыне, в связи с чем наблюдается сохранение не только этнографических элементов, но и обрядовой лексики. Анализ ТГ лексики, имеющей отношение к свадебному обряду, может предоставить объективные данные для решения вопроса о материнской основе говора.

Для описания свадебного обряда мы составили тексты на русском литературном языке, включающие диалектные лексемы, которые называют основные элементы обряда.

Куничский свадебный обряд можно разделить на следующие этапы: 1) *сватовство*; 2) *заручины*; 3) *угощение и вечеринки*;

4) *убор*; 5) *венец* (*первый день свадьбы*); 6) *отводины* (*второй день свадьбы*). Все они представлены в говоре в разной степени сохранности.

В группе лексем свадебного обряда отмечены следующие единицы: *божница* / *божничка*, *бравенький*, *бравый*, *венец*, *венчаный*, *вечера* / *вечёра* / *вечёра*, *вечеринки*, *вечерять*, *годовой праздник*, *обед*, *гробши*, *гулять свадьбу*, *добро*, *жамка*, *жить* / *жить без венца*, *завалинка*, *заручины*, *идти*, *идти с курочкой*, *каганец*, *кликать*, *косячок*, *крылос*, *лампат*, *лампатик*, *олей*, *опохмелёнье*, *отводины*, *петеньё*, *плюшка*, *побратим*, *подариться*, *подножье*, *причепуриться*, *рушник*, *ряд*, *сват*, *свататься*, *сватья*, *скрыня*, *станушка*, *страва*, *стряпать*, *стряпня*, *стряпуха*, *тятя*, *убор*, *угощение*.

Нами был проведен сопоставительный анализ семантики указанных лексических единиц с данными диалектных словарей юго-западной группы говоров, который показал: в СРНГ 23 лексемы фиксируются в курских говорах; 18 лексем зафиксировано в «Словаре курских говоров»; 16 — в «Словаре орловских говоров»; 12 — в словаре «Народные говоры Курской губернии» [Халанский 1904]; 11 — в «Словаре смоленских говоров»; 9 — в «Словаре русских донских говоров»; 9 — в «Словаре донских говоров Волгоградской области».

Данные выводы в целом подтверждают указанное выше утверждение Л. Л. Касаткина, а также могут служить подтверждением нашей гипотезы о том, что материнской основой говора села Кунича, являются курско-орловские говоры.

ЛИТЕРАТУРА

- Касаткин Л. Л.* Русский говор села Кунича Флорештского района Молдавии // Избранные труды. Т. II, 2018. — С. 153–187.
- Попович Р. И.* Фонетические особенности говора с. Кунича (Республика Молдова). Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023(а). № 3. С. 65–69.
- Попович Р. И.* Морфологические черты говора с. Кунича (Республика Молдова). Вестник Удмуртского университета. Серия: История и Филология. Т. 33, вып. 2, 2023 (б). С. 428–432.
- Попович Р. И.* Описание бытовой лексики говора с. Кунича (Республика Молдова) // Отечественная филология. 2023(в). № 4. С. 85–90.
- Халанский М. Г.* Народные говоры Курской губернии. Заметки и материалы по диалектологии и народной поэзии Курской губернии. Приложение

к отчету по 2-му отделению Императорской Академии Наук за 1902 год. — Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1904. — 382.

А. В. Приображенский
независимый исследователь
(Санкт-Петербург, Россия)

М. Д. Королькова
Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург, Россия)

Свод диалектных и региональных словарей и проблемы картографирования ландшафтной лексики

Свод диалектных и региональных словарей представляет собой систематизированную информационную систему или базу данных, позволяющую в автоматическом режиме осуществлять поиск диалектных слов и словосочетаний, иллюстративного языкового материала как по русским народным говорам в целом, так и по отдельным группам говоров и словарям, а также по географическим пометам. Созданный более пяти лет назад для ускорения и оптимизации работы над Лексическим атласом русских народных говоров [Лесников и др. 2019], данный свод в настоящее время насчитывает 855 pdf-файлов оцифрованных однотомных и многотомных изданий общим объемом почти 31 ГБ, расположенных в 575 папках. В последних вариантах базы данных были ликвидированы повторы одних и тех же источников и сокращено количество папок с целью уменьшения объема информации, которую занимает свод на диске, и времени поиска конкретного слова. Словари в своде сгруппированы по отдельным типам и по территориальному принципу на основе диалектного членения русского языка 1964/1965 г. по наречиям, группам говоров (областям) и включают севернорусское и южнорусское наречия, среднерусские говоры, а также говоры Урала, Сибири и Дальнего Востока. Кроме того, в базе данных представлены сводные, тематические, терминологические, исторические и ономастические словари, лингвистические атласы, труды Московской диалектологической комиссии, лексикографические источники, описывающие говор одного населенного

пункта, района, одной семьи или одного диалектоносителя, говоры русского зарубежья. В последнее время в число лексикографических источников были включены диссертации и монографии, которые содержат алфавитные указатели и списки анализируемых нарицательных и собственных имен.

Рассмотрим конкретные примеры и результаты использования свода диалектных и региональных словарей на примере работы над картой Л 508 «Резкий переход от мели к глубине» Лексического атласа русских народных говоров. Данная карта фиксирует наименования одного из участков рельефа дна наиболее интересного рыболовам, так как на его склоне скапливается мелкий корм, что привлекает небольшую рыбу, которая пытается схватить его, пока не унесло течением. Диалектоносители подчеркивают, что это довольно опасное место, так как в нем можно утонуть.

Поиск дополнительных лексем с помощью свода по ключевым словам дает возможность выявить различные определения или описания данного географического объекта в лексикографических источниках: ‘место, где круто обрывается песчаная мель’ (*застру́га*, Шенк., Холмог.), ‘место, где кончается подводная мель и дно резко поднимается’ (*стру́га*, Шенк., Котлас.), ‘граница между отмелью и глубоким местом на дне реки; крутой обрыв¹’ (*изва́л*, Гд., Пск.), ‘граница между более мелкой частью озера с мягким грунтом и более глубокой с твердым’ (*изру́бье*, Пск.), ‘граница, где мель резко переходит в глубокое место в реке или озере’ (*урéз*, Кирил., Кадуй.), ‘переход от глубокого места к мелкому’ (*взва́л*, Пск.), ‘обрыв в озере’ (*звал*, Пск.), ‘резкий обрыв дна под водой; яма’ (*креж*, Ост., кряж, Валд., Ост., Фир., Дем., Пен.), ‘обрывистый спуск дна’ (*изва́л*, Плес.), ‘крутой уступ² на дне реки’ (*обру́б*, Борович.), ‘участок реки за перекатом, видимая грань от мели к глуби, обрыв в дне реки’ (*свал*, Илкс.), ‘резкое понижение дна, крутой спуск на дно водоема, обрыв’ (*сры́в*, Ряз.), ‘крутой скат, обрыв подводной песчаной гряды’ (*подва́лье*, Ворон.), ‘обрыв на дне реки, порог’ (*уру́б*, Шолох.).

Свод диалектных и региональных словарей позволяет отвести от картографирования на данной карте наименования сходных по

---

¹ Обрыв — место, где круто снижается поверхность из-за обвала или осыпания земли; крутой откос (Словарь современного русского литературного языка: в 17 тт. М.; Л.: 1950–1965. Т. 8. С. 417).

² Уступ — неглубокий обрыв (Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. С. 583).

отдельным признакам, но все же иных географических объектов. Так, на карте не следует давать обозначения глубокого места (ЛСЛ 460: *боча́г, ва́дега, залу́дье, курна́га*), омута, ямы, впадины (ЛСЛ 461: *боча́г, куртя́п, курда́н, о́мут*), перекаатов (Л 471: *перекáт*).

В ряде случаев иллюстративный материал помогает уточнить значение слова в диалектном словаре. Так, слово *ува́л* определяется как ‘глубокая яма на дне озера, реки, омут, водоворот’. Примеры употребления свидетельствуют, что в данном случае лексема выступает в значении ‘резкий переход от мели к глубине’: *В воде под водой увалы есть: ровно идёт, потом обвалится, вот и увал*. Онеж. *Увал — в озере-то мелко-мелко, идёшь, а потом сразу глубь начнется, под увал сразу у реки, у моря тож*. Онеж. [СРГК 6: 565]. Примечательно, что в Пинежье у слова *увал* отмечается контаминированное значение ‘обрыв, глубокое место в реке’ [Сими́на 1980: 101].

Таким образом, свод диалектных и региональных словарей способствует сокращению времени поиска материала для картографирования, позволяет выявить лексемы, не совсем точно описанные в диалектных словарях, и уточнить их значения.

ЛИТЕРАТУРА

Лесников С. В., Мызников С. А., Королькова М. Д. Русский диалектный гизаурус: основные источники // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2019 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб., 2019. С. 425–497.

Сими́на Г. Я. Географические названия (по материалам письменных памятников и современной топонимики Пинежья). М., 1980. С. 101.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 тт. СПб.: 1994–2004. Вып. 6. С. 565.

В. А. Пыхов

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

Славянские диалектные наименования ящерицы (ареалогический комментарий)

Лексические карты «Общеславянского лингвистического атласа» (ОЛА) являются источником разноплановой языковой информации. На них представлено не только территориальное распре-

деление славянской диалектной лексики, но также отражается и неразрывно связанный с пространственным временной фактор (от праславянского до современности).

Особенностью лексической карты № 30 'ящерица' (авт. Д. Вуичич) 1-го выпуска лексико-словообразовательной серии ОЛА «Животный мир» [ОЛА 1988: 84–85] является то, что она наглядно демонстрирует противопоставление в наименованиях ящерицы двух праславянских основ **guščer-* (< и.-е. *gu-sker 'вырывающий дыры' [ЭССЯ 7: 179]) и */*aščer-* ('роющий пещеры, норы' [ЭССЯ 1: 88]), первая из которых равномерно покрывает всю южнославянскую диалектную территорию, а вторая повсеместно распространена в диалектах западнославянской и восточнославянской языковых групп [Вендина 2023: 418, карта-схема № 157].

Лексема *G//uščEr-ь/guščer-ь* (примеры приводятся в морфологической и фонетической транскрипциях, принятых в ОЛА [ОЛА 1978: 57, 73] образует островные ареалы на северо-востоке словенских говоров, включая приграничные на территории Австрии и Венгрии (*'ku:šer, 'ku:šer, 'koʃušar* и др.); на северо-востоке хорватских (*'guščer, 'gušer, 'guščar* и др.) и востоке боснийских говоров (*gùšće:r, gùšter, gùštijer* и др.); представлена в сербских говорах на всей территории Сербии (*gù:šter, 'gušter, 'guš'ter* и др.) и на юге Черногории (*'gušte:r, 'guštar, 'gušter*); равномерно покрывает диалектную территорию Северной Македонии, включая приграничные говоры на территории Греции (*guščer, glufčer, gušter* и др.); распространена во всех болгарских говорах [ОЛА 2013: 60], а также в говорах на территории Греции (*'gušter, 'guštar, 'gušt'ar* и др.).

Лексема *G//uščEr-ic-a* представлена небольшим островным ареалом на западе Словении, включая приграничные говоры на территории Италии (*kù:šč'erca, klušterca, kù:ščerca* и др.); латеральным ареалом в хорватских говорах, который тянется узкой полосой вдоль Адриатического моря (*'kuštariča, 'kušterica, 'kuščerica* и др.); дисперсным ареалом в боснийских говорах (*gùščerica, gùšterica*); в сербских говорах на территории Черногории, где она употребляется параллельно с лексемой *guščer-ь* (*'gušterica, gùšterica*). На болгарской диалектной территории данная лексема фиксируется только в одном западном и одном юго-восточном говоре.

Среди диалектов западнославянской и восточнославянской языковых групп наиболее частотна лексема //ašČER-ък-а, которая равномерно покрывает диалектную территорию Чехии (*ješterka, jiščerka, jaščurka* и др.), восточные говоры Словакии (*jaščurka, jaš'č'urka, jaščurka*), всю польскую диалектную территорию (*jaščorka, ješčurka, jašcurka* и др.); составляет принадлежность большинства говоров Беларуси (*'jačšurka, 'jaščerkə, jaščurka* и др.); фиксируется во всех говорах Украины (*'jaščurka, 'jaščerka, 'jaščarka* и др.); на территории русских говоров представляет латеральный ареал, который тянется с севера на юг вдоль восточных границ Беларуси и Украины (*'jaš:ərka, 'jaš:yrka, 'jaš':irka* и др.), а также островной ареал, охватывающий говоры северного наречия и среднерусские говоры (*'jaš':erka* — ладого-тихвинские, *'jaš:orka* — вологодские, *'jašurka* — новгородские).

Лексема //ašČER-ic-а свойственна большинству западных и центральных словацких говоров, включая говоры на территории Венгрии (*jaščerica, jašterica*); образует небольшой латеральный ареал вдоль побережья Балтийского моря на севере Польши (*jaščurica, vāš'čēřāca, vješ'čāřāca*) и незначительный островной ареал на западе Беларуси (*'jaščuryca, 'jaščaryca, 'jaščaraca*); представлена в большинстве русских говоров на территории северного и южного наречий и среднерусских говоров (*'jašer'ica, 'jač'ir'ica, 'jaš:er'ica* и др.).

Остальные лексемы, распространенные в различных славянских диалектах, имеют, как правило, небольшие или даже микроареалы.

Разделение Славии по линии север — юг просматривается и на ряде других карт лексико-словообразовательной серии ОЛА: север *sz-čest-ъj-e* ~ юг *sz-rę-t-j-a*, *sz-rě-t-j-a* (вып. 10 «Народные обычаи»); север *baran-ъ* ~ юг *ov-ъп-ъ* (вып. 2 «Животноводство»); север *sos-ъj-a* ~ юг *bog-ъ* (вып. 3 «Растительный мир») и др. Тогда как противопоставление по линии запад — восток практически не прослеживается. И эта ареальная картина, по мнению Т. И. Вендиной, заставляет по-новому взглянуть на проблему эволюции праславянской языковой общности, в частности на первоначальное разделение ее на западную и восточную группы [Бернштейн 1961: 68].

«Наличие обширных ареалов, локализующихся в северной Славии и противопоставляющих северную Славия южной, — пишет

Т. И. Вендина, — невольно наталкивает на мысль о существовании в позднеславянский период восточно-западнославянского единства, в рамках которого протекали совместные языковые процессы» [Вендина 2023: 134–135].

На лексических и лексико-словообразовательных картах ОЛА представлено не только пространственное распределение лексических единиц на территории Славии, но и отражаются различные уровни их временной принадлежности. М. А. Бородина писала: «На лингвистической карте, являющейся как бы фотоснимком синхронного среза, проецируются все периоды истории языка, вплоть до самых отдаленных эпох» [Бородина 1966: 9].

Так, на анализируемой карте можно выделить хронологический слой, свидетельствующий о достаточно хорошо сохранившихся фрагментах праславянской древности. Это лексемы // аšĉег-ъ (*jašcer* — л., *jasc^{or}* — п., *'jaščyr* — бр., *'jaš'ir* — р.) и G// ušĉег-ъ (*kú:šĉ'er* — слн., *'gušĉer* — х., *gùšĉe:r* — бсн., *gùšte:r* — с., *gušĉer* — м., *'gušter* — бг.), имеющие индоевропейские соответствия.

Ко второму слою относятся новообразования эпохи самостоятельного развития славянских диалектов, о чем говорит прежде всего вторичный характер структуры этих лексем, являющихся производными не только второй, но и последующих ступеней производности, что само по себе доказывает их позднее образование: // аšĉег-иĉ-ьк-а (*jašĉeriĉka* — слц., *jaš' :əɾəĉ'kə* — р.); // аšĉег-ов-иĉ-а (*'ješĉ'erov'ic'a* — р.); верт-ен-иĉ-а (*v'ir't'i'n'ica* — р.); верт-ен-иx-а (*v'er'et'e'n'ixa* — р.); верт-ьл-ьн-иĉ-а (*vere't'il'nyc'a* — ук., *'v'er'et'el'n'ica* — р.); куš-ьн-ь=ал-ьк (*kù:šnao:k* — бсн.); děž-ьв-ен-ал-ьк-ъ (*džveňao:k* — бсн.). К этому же слою относятся и иноязычные заимствования, которые оформлялись с использованием продуктивных славянских словообразовательных моделей: (žizel)-ь=ух-а (*žyže'l'uxa* — р.) — из финно-угорск.; (ajdeĉ)-ьк-а (*'ajdeĉka* — п.) — от нем. Eidechse ‘ящерица’; (martin)-ьĉ-ьк-ъ (*mar'ti:nĉək* — слн.) — от лат. Martinus.

Итак, рассмотренный материал наглядно показывает, что карты ОЛА содержат в себе многоуровневую языковую информацию. Лингвистическая карта — это довольно «специфический текст, несущий большой объем разноплановых языковых сведений, зачастую не только не известных ранее из других источников ин-

формации, но и противоречащих устоявшимся языковедческим стереотипам и постулатам» [Гриценко 2004: 86].

Разделение славянской диалектной территории по линии север — юг, представленное не только на анализируемой карте, но и на целом ряде карт лексико-словообразовательной серии ОЛА, дает основание по-новому взглянуть на проблему эволюции праславянской языковой общности, в частности на первоначальное разделение ее на западную и восточную группы, а также выдвинуть предположение о существовании в позднепраславянский период восточно-западнославянского единства, в рамках которого протекали совместные языковые процессы.

«Карта, являясь пространственной проекцией элементов языковой системы диалектов, позволяет исследователю описать формирование диалектных различий в их исторической перспективе, поскольку фактор пространства всегда неразрывно связан с фактором времени... Это, соответственно, означает возможность стратификации диалектного материала в пространственно-временном аспекте, разграничения архаизмов и инноваций, определения центров иррадиации новых явлений» [Вендина 2014: 11].

ЛИТЕРАТУРА

- Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.
- Бородина М. А.* Проблемы лингвистической географии. М., 1966.
- Вендина Т. И.* Типология лексических ареалов Славии. М.-СПб., 2014.
- Вендина Т. И.* Онтология лингвистической карты. М.-СПб., 2023.
- Гриценко П. Е.* Об интерпретации лингвистических карт // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 2004.
- Общеславянский лингвистический атлас. Вступительный выпуск. Общие принципы. Справочные материалы. М., 1978.
- Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 1. Животный мир / Гл. ред. Р. И. Аванесов. М., 1988.
- Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Болгарские материалы. М.-СПб., 2013.
- Этимологический словарь славянских языков. М., 1974–. Т. 1–.
-

Р. В. Ронько

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

А. Д. Анисимов, Е. А. Заливина, С. А. Землянская
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)

Лексика Программы ДАРЯ в деревнях Западнодвинского района Тверской области: микродиахронический анализ

Доклад посвящён изучению лексического строя говора деревень Макеево, Шетнево и Степаньково Западнодвинского района Тверской области (Среднерусские акающие говоры, Псковская группа). В нашем распоряжении есть данные двух временных срезов: сведения, собранные по Программе (далее [Программа 1947]) сбора материалов для Диалектологического атласа русского языка [ДАРЯ, III] в Западнодвинском р-не в 1952 г. и полевые материалы, полученные в экспедициях в 2021–2024 гг. Основная цель работы — детально описать процесс сохранения и утраты лексем, попавших в Программу сбора материалов для ДАРЯ. В исследовании мы представляем модель утраты разных лексем, анализируем сохранность их в речи разных информантов и оцениваем разные лексемы по шкале витальности, которая будет описана ниже.

Основным методом исследования стал устный опрос по Программе ДАРЯ, которая содержит 153 вопроса по лексике. Для исследования были отобраны 84 вопроса Программы. Основными параметрами отбора вопросов стали наличие карт ДАРЯ и наличие данных по ближайшим населённым пунктам. В БД ДАРЯ содержатся сведения об исследуемой лексике в дд. Осташково, Поляки, Тарасиха и Семёновское Западнодвинского р-на Тверской обл., собранные в 1952 г. Жители этих деревень были носителями почти идентичного говора. Деревня Осташково, которая в настоящее время не сохранилась, находилась в километре от западного края д. Шетнево и входила в изучаемый куст деревень. Остальные деревни располагаются в радиусе 20 километров от д. Макеево.

На первом этапе исследования мы сравниваем списки полученных лексем из двух временных срезов и анализируем, какие из диалектных лексем утрачены. На втором этапе была произведена оценка сохранности лексем. Мы использовали шкалу витальности, которая состоит из четырех стадий. Интервью с информантами строилось следующим образом.

А. Словоформа искомой лексемы получена в результате разговора на заданную тему. Так, с целью получить слово *прівязь* ('цеп), интервьюер начинал разговор на широкую тему «сельское хозяйство», стараясь избегать прямых вопросов, например: «Как у вас называется орудие для обмолота?». Тексты на «заданные темы» содержатся в том числе в корпусе говоров дд. Шетнево и Макеево [Ронько и др. 2021–2023], некоторые примеры, приведенные в статье, также содержатся в данном корпусе.

Б. Словоформа искомой лексемы получена в ответе на прямой вопрос: «А чем раньше молотили?».

В. В том случае, если ответ на вопрос не получен, интервьюер произносит слово сам. Информант либо вспоминает его, тогда мы предполагаем, что оно есть у информанта в пассивном запасе, либо не узнает, тогда мы считаем, что слово отсутствует в идиолекте информанта. Таким образом, шкала витальности выглядит следующим образом:

1. Информанты употребляют нужное слово без специального вопроса.
2. Информанты употребляют нужное слово при ответе на специальный вопрос.
3. Информанты узнают лексему, после того как интервьюер ее произнес.
4. Информанты не узнают лексему, после того как интервьюер ее произнес.

Разные лексемы находятся на разных стадиях сохранности, утрате подвергаются не только лексемы, обозначающие ушедшие реалии, но и лексемы, обозначающие реалии вполне живые (например, *мост* 'пол'). При этом процесс утраты происходит медленно, большая часть исследованных лексем до сих пор сохраняется в говоре, хоть и на разных стадиях витальности.

ЛИТЕРАТУРА

Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947.

- БДДАРЯ—I.A.Marchenko,O.N.Dolgov,A.S.Azanova,M.S.Zambrzhitskaya, E. A. Zalivina, S. A. Zemlyanskaya, D. I. Mochul'skij, E. I. Tsejtina, D. G. Chistyakova, R. V. Ron'ko. Database of the Dialectological Atlas of the Russian Language. Accessed April 29, 2024. <https://da.ruslang.ru/>
- ДАРЯ, III — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР / Под ред. Аванесов Р. И., Бромлей С. В. Вып. III: Лексика. Карты. М.: Наука, 1997.
- Ронько Р. В., Азанова А. С., Бутенко З. А., Замбржицкая М. С, Марченко И. А., Мочульский Д. И, Цейтин Е. И., Волошина Е. Ю.* Корпус деревень Шетнево и Макеево 2022, Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

А. Е. Рулева

Национальный исследовательский
Томский государственный университет
(Томск, Россия)

Модальный модификатор 'мочь' как показатель потенциальной модальности: корпусное исследование¹

Язык — средство для выражения человеческих мыслей, которое помогает обрабатывать получаемую информацию и излагать ее в виде понятий. Модальность способствует передаче субъективного образа мира, наличествующего в сознании и восприятии человека. Категория модальности в широком смысле связана с различными уровнями бытия; отсюда ее центральное место как в онтологии, так и в эпистемологии. Важно отметить трудность разграничения и интерпретации таких понятий как 'модус' и 'модальность'. Работы русских ученых показывают, что 'модус' и 'модальность' — понятия, так и не нашедшие четкой дифференциации в отечественном языкознании. В теоретических концепциях исследователей разных времен обнаруживаются сходства и различия, вкладываемые в сущность этих терминов, что, на наш взгляд, связывается с неравномерным охватом исследуемых явлений, а также с субъективностью взглядов на содержательную сторону этих понятий. Первоначально выделение двух семантически значимых компонентов

---

¹ Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042

в составе высказывания — диктума (соотносится с процессом, «образующим представление») и модуса (соотносится «операции, производимой мыслящим субъектом») — было сделано швейцарским лингвистом Ш. Балли. Модус, который формируется главным образом с помощью модальных слов, рассматривается исследователем как доминанта высказывания [Балли 1955: 44]. Следует отметить, что в отечественной лингвистике более распространен термин 'модальность'.

Предметом настоящего исследования является потенциальная модальность, реализуемая в диалектной коммуникации. В работе анализируются модальный модификатор *мочь* и контекст его функционирования на материале текстов Лаборатории общей и сибирской лексикографии (<https://losl.tsu.ru/>). Томский диалектный корпус как электронный ресурс оптимизирует процесс работы с диалектным материалом. В нем представлено свыше четырех тысяч текстов, собираемых с 1946 года по настоящее время. Лингвистика как наука постоянно развивается, изучая все больший спектр проблем и явлений языковой действительности. Именно изучение русских диалектов является одной из приоритетных задач современной лингвистики. Современная диалектология приходит к осмыслению диалектной речи как особого типа дискурса, а диалекта как особого культурно-коммуникативного образования [Крючкова 2016: 134]. Работа включена в исследования современной коммуникативной лингвистики. Целью настоящего исследования является попытка рассмотреть модальный модификатор *мочь* на диалектном материале, выявить разновидности и условия его реализации. В анализируемой выборке Томского диалектного корпуса содержится более пяти тысяч употреблений, включающих пропозицию возможности с помощью модального модификатора *мочь*.

Модальный модификатор *мочь* — один из маркеров потенциальной модальности. В словаре «Лексические минимумы современного русского языка» [Морковкин 1985: 608] глагол *мочь* входит в первый градуальный минимум (пятьсот самых употребительных слов в русском языке). В соответствии с данными словаря МАС лексическое значение слова *мочь* в позиции сказуемого представляет семемы 'возможности, способности, вероятности какого-либо действия' [МАС: 131].

В диалектных текстах чаще всего модус возможности связывается со способностью что-либо сделать. Наивысшую степень

вероятности совершения действия выражает глагол *смочь*, являющийся видовой парой глагола *мочь*: *И кабы я **смогла**, я бы поехала к прокурору, и <нагорела> б им как следоват*. В ходе анализа были выявлены различные модальные оттенки: 1) возможность: *А с самого детства работать надо было, семья большая была. **Могли** косить — косили. Косили, гребли. Крестьянством занимались*; 2) потенциальная возможность: *Старось, слабость, хоть бы и не болела; И внуча'т опять же много, вот и шью им одёжки, пока **могу**. Глаза почти не ви'дют; *Может, слышыли, что он бедный или, может быть, что ль то. Или, может, по одёже раньше так*; 3) невозможность: *Работала всё. А теперь **не могу** я*. Чаще в корпусе встречаются примеры, в которых говорится о физической возможности или невозможности совершить действие.*

Таким образом, модальный модификатор *мочь*, универсальный и часто употребляемый элемент в речи носителей диалекта, формирует потенциальную модальность, которая способствует актуализации говорящим информации, с помощью которой он выражает мысль о своей способности или возможности что-либо делать. Модальным субъектом в рассматриваемых высказываниях чаще выступает сам информант, который может как совпадать, так и не совпадать с субъектом предиката. При несовпадении субъект предиката — конкретное лицо: близкий родственник, хороший знакомый или сосед. Также в примерах встречается обобщенный субъект. В таких высказываниях модальный субъект обозначен именем со значением обобщенности: *люди* (говорят), *бабы* (сказывают), *народ* (говорит), что отражает тенденцию к передаче коллективного обобщенного знания. Корпусное исследование показало, что в речи диалектоносителей превалирует отрицательная формула модификатора (более 85%). На реализацию или нереализацию потенциальной ситуации лексемой *мочь* оказывают влияние такие условия, как жизненные ситуации, физическое состояние субъекта, особенности характера, владение информацией, социальное положение, отношения окружающих к ситуации, традиции, внутренние потенции субъекта модальности.

ЛИТЕРАТУРА

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
Корпус диалектных текстов Лаборатории общей и сибирской лексикографии Томского государственного университета / URL: <http://losl.tsu.ru/>

Крючкова О. Ю. Коммуникативные свойства диалектной речи и специфика диалектного текстового корпуса / О. Ю. Крючкова, В. Е. Гольдин // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 9–10 (113). С. 133–138.

Морковкин В. В. Лексические минимумы современного русского языка. М., 1985.

Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. РАН, Ин-т лингвистических исследований. М., 1999.

И. И. Русинова, Ю. А. Шкуратов

Институт гуманитарных исследований
Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН
(Пермь, Россия)

Коми-пермяцкие заимствования в говорах Юрлинского района Пермского края¹

Проблема культурно-языкового взаимодействия русских с автохтонными народами является важной задачей многих гуманитарных наук, в том числе диалектной лексикологии. Значительный интерес для исследователей представляет коми-пермяцко-русское взаимодействие.

На территории Коми-Пермяцкого автономного округа (КПО) исторически соседствуют русские и коми-пермяки. Самую большую компактную группу русских КПО составляет русское население Юрлинского района (около 9 тысяч человек). Русских этой территории принято считать особой этнографической группой в иноэтническом окружении — юрлинцами [Власова 1995; Чагин 1995]. Важными факторами, способствовавшими образованию «русского ареала», были компактное расселение русских, слабые связи с основным массивом русских Прикамья, иноэтническое окружение, приверженность старообрядчеству [СРГКПО: 11, 14].

Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Пермского края изучались разными исследователями: А. С. Кривошековой-Гантман, Е. Н. Поляковой, Р. В. Гайдамашко, Ю. В. Зверевой, авторами тезисов и др. учеными.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФ, проект № 24-18-20015 «Коми-пермяки в языковом и этнокультурном пространстве Прикамья» (Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН).

Источниками лексических единиц для исследования стали полевые материалы диалектологических экспедиций авторов и других ученых ПГНИУ в Юрлинский район КПО, картотека «Словаря русских говоров севера Пермского края», «Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа» и др.

Можно выделить основные тематические группы лексики, пришедшей в юрлинские говоры из коми-пермяцкого языка.

1. «Растительный мир»: *йжман* ‘жимолость’ [КСРГСПК], ср. кп. *ижман*, *ыжман* ‘жимолость (кустарник и ягоды)’ [КПРС: 153, 578], *козоль* ‘незрелые красноватые еловые шишечки’ [СРГКПО: 122], *козолька* ‘молодая еловая шишка’, *сосновья козоль* ‘молодая сосновая шишка’ [КСРГСПК], ср. кп. *козоль* ‘весенние побеги на ели’, *көз* ‘ель’, ‘елка’ [КПРС: 178, 191], *миндуль* ‘гриб валуй’ [КСРГСПК], *миндуль* ‘гриб кульбик’ [СРГКПО: 149], ср. кп. *ниндуль* ‘валуй (гриб)’ [КПРС: 274], *мумра* ‘травянистое растение семейства зонтичных борщевик дикий (*Heracleum sphondylium* L.)’ [СРГКПО: 152], *мымра* ‘зонтичное растение (какое?)’ [КСРГСПК] ср. кп. *омра* ‘дягиль, дудник’, *умра* ‘дягиль’ [КПРС: 293, 513], *туган* ‘молодые побеги сосны, используемые в народной медицине’ [СРГКПО: 241], ср. кп. *туган* ‘весенний побег молодой сосны’ [КПРС: 491].

2. Животный мир: *арочка*, *арчик* ‘рыба голянь’ [КСРГСПК], *ар*, *арик* ‘мелкая речная рыба’ [СРГКПО: 43], ср. кп. *ар* ‘голянь’ [КПРС: 19], *дзелька*, *дзелька* ‘молодая овца’ [СРГКПО: 87], ср. кп. *дзель* ‘ягненок (чаще о самочке)’ [КПРС: 119], *каньгать* ‘кричать, мяукать’, ‘хныкать, капризничать’ [СРГКПО: 116], ср. кп. *кань* ‘кошка’, *каньгыны* ‘хныкать’ [КПРС: 164], *кичан* ‘кобель’ [СРГКПО: 120], ср. кп. *кычан* ‘щенок’ [КПРС: 216], *леля* ‘улитка’ [СРГКПО: 137], ср. кп. *лель* ‘улитка, слизняк’ [КПРС: 222], *чиболька* ‘жеребенок’ [КСРГСПК], ср. кп. *чиби*, *чибу* ‘жеребенок’, дет. ‘лошадка’ [КПРС: 534].

3. Человек: *вежань*, *вежанька*, *везанька* ‘крестная мать’ [СРГКПО: 59], ср. кп. *вежань* ‘крестная мать’ [КПРС: 60], *кага* ‘ребенок’ [КСРГСПК], *кагочка*, *какочка* ‘маленький ребенок’ [СРГКПО: 115], ср. кп. *кага* ‘ребенок’, ‘младенец, дитя’ [КПРС: 161], *корыся* ‘неодобрительно о человеке’ [СРГКПО: 127], ср. кп. *корысь* ‘просящий, требующий’, ‘нищий’ [КПРС: 185], *номырь*, *номорята* ‘дети’ [КСРГСПК], *номырь*, *номорята*, *номырята* ‘собирает о маленьких детях’ [СРГКПО: 163–164], ср. кп. *номырь* ‘червь,

червяк; черви (в разлагающихся организмах)’, ‘скопление мелких насекомых’, ‘(перен.) выводок, множество детей’ [КПРС: 277].

4. Лексика, восходящая к кп. глаголам звукоподражательного происхождения: *гургать* ‘урчать’ [СРГКПО: 81], ср. кп. *гур-гур* ‘подражание урчанию, тарахтению, гудению’, *гургыны* ‘урчать, гудеть, тарахтеть’ [КПРС: 110], *гурскать* ‘скрипеть зубами’ [СРГКПО: 81], ср. кп. *гырс-гурс*, *гурскыны* ‘грызть, разгрызть’ [КПРС: 113].

5. Другие группы: *баксань* ‘плесень’ [КСРГСПК], *бакса́*, *баксы́на* ‘плесень’, *бакса́ть*, *баксе́ть* ‘покрываться плесенью’ [СРГКПО: 45], ср. кп. *баг* ‘плесень’, *багсы́ны* ‘покрываться плесенью’ [КПРС: 23, 24], *ва́чканы*, мн. ‘тумаки, побои’ [СРГКПО: 59], ср. кп. *вачка́н* (прич. от *ва́чкыны* ‘ударить, стукнуть’) [КПРС: 57], *э́лтыш* ‘обрубок, кусок дерева’ [СРГКПО: 95], ср. кп. *э́лтыш* ‘колода, кругляк, чурбан, короткий обрубок дерева’ [КПРС: 138], *тупо́ська* ‘творожная запеканка’ [КСРГСПК], *тупо́ска*, *тупо́ська*, *тупо́шька* ‘творожная запеканка, оладья (без крупы)’ [СРГКПО: 242], ср. кп. *тупо́сь*, *тупо́ська* ‘булочка, плюшка’ [КПРС: 494], *черешла́н*, *черешла́нг* ‘вид гадания’ [КСРГСПК], ср. кп. *черо́шлан* ‘способ народного гадания’ [КПРС: 533].

В результате исследования авторы пришли к следующим выводам: чаще всего заимствуется лексика, активно используемая диалектоносителями в бытовом общении и связанная с природным и социальным окружением людей; часть коми-пермяцких слов сохраняется в русских говорах в неизменном виде (*ар*, *кага*, *туган*); у каких-то единиц обнаруживается фонетическое варьирование (*миндуль*, *номырь*, *номорята*) или более серьезное фонетическое и структурное изменение, в том числе под влиянием русских корней (*черешланг*); у некоторых лексем при морфологическом оформлении могут быть использованы русские аффиксы — как просто предметные, так и суффиксы субъективной оценки: *-ик-*, *-очк-*, *-чик-*, *-к-* (*арик*, *арочка*, *арчик*, *козолька*) или суффикс мн. числа *-ят-* (*номорята*, *номырята*); для уточнения похожей реалии может использоваться русское дифференцирующее прилагательное (*сосновая козоль*).

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- Власова И. В. К изучению этнографических групп русских (юрлинцы) // Наш край. Кудымкар, 1995. Вып. 7. С. 58–65.
 КПРС — Коми-пермяцко-русский словарь / авт.-состав. Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман. М., 1985. 624 с.

КСРГСПК — Картотека «Словаря русских говоров севера Пермского края», хранящаяся на кафедре теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета.

СРГКПО — Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2006. 272 с.

Чагин Г. Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI — первой половине XIX в. Пермь. 1995. С. 80–81.

Д. М. Савинов

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

Редукция гласных до нуля в южнорусских говорах и ее лексикографическое представление

Доклад посвящен сопоставительному анализу редукции безударных гласных до нуля в восточных и западных южнорусских говорах, а также отражению этого явления в лексикографической практике. Территориальные варианты русского языка значительно отличаются типами ритмической структуры фонетического слова. В южнорусских говорах представлены два основных ритмических контура: для юго-восточных говоров, как и для русского литературного языка, характерен контур «сильный центр и слабая периферия»; в юго-западных говорах распространена иная ритмическая структура фонетического слова, предполагающая позиционное чередование в 1-м п/у «сильных» и «слабых» слогов в зависимости от качества ударного гласного. «Сила» слога в конкретной системе непосредственно влияет на характеристики образующего его гласного звука, в том числе предопределяет степень редукции безударных гласных — вплоть до их полной утраты.

Анализ диалектного материала свидетельствует о том, что диереза безударных гласных в юго-восточных говорах чаще встречается в позиции 2-го п/у слога. Наиболее благоприятной для редукции безударного гласного в юго-западных говорах оказывается позиция 1-го п/у слога перед аллофонами /a/ (при архаических типах также перед аллофонами /e/ и /o/), прежде всего — в сочетании с сонорными согласными.

Подавляющее большинство диалектных примеров с полной редукцией безударных гласных носит чисто фонетический по-

зиционный характер, а факты произношения с диерезой обычно сосуществуют по говорам с произношением [э]. Иногда в диалектных системах происходит лексикализация произношения с диерезой гласного, то есть изменение фонемного состава слова, что дает основание помещать подобные примеры в диалектные словари как отдельные лексические единицы.

Как показал анализ, лексикографическое представление случаев диерезы гласных в диалектных словарях не всегда последовательно и нуждается в значительной корректировке. Во-первых, не всегда ясны критерии, которыми руководствуются авторы при принятии решения о лексикализации того или иного диалектного произношения; во-вторых, неочевидны и графические принципы фиксации конкретных диалектных слов.

Авторам словарей необходимо четко различать, с одной стороны, лексическую прикрепленность диерезы гласного к конкретному слову или морфеме, с другой — собственно лексикализацию произношения без гласного. Чаще всего лексикографы понимают лексикализацию слишком широко и включают в диалектные словари варианты, указывающие лишь на лексическую прикрепленность эпентезы, а не собственно лексикализованные примеры. Однако подобный подход нельзя признать оправданным: лексикализация — это не просто лексическое ограничение, наложенное на реализацию какой-либо фонетической черты, а системное языковое изменение, в результате которого либо происходит фонематически значимое преобразование, либо появляется новая языковая единица.

Иначе говоря, только утрата позиционной обусловленности диерезы гласного, исчезновение вариативности произношения и, как следствие, изменение фонемного состава дает основание констатировать лексикализацию соответствующего произношения и оправдывает особое графическое оформление слова, его включение в диалектный словарь в качестве отдельной словарной статьи. Этому способствует неподвижное ударение при формообразовании, а также отсутствие аналогии с родственными словами, имеющими ударение на другом гласном. На лексикализацию указывают и некоторые парадигматические изменения типа *бо[рн]о́ватъ* → *бо[рн]у́ю* или *ве[рт]енó* → *ве[рт]éнья*, не обусловленные фонетическими причинами.

М. Е. Солодягина

Вологодский государственный университет
(Вологда, Россия)

Языковая личность уроженца вологодской деревни: опыт описания речевого портрета на материале рукописного архива

Работа продолжает ряд исследований феномена региональной языковой личности. В центре нашего внимания находится рукописный архив Василия Ардальоновича Морозова (1904–1970). Автор, уроженец северной деревни, в преклонные годы испытывал потребность описания истории своей семьи, на основе текстов его воспоминаний создается речевой портрет языковой личности переходного типа с преобладающим в ней региональным компонентом. Региональная идентичность, вербализуемая в текстах В. А. Морозова, составляет основу для проявления всех других видов идентичности автора: персональной, семейно-клановой, гендерной, национальной, политической, конфессиональной и пр.

Речевая основа рукописей В. А. Морозова сочетает в себе признаки разговорно-бытового и производственно-ремесленного подстилей родного говора, а также черты пространственно не локализованного бытового просторечия, канцелярского подстиля официально-делового стиля литературного языка, политической публицистики и художественной речи, образцами для подражания в которой были знакомые автору произведения детективной литературы и беллетристики конца XIX — начала XX века, упоминаемые автором на страницах своих воспоминаний. Многочисленные нарушения норм графики, орфографии и пунктуации в текстах рукописного архива свидетельствуют как о недостаточности регулярного образования автора, так и о поисках более действенных средств структурирования текста и выражения авторской интонации. Профессиональные особенности речи В. А. Морозова (счетовод, бухгалтер, начальник снабжения и пр.) проявляются в текстах рукописного архива на уровне выбора лексических единиц, синтакматики речи и графического структурирования отдельных текстовых фрагментов.

Языковая личность В. А. Морозова реконструируется по текстам его биографического очерка *«Памятка о прожитом»*, приключенческой повести *«Баржа № 13. Навигационные происше-*

ствия 1918–1919 г.»² и описанию народных частушек «*Девичьи песни времен 1900–1927 года молодежи дараватского сельсовета Кожуховской Волости*». Социальное положение старшего мужчины, главы большой семьи определяет потребность В. А. Морозова воспроизвести на бумаге историю своего рода («Памятка о прошлом»), тогда как в биографической повести и в практике собирания и исполнения народных частушек находит отражение стремление автора к лингвокреативной деятельности.

Таким образом, исследуемый нами рукописный архив позволяет реконструировать вербально-семантический, когнитивный и прагматический уровни языковой личности В. А. Морозова, функциональной доминантой коммуникативно-речевого портрета которой является региональная составляющая. Автор текстов являет собой тип севернорусской языковой личности в сочетании с профессионально детерминированными чертами, а также социокультурными гендерно маркированными характеристиками и стремлением к лингвокреативной деятельности в практике наивного сочинительства.

А. Д. Ставрова

Национальный исследовательский
Томский государственный университет
(Томск, Россия)

Слот «средство лечения» и его вербализация в диалектной речи (на материале русских говоров Среднего Приобья)¹

В настоящее время большое внимание в исследовательских практиках уделяется изучению региональной культуры и культуры сибирского региона в частности. Одним из актуальных направлений изучения является исследование ключевых для культуры концептов, одним из которых в русской и сибирской лингвокультуре выступает концепт «болезнь». При этом обращение к концепту на

---

² Здесь и далее в цитатах сохраняется орфография и пунктуация источника.

¹ Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042

материале среднеобских говоров позволяет не только внести вклад в изучение фрагмента языковой картины мира сибирского старожила, но и проследить трансформацию когнитивной и «культурной» памяти диалектного слова, представляющую собой «осадок культурной жизни разных эпох» [Яковлева 1988: 49] и отраженную в слове. В связи со спецификой историко-культурных, политических, социальных событий XX–XXI вв. актуальным является вопрос о характере трансформации представлений о болезни и ее лечении, отраженных в речи диалектоносителей.

Материалом исследования служат записи устной речи носителей среднеобских говоров, собранные в период с 1940-х по 2023 г. и хранящиеся в Томском диалектном корпусе Лаборатории общей и сибирской лексикографии Томского государственного университета [<http://losl.tsu.ru/corpus>]. В настоящей работе проанализировано около 550 контекстов.

Для определения специфики представлений диалектоносителей о болезни используется метод фреймового моделирования, позволяющий выделить структурообразующие компоненты концепта. Наглядная демонстрация представлений о болезни, бытующих в сибирских селах, может быть проведена на примере анализа слота «средство лечения»: он включает в себя такие разнохарактерные способы лечения, как использование целебных растений и ягод, обращение к знахарю, проведение очищающих обрядов, чтение молитв, применение профилактических мер, обращение за медицинской помощью, прием лекарств.

Существование в народной культуре большого количества способов борьбы с болезнью обуславливает наличие совершенно противоположных взглядов на один и тот же метод лечения как в пределах одной эпохи, так и в хронологии.

В следующих высказываниях отражаются отношения к традиционным и современным средствам лечения болезней, прослеживается, с одной стороны, освоение новых реалий и их осмысление, и, с другой стороны, устойчивость существующих представлений: *Е'слив человек заболел, то старухи пошепчут, рука'м помашут и здоров будешь. Это счас фе'ршалы вся'ки, а тогда не было их / Есть травы лечебны: ромашка, шиш'по'вник, мо'чка берёзова, смородина <...> Всё лекарство с травы (1962) / Больниц-то не было, вот и приходилось травками всякими раны залечивать (1967) / Способов лечения, говорите? Нет, никаких и не знал, и не знаю щас вовсе.*

Я хромой-то хром был, а телом дак здоров — к врачам или бабкам обращаться не надо мне было (1974) / Раньше ведь много трав знали, заместо лекарствов пили и хорошо помогало, а щас забыли про всё. Вот, знай, таблетки эти глотают, а старые люди знают, чё пить от желудка и от живота, вообще без таблеток (1978) / Вот дочь у меня напугалась, ма'ленька была, так врачи тогда испуг-то не лечили, а бабушка заговорила. Сейчас-то вот мало их осталось, а молодые не умеют, да и врачи вон тоже не всегда помогут (1979) / Травам не верю никаким. Ничему не помогают. Пока на нож не попадёшь, как попадёшь, ож [операция] вылечит (1982) / Она шибко хорошо [лечит], мочка берёзовая. Мы ж в деревне выросли, мы ж травы-то знаем (1984).

Особое место в системе представлений сибирского старожила занимает обрядовое лечение, использование магических действий и слов, восходящее к мифологическому мышлению: *А то как же, и желтуха есть. <...> Её по-другому лечат. Вот ишуку живую надо поймать, бросить в тазик, чтоб плавала, сесть и смотреть. Сиди и смотри, пока ишука вся не пожылте'ет. Как пожелтеет, эт значит болезнь из человека ушла, ишука её с собой унесла (1977).* В приведенном примере вода играет роль проводника болезни от тела человека к телу рыбы, активизирующегося направленным взглядом информанта.

Примечательна трансформация функционирования молитвы в ситуации лечения: болезнь осмысляется как существо более сильного порядка, чем человек, поэтому носитель народной культуры обращается за помощью к еще более могущественной силе с просьбой защитит его. В отличие от обрядового слова, молитва не требует от говорящего обладания даром исцеления или специфических способностей, в связи с чем человек может провести «ритуал очищения» самостоятельно, сочетая христианскую молитву с обрядовым действием: *Я вот уже поняла по жизни, что такое сглаз. Это страшная вещь. <...> Вот последний раз ко мне мама лечила. [Как лечила?] Ну, тоже, читала «Богородицу». Вот ещё расскажу чё: она берёт... <...> Угле'й нету. Вот печка топится, да, угли горячие, красные. Она их бросает в стакан с водой — они камнем падают на дно. Они ж плавать должны. А они камнем падают на дно. Если человек сглажен. Я сама это видела, не один раз. И она читает, я у неё спрашиваю, чё, она говорит: я просто прочитаю «Богородицу». «Богородицу» читает и всё (2012).*

Таким образом, анализ слота «средство лечения» показывает, что в народной культуре сохраняются и существуют 3 основных способа сопротивления болезни: словесная защита (шепот, молитва, магическое слово), деятельное противостояние (приготовление и принятие лекарства, очищение водой) и их синтез. Особую роль в борьбе с болезнью играет знание диалектоносителя, передаваемое от поколения к поколению и накапливаемое с течением жизни: о болезнях, способах лечения, способах приготовления трав, проведения обрядов и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

- Яковлева Е. С. О понятии «культурная» память в применении к семантике слова // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 43–73.
- Томский диалектный корпус // Лаборатория общей и сибирской лексикографии НИ ТГУ. [Томск], 2016–2024. URL: <http://losl.tsu.ru/corpus> (дата обращения 10.05.2024). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

О. Д. Сурикова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова
(Москва, Россия)

Уральский федеральный университета
(Екатеринбург, Россия)

Диалектное слово сквозь призму корпусной лингвофольклористики: проект словаря «Причитаний Северного края» Е. В. Барсова

Одна из первостепенных задач современной лингвистической антропологии — обеспечить встречное движение лингвофольклористики и системной лексикографии. Такую задачу ставят перед собой авторы этнолингвистических, этнодиалектных и фольклорных словарей (словарей жанра, локальной традиции, отдельного памятника, идиолекта исполнителя), написанных в последние десятилетия, — наиболее яркими примерами являются многотомный «Словарь народных стереотипов и символов» <SSSL> (под ред. Е. Бартминьского), труды представителей курской школы лингвофольклористики (М. А. Бобунова, А. Т. Хроленко, С. П. Праведников и др.), а также такие отдельные издания, как «Русский народный

календарь» (О. В. Моргунова, Ю. А. Кривошапова, К. В. Осипова), «Полесский народный календарь» (С. М. Толстая), «Дом в свадебных причитаниях и духовных стихах: опыт тезаурусного описания» (С. Е. Никитина, Е. Ю. Кукушкина) и др.

В русле этой проблематики находится создание словаря «Причитаний Северного края» — знаменитого сборника обрядовых плачей (похоронных, рекрутских и свадебных), записанных Е. В. Барсовым во второй половине XIX века в Олонецкой губернии от нескольких информанток, главная из которых — ставшая впоследствии знаменитой вопленица И. А. Федосова. Несмотря на то что «Причитания» уже полтора века служат благодатнейшим материалом для разного рода исследований и несмотря на включенность барсовской лексики в лексикографические источники (в частности, в СРНГ), до сих пор остается много нерешенных вопросов, и в частности таких, которые связаны с языком этого памятника. В этом огромном массиве текстов (более 25 тысяч строк) содержится множество языковых явлений (из области лексики, словообразования, морфологии, синтаксиса, морфонологии), которые порой не находят параллелей в других текстах, созданных на русском языке. Неясны значения многих слов, употребляемых в текстах плачей, неочевидны их грамматические свойства, географическое распространение, социолингвистический статус: являются ли они диалектизмами и употребляются свободно — вне фольклорного контекста, или они — принадлежность только языка фольклора (а если так, то привязаны ли жанрово к ламентации или имеют более широкое употребление), или вообще их следует расценивать как часть идиолекта исполнительниц плачей (о роли «личного почина» И. А. Федосовой заговорили уже современники Барсова — Л. Н. Майков и М. К. Азадовский, и проблема уникальности языка плачей Федосовой стоит перед исследователями до сих пор; высказывались даже предложения считать «Причитанья» сборником авторских произведений).

Представляется, что ключ к разрешению этих проблем — в системном подходе: тексты, входящие в сборник, можно исследовать с применением методов корпусной лингвистики. Докладчик совместно с соавтором — акад. С. М. Толстой (Институт славяноведения РАН) — составили полные лексические индексы «Причитаний Северного края» (прямой и обратный индексы всех словоформ в корпусе текстов плачей); на их основе был сформирован словник

«Причитаний», в котором в алфавитном порядке, в начальной форме, с указанием частотности приведены все лексемы, употребляющиеся в этих текстах (индексы и словник размещены в открытом доступе: <https://philology-urgu.ru/ru/nauka/granty/prichitanija-severnogo-kraja-e-v-barsova-materialy-k-slovarju/>).

Эти материалы являются «заготовкой» для создания отдельного словаря «Причитаний Северного края» (на данный момент завершена работа над буквами А–Г; общий объем словарных статей — 7,5 п. л.; в ближайшее время предполагается публикация первых фрагментов словаря). Словарь будет содержать все без исключения лексемы, которые встречаются в сборнике Барсова — и диалектные, и такие, которые имеют статус общенародных слов, и служебные слова (предлоги, союзы и междометия, включая однобуквенные). Важнейшая проблема, которую решает словарь, — проблема верификации множества языковых фактов и решение вопроса об идиолектной природе языка «Причитаний». Уже на первых этапах системной работы с лексическим компендиумом этого памятника становится понятно, что образ И. А. Федосовой как языковорца — один из мифов отечественной фольклористики. Несмотря на практически гапаксный характер многих языковых фактов из «Причитаний» на фоне общей фольклорной традиции, они являются частью стройной (эко)системы в пределах памятника и, как правило, имеют сильные синтагматические и парадигматические связи и регулярную изменяемость.

В словаре «Причитаний» огромный массив текстов, вызывающих столько сомнений у исследователей, предстанет в системном виде — как язык севернорусской (олонецкой) плачевой традиции, с одной стороны, а с другой — как реконструкция заонежского диалекта — начиная с морфемики, заканчивая синтаксисом и лексическим составом (в том числе соотношением лексических пластов, принадлежащих разным идиомам — общенародному языку и диалектной речи). Это напоминает лексикографические проекты, посвященные говору одной деревни, одной семьи и пр., но только барсовский компендиум имеет уникальную особенность — он как бы «опрокинут» в диахронию: он должен фиксировать состояние локального говора в середине XIX в., до усиления процессов эрозии, которым подверглись говоры в XX в.

А. В. Тер-Аванесова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

К характеристике восточнорусской акцентуации прилагательных (на материале современных говоров)

При анализе акцентуации прилагательных необходимо различать полные и краткие формы. Последние выступают преимущественно в предикативной функции, поэтому у них обычно представлены только формы И. п. м., ж., ср. р. ед. и мн. числа. Атрибутивные употребления кратких прилагательных сохраняются в устойчивых сочетаниях, например, *кра́йи б'эль св'ётъ*; *б'эль св'ётъ н'е в'идáл'и*; *с'ер'ид' б'эль д'н'á* и под., в названиях праздников: *В'ал'и́к д'ен'* 'Пасха'; а также в фольклорных текстах. Формы косвенных падежей кратких прилагательных сохранились в составе наречий типа *сп'эрвá*, *см'олоду*, *помн'огу*. Учитываются случаи транспозиции кратких прилагательных: междометие *здор'ово* 'здравствуй', существительное *нищ* 'нищий'. Вместе с акцентуацией кратких прилагательных обычно рассматривается акцентуация наречий на -о.

Праславянская реконструкция ударения непроезвонных и произвонных адъективных основ предложена [Дыбо 1981]. Акцентуация прилагательных в современном русском лит. языке и в памятниках XIV–XVII вв. детально изучена [Зализняк 1985; 2019]; инновации и архаизмы в этой акцентуации противопоставляют восточную и западную диалектные зоны русского языка.

В работе приводится более или менее детальный материал говора — с. Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл. (Рог.), демонстрирующий восточнорусский тип акцентуации прилагательных с некоторыми отклонениями.

1. В Рог. исконные акцентные кривые *b*, *c* сохраняются у небольшой части кратких прилагательных и наречий на -о с односложными и двусложными основами; а. п. *a* представлена большим числом примеров с основами разной длины:

а. п. *a*: м. *в'ин'вáт*, ж. *в'ин'вáтá*; нареч. *крас'и́вá*; м. *пах'ош*, ж. *н'е пах'о́жъ*, мн. *пах'о́жы*; *В'ал'и́к д'ен'*; ср. *п'о́лн'ъ*.

а. п. *b*: м. *х'ар'ош*, ж. *х'ър'шá*, *х'ър'ш'о*, мн. *х'ър'ш'ы*; нареч. *н'ь'уáл'о*; нареч. *у'ър'ач'о*; *чиж'о́л*, *чиж'я́лá*, *т'и'жал'о*; *тошш*, *т'ишшá*.

а. п. с: м. *лѡвѣк*, ж. *лоўка́* ср. *лоўкъ* ‘ловкий, ловко’, ‘сильно, очень’; ср. *мáло*, ж. *малá*; м. *стра́ишн*; ср. *н'е стра́ишн*, ж. *стрѣшина*; *плѡх*, ж. *плѣхá*, ср. *плѡхъ*, н' *еплѡхъ*; *прѡст*, *прѣста́*, *прѡстѣ*; *т' в'орт*, *т' в'ердá*; *тух*, *тууá*; *хѡльст*; ср. *хѡльднѣ*, ж. *хѣльдна*; м. *цѣл*, ж. *ца́лá*, мн. *цѣлы вы бѣд'ит'е* ‘с вами все будет в порядке’.

Перенос ударения форм-энклиноменов на проклитики в целом говору не свойствен, встретившись в двух примерах: у наречия «новой» а. п. с *на́долго* и исконной с — *за́св'етла*.

2. Ряд кратких прилагательных а. п. а и б развивает подвижность ударения, а акцентная кривая с у отдельных прилагательных изменила свой рисунок. Примеры подвижного ударения у односложных и двусложных основ старой а. п. а: ж. *быстрá*, нареч. *бѣ́стра*; у нас *этъ*, *йазы́к-тъ н'а д'у́жъ вáжън* (красив, правилен); ж. *вѣжнá*; м. *н'е нужѡн* 5х ~ *нѣжън* 3х, ср. *н'а нѣжна*, ж. *нужнá*, мн. *нужны́* бх ~ *нѣжны* 5х. Подвижное ударение у слов старой а. п. б: м. *кърѣтѡк*, ж. *кърѣткá*, ср. *кѡрѣткъ*; *л'ѡгѣк*, ж. *лехкá*, ср. *а вѣ пр'ам л'ѡхкъ събрáтъи* ‘легко одеты’; м. *бѣл*, ср. *б'ѣль*. Особая подвижная акцентная кривая у прилагательного старой а. п. с: м. *в'ид'ѡн*, мн. *в'идны*, ж. *в'иднá*, ср. *в'иднѣ*.

3. Вследствие распространения подвижности ударения краткие прилагательные ж. рода старой а. п. а с односложными и частично с неодносложными основами развивают нафлекссионное ударение: помимо приведенных выше *быстрá*, *важнá*, *нужнá*, ещё *йáблѣкъ к'ислá*, *старá*. Их акцентовка не отличается от акцентовки словоформ ж. рода старых а. п. б: *ур'ешнá*, *з'ил'енá*, *легкá*, *кърѣткá*, *н'в у́жжá* ~ *н'а уѡжа* ‘не мочь, не иметь физической возможности’ — и а. п. с: *с н'в в'иднá*, *гърдá*, *дължнá*. Таким образом, в говоре Рог. мы видим отсутствие результатов «западного процесса *живá* -> *жѣва*» у словоформ ж. рода а. п. с и наличие «восточного процесса *чѣста* -> *чѣстá*» у словоформ ж. рода исконной а. п. а [Зализняк 1985: 291–301], см. карту 9 [Зализняк 2019: 103].

4. Развитие подвижности ударения у кратких прилагательных и наречий на -о в говоре Рог. приводит к тому, что у части словоформ ср. рода с односложной основой старой а. п. б устанавливается накоренное ударение: ср. р. *б'ѣль*, *бѡдрѣ*, *плѡска* — хотя не меньшая их часть сохраняет исконное нафлекссионное ударение: *нѣуалѡ*, *ур'ач'ѡ*, *давнѡ*, *т'аплѡ*, *т'иужалѡ*, также мн. ч. *ч'ужѣ*. Такая картина характерна для восточной диалектной зоны [Зализняк 1985: 301–303].

Краткие прилагательные а. п. *а* и *с* ср. рода сохраняют старое ударение; а. п. *а*: *бл'искъ, бѣуатъ, бѣстра, ѱаткъ, ладнѣ, мала, жалка, законнѣ, здаровѣ, ин'т'ир'еснѣ, крас'ива, многа, н'амноуѣ, т'ихѣ*, а. п. *с*: *бол'нѣ, в'ес'ель, в'иднѣ, вредна, ѱольднѣ, ѱромкъ, ѱуста, крута* 'густо' (о тесте), *д'ошѣвъ и зѣд'ешѣва, дорѣуѣ, дурнѣ, жаркъ, л'убѣ, (н'е)плѣхѣ, скора ч'астъ, т'омнѣ, см'ирнѣ*. Говору, таким образом, не свойственна инновация: развитие флексийного ударения у словоформ ср. рода кратких прилагательных а. п. *с* с односложной основой (изменения типа *свѣтло* -> *светло*), см. [Зализняк 1985: 296–301].

Обращает на себя внимание архаизм *спѣрва* (исконная а. п. *а*), встречающийся заметно реже, чем *сперва*, и только у одной говорящей.

5. У кратких прилагательных и наречий на *-о* с суффиксом *-ок-* (*высѣк-*, *далѣк-*) в говоре преобладает колонное суффиксальное ударение, что в XVI–XVII вв. было характерно для говоров западной диалектной зоны [Зализняк 1985: 301–303], см. карту 10 [Зализняк 2019: 104]. В Рог. зафиксированы: м. *высѣк*, ж. *С'ин'т'ат'ѱр'иха высѣка нѣ нѣуах* (возможна переакцентовка в частушке); ср. *дѣл'ѣкъ 16х, д'ел'ѣка 5х* 'далеко', 'куда': *т'ин'ѣр'* дѣл'ѣкъ *мѣш, тудѣ и ѣна; дѣл'ѣкъ-тъ* 'куда-то' *4х, н'идѣл'акѣ 1х*.

6. Прилагательные с суффиксами *-ьн-* и *-ьк-* и правоударным корнем, у которых в праславянском ударение падало на гласный суффикса (их акцентные кривые исконно представляли собой разновидность а. п. *а*: *красѣнѣ, красна, красно, красны*), в говоре Рог. демонстрируют подвижное ударение; при нем в формах ср. рода и мн. числа может выступать или наосновное, или флексийное ударение, см. выше *кърѣтѣк*, ж. *кърѣтка*, ср. *кѣрѣтъкъ; л'ѣгѣк, лѣхка*, ср. *л'ѣхкъ, а* также *рѣв'ьн, ж. рѣвна*, ср. *н'ерѣвна, ус'ѣ раѱно*, мн. *равны; ѱзѣк, ж. ускa*, мн. *уск'ѣ, ж. ѱр'ешна*, ср. *вѣл'на, б'ѣднѣ, давнѣ и н'ѣдавнѣ, н'ѣска*. Подобным образом акцентуируются краткие прилагательные а. п. *а* и *с*: ср. *бол'нѣ, м. в'ид'ѣн, не жалкъ, ср. жалкъ, м. н'а гѣд'ен, сѣлѣн, ж. сѣлна, страшѣн*.

Можно предположить, что в Рог. в этой группе слов представлен восточнорусский тип акцентуации, однако налицо дальнейшее развитие подвижности ударения у прилагательных всех трех а. п. Возможно, более раннюю стадию показывают наречия, образованные из сочетаний предлогов и словоформ косвенных падежей кратких прилагательных, имеющие ударение на флексии: *дѣкрѣсна*, *с т'емна* и *дѣ т'емна*, *сл'ѣхка*.

7. Под влиянием суффиксального ударения форм м. рода кратких прилагательных а. п. *a* с исконно правоударным корнем типа *кърътѡк*, *аст'ѡр*, очевидно, появляется такое ударение и у форм м. рода прилагательных исконных а. п. с: *в'ид'ѡн*, а также *дѡлжен* 'имеет долги', 'обязан', ~ *дѡлжѡн* 'обязан'; и а. п. *a*: м. *н'е нужѡн* ~ *нужѡн*. Такое ударение в XVI-XVII вв. встречается достаточно широко, тяготея к восточной диалектной зоне, см. [Зализняк 1985: 301–303], карту 9 [Зализняк 2019: 103].

8. Распределение в основах прилагательных двух фонем «типа *o*» на месте *o под ударением, одна из которых представлена дифтонгом [уо], а другая — монофтонгом [о] (мы обозначаем их как /ѡ/ и /о/), связано с акцентуацией прилагательных. В основах фонемы /о/ и /ѡ/ на месте *o распределены в зависимости праславянской а. п. прилагательного: и краткие, и полные формы праслав. а. п. *a* и *b* имеют в основе /ѡ/, а. п. *c* — /о/, исключение составляют *бѡсый*, *нѡвый*, *(не)рѡдный*, *(не)гѡдный* (*c*).

Краткие прилагательные в значительной степени сохраняют различие а. п. *a*, *b* и *c*, как в отношении акцентных кривых, так и огласовок основы: *здѡрѡв* (*a*), *вѡстѡр*, *высѡк*, *гѡл*, *гѡж*, *хѡрѡш*, *кѡротѡк* (*b*), *плѡх*, *прѡст*, *скѡр*, *стрѡг*, *гѡрек*, *сѡлон*, *дѡрого*, *хѡлоден*, *гѡлоден* (*c*).

Полные прилагательные в столь же значительной степени утратили различие трех праслав. а. п., однако оно отражается в виде разных рефлексов праслав. *o под ударением в основах. А. п. *a*: м. *уѡтѡвьѡй*, ср. -ѡйе; м. *здѡрѡвьѡй*, ж. -ѡйа, мн. -ѡи; *уѡа мнѡу'их*; м. *сурѡвьѡй*; ж. *убѡрѡшинѡйѡ*; ж. *навѡзнѡйѡ*; ж. *вѡл'нѡйѡ*, мн. -ѡи; м., Р. ед. ж. *спѡкѡйнѡй*, В. мн. -ѡих; ж. *н'епѡрѡч'нѡйѡ*; ж. *салѡм'иннѡйѡ*, Т. -ѡйу; нареч. *н'е тр'ѡвѡжнѡ*; м. *карѡвий*, ср. *карѡвьѡ*, В. ед. ср. у *карѡвьѡу*, Р. ед. ср. *мѡс'л'ицѡ... карѡв'ейѡ*, Р. ед. м. *карѡвѡеѡуѡ*; Т. ед. ср. с *карѡвийѡм*; нареч. *пѡ-варѡн'ѡуѡ*; ср. *балѡт'истѡвьѡ*; *ѡн бѡуу пр'ѡпадѡбнѡйѡ*.

А. п. *b*: м. *вѡстрѡйѡ*, -ѡйѡ; м. *уѡлѡйѡ*, ж., ср. -ѡйѡ, М. ед. ѡ *уѡлѡм* (топоним), мн. -ѡи, Т. -ѡм'ѡи; м. *дѡбрѡйѡ*, ж., ср. -ѡйѡ, И. мн. -ѡи; м. *мѡкрѡйѡ*, ж. -ѡйѡ, Т. -ѡйу; ж. *пѡльѡйѡ*; м. *прѡч'ѡйѡ*; м. *харѡшѡйѡ*, ж., ср. -ѡйѡ, Р. -ѡуѡ, М. -ѡм; ж. *бѡйк'ѡйѡ*; м. *карѡткѡйѡ*, ж. -ѡйѡ; м. *парѡж-н'ѡйѡ*, ж. -ѡйѡ, Т. -ѡм'ѡи; производные от основ а. п. *b*: ж. *мѡлѡшнѡйѡ*, В. ед. ж. -ѡйу, Р. ед. ср. -ѡуѡ, И. мн. -ѡи; И. мн. *скѡтнѡи*.

А. п. *c* с односложными корнями: м. *плѡскѡйѡ*, ж. -ѡйѡ; мн. -ѡи; м. *скѡрѡйѡ*, ж. -ѡйѡ, но также *скѡрѡйѡ* (машина скорой помощи);

м. *стрóу'ий*, мн. -у'и; м. *уóр'к'ий*; ж. *уно́йнъй*; м. *у́рознъй*, *знóйнъй*; м. *рóвнъй*, ж. -ъйу; *бóжйа мáт'*, *бóжйи карóу'к'и*, нареч. *б'езбóжнь*; нареч. *вóр'у'ск'и* 'тайком'; исключения см. выше. С неодносложными корнями: *холóдный*, *голóдный*, В. ед. ср. *скарóмнъйа*.

Различие огласовок корней прилагательных, связанное с а. п., а у слов а. п. с — с числом слогов корня или долготой/краткостью корневого гласного, проявляется в формах сравн. степени с суффиксом -j-: *папóжжэ* (б), *дарбóже*, *пъмалóжэ*, *пъпрóишэ* (с); у прилагательных с суффиксами -ен'к- и -иц-: *здарóвишишъйа* (а), *карóт'ин'к'ий*, *уóл'ен'к'ии*, *т'óпл'ин'к'ийу*, нареч. (н'е)рóвн'ин'к'е, ср. *солн'ин'к'ийе*, ж. *дрóбн'ин'к'ийэ* — *малóд'ин'к'ий*; *нóв'ин'кийу*, *рóдн'ин'к'ийа* повторяют огласовку производящих основ.

Прилагательные, образованные от предложно-падежных сочетаний или сложением основ, имеют под наосновным ударением /ô/, независимо от а. п. производящего существительного: И. мн. *б'эзбарóды*, И. ед. м. *лу'ишанóуий* 'кривоногий', *падвóднъйу лóтку*, *пъстарóнн'ий*, им. мн. *пъабóч'ныи* (дети); однако /o/ в *б'езбóжнь*.

Образования от заимствованных слов с неподвижным ударением на основе повторяют огласовку производящих: *картóишъйа* *бътвá*, *калхóзнъй*, мн. *кóмнътнъи*, мн. *рóзвъи*.

ЛИТЕРАТУРА

Дыбо В. А. Славянская акцентология. М.: Наука, 1981.

Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985.

Зализняк А. А. Древнерусское ударение. Общие сведения и словарь. М.: Языки славянских культур, 2019.

О. А. Теуш

Уральский федеральный университет
им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Диахронические истоки ойконимии Ивановской области

К первой четверти 21 в. в Ивановской области официально зарегистрировано более 3000 населенных пунктов. Название центра области впервые упоминается в письменных источниках в 1608 г. как обозначение села Ярославской губернии: *Иваново* является

отфамильным образованием — по фамилии *Иванов*. В текстах 17 в. отмечены ойконимы *Иваново-Кохма*, *Иваново-Кохомское* и *Ивановское-Кохомское*. Вторая часть топонимов связана с наименованием села *Кохма*, которое вошло в состав города. По городу протекает р. Уводь, которая является тихой и спокойной, однако в период ледохода на реке образуются водовороты, поэтому лед является ломким и тонким. Эта характеристика позволяет связывать название *Кохма* с прибалтийско-финскими источниками, ср. фин. *koho* ‘хрупкий, слабый’, *kohva* ‘наледь, тонкая ледяная корочка’, эст. *kohm* ‘то же’ [SKES 2, 382–383]. Топоним первоначально относился к участку реки, затем стал названием поселения, находящегося на берегу этого участка. В селе *Кохма* находилась церковь Рождества Христова, поэтому село именуется также в памятниках письменности *Рождественно-Кохма*.

В 19 в. в городе возникло несколько торговых и ремесленных поселков — слобод, многие из которых являлись текстильными и объединились в 1853 г. в *Вознесенский Посад* (название дано по церкви Вознесения Господня). Город начал называться *Иваново-Вознесенском*, и носил такое название до 1932 г., когда был переименован в *Иваново*.

В 1225 г. был основан владимирским князем Юрием II Всеволодовичем город *Юрьев*, который с середины 16 в. именуется *Юрьеvec* или *Юрьеvec Повольский*. Город, по преданию, получил свое название не по имени основателя, а в честь Георгия Победоносца, икона которого была обретена князем на месте, где он заложил поселение: имена *Юрий* и *Георгий* заимствованы из греч. *Γεώργιος* [Фасмер 1, 402].

В договорных грамотах упоминается под 1434 г. село *Гавриловское*, которое впоследствии несколько раз переименовывается: *Гавриловская Слобода* (1608 г.), *Гавриловский Посад* (1789 г.), *Гаврилов Посад* (совр.). Основателем села, по преданию, являлся великий князь Всеволод Юрьевич Большое Гнездо (1154–1212 гг.), который дал название поселению в честь своего сына Святослава, получившего при крещении имя *Гавриил*.

В Заволжском районе Ивановской области расположено село *Жажлево*, отстоящее от центра района на 15 км. Название производно от фамилии *Жажлев*, образованной от *жа́жель* ‘трудная обязанность, тяжкое бремя’ [СРНГ 9, 60]. Близок по внутренней форме ойконим *Ахидовка* (название деревни в Родниковском районе):

образован от *áxид* ‘супец, скряга’ [СРНГ 1, 296]. В Гаврилово-Посадском районе находится деревня *Ярдéниха*, номинированная от антропонима — прозвища *Ярден, восходящего к мар. *ярдмы* ‘негодник, негодный’ [МРС, 790]. Название населенного пункта *Ярышево* производно от фамилии *Ярышев*, корни которой связаны с мар. *ярыш* ‘смесь, месиво’ [МРС, 791]. В реконструируемом прозвище *Ярыш нужно предполагать семантику ‘метис, потомок от брака между людьми разных национальностей или рас’. Отантропонимическими являются и ойконимы *Ергуницы* (отмечен в Тейковском районе: образован от *Ерга (из мар. *йорга* ‘любитель поест’ [МРС, 150])) и *Шекшиво* (функционирует в Гаврилово-Посадском районе: возник на основе прозвища *Шекша (из мар. *шекш* ‘желчь’, ‘желчный’ [МРС, 698])). Прозвищный антропоним *Пурка (из мар. *пурка* ‘индюк’ [МРС, 471]) в основе названий деревень *Пурково* (Лухский район) и *Пурешка* (Пестяковский район). Для ойконима *Тейково* следует восстанавливать, учитывая диалектную мену сонорных, форму *Тельково, которая объяснима из фамилии *Тельков*, образованной от прозвища *Телька (из фин. *telkkä* ‘гоголь (*Viscerhala clangula*), ‘речная утка’, карел. *telkku* ‘то же’ [SKES 5, 1264])).

Позитивная характеристика человека отражена в фамилии *Ушев* (от мар. *уш* ‘ум’ [МРС, 637]), послужившей основой названия деревни *Ушево* в Пестяковском районе Ивановской области. От прозвища *Ракиша, созданного по типичной антропонимической модели (из мар. *раки* ‘русый’ [МРС, 637]), образовано название деревни *Ракишино* в Ильинском районе Ивановской области.

В новое время — в 20 в. — традиции отантропонимического номинирования населенных пунктов были сохранены: в 1918 г. путем объединения нескольких сел был образован город *Серёда* (назван по местоположению), который в 1942 г. в память о русском писателе Д. А. Фурманове был переименован в *Фурманов*.

По численности населения и промышленному потенциалу вторым после областного центра городом Ивановской области является *Кинешма*. Этот город тянется полосой вдоль реки Волги более чем на 11 км. Поскольку указанный тип застройки характерен для поселений севера Архангельской области, название города можно рассматривать как перенесенное с побережья Белого моря и интерпретировать из саам. кильд. *kien̄z̄*, терск. *kien̄ze* ‘узкий’ [YS, 48–49]. Во второй половине 19 в. на противоположном от города Кинешма берегу Волги началось развитие рабочего поселка, ко-

торый по местоположению был назван *Заволжье* и впоследствии стал городом *Заволжск*.

С гидронимом *Волга* связано по происхождению возникшее в 20 в. название города *Приволжск*: так стал называться поселок *Яковлевское* (от фамилии *Яковлев*), поскольку в поселке был создан льнокомбинат «Приволжская коммуна».

Поселок городского типа *Верхний Ландех* расположен вблизи реки *Ландех* и назван по гидрониму, который следует сопоставлять с мар. *ландака* — *ландака вӑр* ‘низкое место, котловина’ [МРС, 280]: река в нижнем течении протекает по топкой, болотистой местности. Марийские корни имеет и название города *Вичуга*, который возник на месте одноименного села, названного по реке *Вичуга*, ср. мар. *вичкыж* ‘тонкий’ [МРС, 68]: река является неширокой и не принадлежит к судоходным.

Слобода *Пучище* (названа по характеру местности, ср. *пучистый* ‘часто вспучивающийся, вздымающийся (о грунте, земле)’ [СРНГ 33, 169]) в 1793 г. стала районным центром, городом *Пучеж*. Преобразование названия, вероятно, произошло в марийской среде под влиянием мар. *пучаш* ‘спадать, спасть; убывать, убыть (об уровне воды)’ [МРС, 473]: по городу протекает река *Пушавка*, название которой можно интерпретировать из мар. *пуш* ‘пар, пары, испарение’ [МРС, 474], что указывает на непостоянство наполненности водотока. Со спецификой имеющихся гидрообъектов соотносится ойконим *Родники* — способом онимизации стало использование формы множественного числа от апеллятива *родник* ‘водный источник, текущий из глубины земли, ключ’ [ТСРЯ, 836]. От географического термина *наволók* ‘низменное поемное место на берегу реки’ [СРНГ 19, 178] путем плюрализации образовано в 19 в. название поселка *Наволоки*, который в 1938 г. стал городом. На реке *Шохонка* (название может быть сопоставлено с гидронимами *Шексна*, *Шехонь*, возводимыми к морд. эрз. *šekšan* ‘пестрый дятел’ [Фасмер 4, 422]) расположен город *Плѣс*, имя которому дано по местоположению, ср. *плѣс* ‘небольшой залив на реке, заводь’ [СРНГ 27, 112]. Название города *Южа*, впервые упоминаемое в письменных текстах в 1628 г., при учете того, что в грамоте 1557 г., данной князем Пожарским, указывается *Южский рубеж* (ср.: *рубѣж* ‘межа, граница, предел’ [Даль 4, 107]), нужно интерпретировать в сопоставлении с *южа* ‘растение ежа, мизаночник, палочник, песья трава’ [Даль 4, 667].

С занятиями по заготовке древесины связаны ойконимы *Маклаково* и *Пандино*: образованы от фамилий, имеющих марийские корни, ср. мар. *маклака* ‘полено’ [МРС, 313] и мар. *панды* ‘палка’ [МРС, 407]. Профессиональная деятельность отразилась также в фамилии *Пигарев*, лежащей в основе ойконима *Пигарево*: истоки следует усматривать в мар. *пигар* ‘посуда (деревянная или глиняная)’ [МРС, 407]; внутренняя форма антропонима — ‘посудников: изготовитель посуды’.

В 1931 г. в связи со строительством электростанции, работающей на торфе, на западе Ивановской области основан поселок *Комсомольск*, преобразованный в 1950 г. в город районного подчинения: поскольку стройка была объявлена как комсомольская, строителями являлись представители Коммунистического союза молодежи — *комсомола*, чем и объясняется название поселка.

Поселение *Шуя* впервые упоминается в письменных источниках в конце 14 в.: название принесено переселенцами с побережья Белого моря и может интерпретироваться из саам. кильд. *sījj* ‘защита, убежище, кров, приют’ [YS, 126–127]. В городе была построена церковь, освященная в память сыновей Святого Владимира князей Бориса и Глеба, поэтому параллельным названием селения Шуя некоторое время являлось *Борисоглебская слобода*.

В целом, ойконимия Ивановской области может быть охарактеризована как содержащая ряд исторических и комплекс тематических пластов, элементы которых имеют различные этногенетические истоки.

ИСТОЧНИКИ

- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. СПб., 1909.
- МРС — Марийско-русский словарь. М., 1956. 864 с.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин; Ф. П. Сороколетов. Вып. 1–. СПб., 2002–.
- ТСРЯ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008. 1175 с.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева / Под ред. Б. А. Ларин. Т. 1–4. М., 1964–1973.
- YS — *Lehtiranta J.* Yhteissaamelainen sanasto // MSFOu. 200. Helsinki, 1989. 180 s.
- SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. LSFU, XII. O. 1–7. Helsinki, 1974–1981.

СОКРАЩЕНИЯ

1. Названия языков и диалектов

греч. — греческий язык

карел. — карельский язык

кильд. — кильдинский диалект саамского языка

мар. — марийский язык

морд. эрз. — эрзя-мордовский язык

саам. — саамский язык

фин. — финский язык

эст. — эстонский язык

2. Прочие

в. — век

г. — год

гг. — годы

км. — километр

р. — река

совр. — современное

ср. — сравни

М. Н. Толстая

Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)**Падежные конструкции со значением времени
в украинском закарпатском говоре**

В двух последних выпусках сборника «Исследования по славянской диалектологии» [Николаев, Толстая 2021; 2023] нами опубликованы диалектные тексты из закарпатского села Русская Мокрая, записанные в 1995 г. и содержащие воспоминания о событиях жизни и рассказы о традиционной народной культуре села, общим объемом около 20 тыс. слов. Эти тексты, записанные от талантливой носительницы достаточно архаического говора, представляют значительный лингвистический интерес (в частности, в них встречаются конструкции *accusativus cum infinitivo* и *dativus possessivus*, регулярно употребляются формы плюсквамперфекта и проч.).

Наряду с «общеюго-славянскими» падежными конструкциями со значением времени (*у сѣреду, на Рожѣство, по́с'л'і Тро́йц'і* и т. п.) и формами, известными украинскому литературному языку (беспредложный родительный: *дру́гого вѣчера, сороководо дн'а, п'йѣіс'ат пѣрвого го́да*; беспредложный творительный мн. ч. с определением: *сіми годáми*) отмечаются диалектные конструкции, частично являющиеся архаизмами. Таким архаизмом надо признать достаточно частотный в говоре (около 20 примеров) беспредложный винительный для обозначения времени, не полностью занятого действием: <Чеснок> *ка́жут, сѣреду та п'йáтниц'у сажáти трѣба; Понед'ілок жу́н полива́йут, а вутóрок жо́ны мушч́ин; Ка́жут, шчо червакы́ в молоц'і ро́бл'ат с'а, аш*

робл'ат из ниткáми то́й понед'ілок; Пушóв дру́гу ну́ч чолов'ік; Она́ загл'ану́ла, дру́гый дéн' ужé молокá нийé ('на другой день уже пропало молоко'); *За помéришими ссé слúжит с'а пéрет Пу́шчан'а то́т ты́жжен'*; *То вже тепéр' бýло, сс'і годы́*. В других закарпатских говорах известны только беспредложные конструкции, включающие определение — порядковое числительное или местоименное прилагательное [Добош 1971: 80]. Формы беспредложного винительного в этом значении отмечаются в некоторых русских говорах; в современных литературных восточнославянских языках беспредложный винительный употребляется, как правило, только в конструкциях, обозначающих время, полностью занятое действием (или его повторением): *всю ночь, целый год, тридцать лет* (*сидел на печи*) и т. п., а также *всё время* 'постоянно', *последнее время* (ср. в Русской Мокрой: *йóй, давнó иссúжу ц'ілу ну́ч, док в́ымал'у́йу йáйц'а, в́ыпишу*). В древнерусском языке формы беспредложного винительного могли выражать оба типа темпоральных значений (т. е. время, полностью или частично занятое действием; ср. *осень оумре половецьскыи князь* — Лавр. лет., л. 68 об.), но, по-видимому, уже очень рано началась дифференциация этих двух типов значений, приведшая в восточнославянских языках к почти полному исчезновению беспредложных форм второго типа [Борковский 1968: 219–227].

Как и в других закарпатских говорах, предшествующее относительное время, соответствующее русскому (*тому*) *назад*, выражается неадвербиализованными аккузативными конструкциями с маркерами *тепéр'* и *то́му*: *У мéне двá гóды тепéр' йак рáс приходіла мóйа подру́шка; дес' трі́ гóды тепéр'кы* 'где-то три года назад' (букв. 'три года теперь'); *То знáйте шчо трі́ гóды тепéр' бýде* 'Знаете, это было три года назад'; *Та приходит, та шчé й тепéркы, дез' двá гóды то́му, йак б́ыв;* *У нас се б́ыло, у нас у сел'і, двá гóды то́му ват'* ('или') *трі́ назáт* (в последнем примере *назáт* — русизм, употребленный в разговоре с собирателями из России). (Ср. сходную конструкцию по-русски: *уже два года, как...*)

Среди предложных конструкций со значением времени отметим следующие.

ЗА + вин. 'в течение' (с глаголом несов. вида): *та там сто́йіт тто́ за с'ім гóду; д'іти мóйі б́ыли за ші́з'з' гóду голóдн'і; Но́ пасты́р' идé, такы́й мушч́ина, шчó догл'адáйе тоты́ корóвы, за*

ц'ілы́й дѐн'; *А вна вз'ала, та тто пун плечом держала, пуд л'івым, за дѐв'йад дну*. Эти конструкции обозначают время, полностью занятое действием, и могут употребляться параллельно с формами беспредложного винительного, ср.: *та держала дѐв'йад' дну пун плечом тото йайце*. В русском языке ЗА + вин. в этом значении употребляется, как правило, только с глаголами совершенного вида: *построил дом за месяц, справился за два часа* и т. п. (несовершенный вид возможен в конструкциях со значением повторяющегося действия: *за день дважды отключалось электричество*). В украинском литературном языке конструкция ЗА + вин. может употребляться в значении *через*: *за два роки = через два роки* 'через два года'; это же значение отмечено и в говоре Русской Мокрой: *тепер'кы выт сѣйи нед'іл'і за три Пасха* ('сейчас от этого воскресенье через три — Пасха [русизм]).

В + вин. 'спустя', 'через' (так называемое последующее относительное время): *Тепер' у шіс' нед'іл' увод'ат* <роженицу в церковь>, а *давнó вводили в дв'і, в три нед'іл'і, коли беровала* ['была в состоянии']; *У дев'йад дну ввійшов чорт ис того йайц'а; То вже пруйшло б́или годь, коли Ірина, дóчка пок'ійна, мала виходити взамуш, сам тóт оф'іц'ер пришов с'удь. За л'ісом изнов ішли, в годь*. Такие употребления возможны в украинском языке (повидимому, в основном в текстах западноукраинского происхождения): *в два дні по похороні* (О. Кобилянська), *у тиждень по тому весілі* (М. Матиос), *У рік стара пані вмерла* (Марко Вовчок). По-русски *В* + вин. в этом значении затруднено (ср. *в три дня его не стало*).

Отметим также отдельные лексические употребления:

- *На вечер* 'вечером': <пастух коров> *соко́тит* ['сторожит'], *та на вѐчур женé до дóму; нé м́ыла с'а й ни й́ла, лиш шчóс' м́ало на вѐчур; та коли тто з́ачало, выд дѐв'йат ч́асу на вѐчур, исхóдити с'а, тоты дийаволь в́с'і* (неточное соответствие в литературном украинском: *Сьогодні в театрі йде його нова п'еса, і їм треба було на вѐчір повернутись до міста* — перевод пьесы Г. Сенкевича). Конструкция соответствует русскому *наутро* с точностью до времени суток.
- *(И)З* + род. (день недели) в значении 'вечером': *коло цѐркви пал'ат в́атру на П́асху, ис субóты, в субóту увѐчер'і* (ср. рус. *с субботы на воскресенье*; ср. также другую часть этой конструкции в примере из закарпатского говора с. Сокир-

ница: *у субѡту в:ич'ур'і ўсинѡшн'а у дванѡц':ит' ч'асу / на воскресѣнїе*, [Сабадош 2008: 435].

— двойной предлог в конструкции с лексикализированным выражением: *Купѡли с'а у нѡз до по Пѣтр'их тѡм* 'У нас купались до времени после Петрова дня'.

Диалектное своеобразие падежных обозначений времени, как видим, определяется нетривиальным соотношением конкретной конструкции, выбранной из богатого восточнославянского арсенала, и конкретного темпорального значения.

ЛИТЕРАТУРА

- Борковский В. И.* Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков: Члены предложения. М., 1968.
- Добош В. І.* Синтаксис українських південнокарпатських говорів. Ужгород, 1971.
- Николаев С. Л., Толстая М. Н.* Диалектные тексты из закарпатского села Русская Мокрая // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 23. М., 2021. С. 238–280.
- Николаев С. Л., Толстая М. Н.* Диалектные тексты из закарпатского села Русская Мокрая. 2. Традиционная культура // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 24. М., 2023. С. 246–312.
- Сабадош І.* Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району. Ужгород, 2008.

П. Д. Третьякова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)

Дифференцированное объектное маркирование в конструкциях с модальным предикатом *надо* в русских говорах

В русских говорах прямой объект может оформляться тремя падежами: номинативом, аккузативом и генитивом (1–4):

- (1) ... *ак вот вода надо носить* (Корпус говоров среднего течения Северной Двины).
- (2) *Воду с реки надо привезти* (Корпус опочечских говоров).
- (3) *Наносить надо воды* (Корпус донских говоров).
- (4) *А менять воду не надо* (НКРЯ: Обычай. Кухня (Архангельская область, 1996)).

Конкуренция падежного оформления прямого объекта достаточно подробно рассмотрена в работах по диалектному синтаксису. Среди основных направлений исследований можно выделить следующие: конкуренция номинатива и аккузатива [Timberlake 1974, Кузьмина 1993, Маркова 1989, Ронько 2016, Степанов 1984], конкуренция аккузатива и генитива при отрицании [Seržant, 2014: 301–306, Аркадьев 2017, Малышева и Ронько 2020] и без отрицания [Seržant 2014, Кузьмина 1993: 28–39, Малышева 2014], конструкции с модальным предикатом *надо* [Кузьмина 1993]. Все эти четыре отдельные исследовательские проблемы можно рассматривать через призму дифференцированного объектного маркирования (DOM) [Bossong 1985: 3]. Далее в работе мы будем использовать термин дифференцированное маркирование аргументов (DAM), так как DOM — частный случай DAM (см. обзор разных явлений, относящихся к дифференцированному маркированию, в [Witzlack-Makarevich и Seržant 2018: 2–3]).

Типологически установлено, что DAM обуславливается рядом свойств аргумента и предиката (см. подробнее [Witzlack-Makarevich & Seržant 2018]). В фокусе этой работы — вариативность падежного маркирования прямого объекта в конструкциях с модальным предикатом *надо*: “*надо* + инфинитив + прямой объект” и “*надо* + прямой объект”. Четыре фактора-лицензора DAM исследуются на материале данной конструкции. Один из факторов, модальность, задаётся компонентом конструкции, предикатом *надо*. Три других — дистантность¹, “одушевлённость-определённость”², отрицание исследуются дополнительно вслед за работами [Seržant 2014, Малышева и Ронько 2020, Ронько 2016].

Материалом к данному исследованию послужили 20 устных корпусов диалектной речи Международной лаборатории языковой конвергенции НИУ ВШЭ. Наша выборка представлена 7 корпусами говоров северного наречия, 7 корпусами говоров южного на-

---

¹ Под дистантностью подразумевается число синтаксических узлов между модальным предикатом *надо* и прямым объектом. (1–4) — примеры дистантных конструкций, а *надо вода* — пример локальной конструкции.

² В работе используется сопряжённая иерархия «одушевлённости-определённости», так как эти два параметра неизбежно кластеризуются (см. подробнее в работе [Croft 2002: 167]). В нашей шкале выделяются следующие 6 категорий: личные местоимения, имена собственные, люди, животные, неживое, абстрактное.

речия, 4 корпусами западных среднерусских говоров и 1 корпусом восточных среднерусских говоров по классификации [Захарова и Орлова 1970]. Говор села Спиридонова Буда в этой работе рассматривается отдельно вслед за [Малышева и Ронько 2020].

Для анализа был размечен 1391 контекст. В выборку вошли только те примеры, где прямой объект — вершина именной группы, выраженная именем существительным, личным местоимением или числительным.

Мы предполагали, что при отрицании в дистантных конструкциях будут чаще встречаться примеры с прямым объектом в аккумулятиве, в локальных конструкциях — примеры с прямым объектом в генитиве [Аркадьев 2017: 208–209]. Относительно сопряжённой шкалы “одушевлённости-определённости” мы ожидали, что номинатив и генитив будут маркировать прямые объекты с низким статусом на нашей шкале [Wiemer & Ronko Forthcoming, Малышева и Ронько 2020, Ронько 2016]. При этом мы допускали, что результаты по данным северных говоров могут отличаться от наших основных гипотез [Малышева и Ронько 2020: 49].

После проведения статистического анализа данных были получены следующие результаты. Во-первых, номинативный объект распространён в двух направлениях таким образом, что с юга на север и с востока на запад число примеров с прямым объектом в номинативе увеличивается. Во-вторых, номинатив в сравнении с генитивом маркирует категории с более высоким рангом на шкале «одушевлённости-определённости». В-третьих, при отрицании прямой объект в аккумулятиве чаще встречается в дистантной конструкции. Прямые объекты с неаккумулятивным типом маркирования, наоборот, чаще обнаруживаются в локальных конструкциях. При этом при отрицании в корпусах говоров северного наречия обнаруживается 32,5% примеров с прямым объектом в генитиве, 50% — с прямым объектом в аккумулятиве, в корпусе говора села Спиридонова Буда — 55,56% примеров с прямым объектом в аккумулятиве, примеры с прямым объектом в генитиве не встретились. Таким образом, в этих корпусах контекстов с прямым объектом в генитиве меньше, чем с прямым объектом в аккумулятиве, что расходится с данными [Малышева и Ронько 2020: 48]. Мы предполагаем, что такая разница в результатах может быть обусловлена влиянием оператора модальности, заданного конструкцией. В-четвёртых, дистантность оказалась самым сильным параметром на данных

говоров южного наречия (размер эффекта 0.411 по результатам теста V Крамера)³, самым слабым — на данных говоров северного наречия (размер эффекта 0.196 по результатам теста V Крамера). В это же время все исследуемые параметры статистически значимы ($p < .05$)⁴ только на данных говоров северного и южного наречий. Мы предполагаем, что на севере и на юге факторы достигают своих минимальных или максимальных значений, а между этими “экстремумами” факторы распределяются градуально.

ЛИТЕРАТУРА

- Аркадьев П. М. Объектный партитив отрицания: Ареально-типологическая перспектива // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. 2017. Т. 13. № 3. С. 194–243.
- Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М.: Просвещение, 1970.
- Кузьмина И. Б. Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М.: Наука, 1993.
- Мальшева А. В. Объектный генитив в русских летописях и современных говорах // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. 2014. № 3. С. 120–145.
- Мальшева А. В., Ронько Р. В. Русский объектный генитив при отрицании по данным диалектных корпусов и устного корпуса НКРЯ. Вопросы языкознания, 2020, 4: 25–54.
- Маркова Н. В. Диалектные способы выражения семантического субъекта и объекта в онежских говорах и их история. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. М., 1989.
- Ронько Р. В. Надо корова доить! Номинативный объект в севернорусских диалектах // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. 2016. Т. 13. № 3. С. 244–264.
- Степанов Ю. С. Оборот земля пахать и его индоевропейские параллели // *ИАН СЛЯ*. 1984. № 2. С. 134.
- Bossong G. *Empirische Universalienforschung. Differentielle Objektmarkierung in den neuiranischen Sprachen*. Tübingen: Narr. 1985.
- Croft W. *Typology and universals*. Cambridge University Press, 2002.
- Seržant I. A. The independent partitive genitive in North Russian // *Contemporary approaches to dialectology: The area of North, Northwest Russian and Belarusian vernaculars*. 2014. С. 270–329.

³ Тест V Крамера был произведён для параметра дистантности по данным говоров северного и южного наречий и западных среднерусских говоров, для параметра отрицания — по данным говоров северного наречия.

⁴ Связь между падежом и каждой из исследуемых переменных анализировалась с помощью теста независимости Хи-квадрат. Если его нельзя было осуществить, то применялся двусторонний тест Фишера.

- Timberlake A. The Nominative Object in Slavic, Baltic, and West Finnic. — Peter Lang International Academic Publishers, 1974. С. 265.
- Wiemer B., Ronko R. Nominative Object. In M. L. Greenberg (ed.), *Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online*. Brill, forthcoming. https://doi.org/10.1163/2589-6229_ESLO_COM_038562
- Witzlack-Makarevich A., Seržant I. A. Differential argument marking: Patterns of variation // *Diachrony of differential argument marking*. 2018. Т. 19. С. 1–49.

О. В. Трофимова

Тюменский государственный университет
(Тюмень, Россия)

**«Этнографические сведения о селе Долгоярском...»
1848 г. как источник по истории русских говоров
на территории Тобольской губернии**

В списке рукописных источников «Словаря русских народных говоров» из архива Русского географического общества указана рукопись 1847 г. И. Беднякова «Разговор Тобольского уезда села Долгоярского крестьян» на 5 листах, из которой в словарь включено «несколько местных слов»¹. Однако в архиве РГО есть статья 1848 г., подписанная священником Иваном Бедняковым и дьячком Стефаном Кузнецовым, «Этнографическія свѣдѣнія о селѣ Долгоярскомъ Тобольской губерніи и округи»², основная часть которой — «Разговоръ Худяковскихъ крестьянь Космы и Аѳанасія Мороковыхъ» — предваряется замечанием:

Обычаи и обряды при свадьбахъ, при поминкахъ описаны были прежде въ видѣ разговора въ слѣдствіе указа Тобольской Духовной Консистеріи отъ 12 іюля 1847 года за № 3121

¹ Словарь русских народных говоров. Вып. 1. Москва — Ленинград: Наука, 1965. С. 149.

² НА РГО. Р. 61. Д. 10. Лл. 1–20 об. Опубликовано в: Этнолингвистические исследования краеведов Тобольской губернии XIX века: монография / [исслед., публ., коммент. О. В. Трофимовой, Н. И. Загороднюк, Е. Н. Коноваловой; под ред. д-ра филол. наук, проф. О. В. Трофимовой]; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; Тюменский государственный университет. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2021. 200 с. (Новое «старое» о Сибири; кн. 1). С. 78–94.

послѣдовавшаго. Если нужно, то оный и здѣсь помѣстить честь имѣемъ съ нѣкоторыми прибавленіями <...>. Изъ разговора онаго можно видѣть нѣкоторыя особенности характера, наклонности, промышленности крестьянъ и прочее. Всё, что здѣсь описывается, есть общее жителямъ отъ города Тобольска до села Липовскаго, по Московскому тракту на разстояніи ста версть. <...>

В конце статьи находится словарь, в котором в текстовой последовательности представлено более 150 слов и словосочетаний, квалифицированных авторами в качестве местных (об Иване Беднякове известно, что он был переведен на службу в Тобольскую губернию из Казанской, где в 1830 г. окончил Казанскую духовную семинарию). Помимо фонетических диалектизмов (напр., *ефтать* — этоть; *ись* — ѣсть; *Листафѣр* — Христофоръ; *росво* — родство; *сигнаца* — ассигнація; *чижело* — тяжело), грамматических (*за нимя́* — за ними; *ихній* — ихъ; *каки́ время́* — какія времена; *оно́* — о томъ), лексико-словообразовательных (*доку́ля* — доколь; *прокъ* — прочность; *споровать* — спорить), семантических (*родители* — родственники; *двор* — улица; *улица* — дорога), в словаре много собственно лексических диалектизмов, принадлежащих разным группам русских говоров, — с эмоционального неприятия этих слов (принесенных в Сибирь *посельщиками*, *Русью*, и в отдельных случаях сопровождаемых авторским «переводом» на литературный язык) одним из собеседников и начинается «разговор»:

Авонасій. Да и всѣ говорятъ на свой ладъ: клюка́, а у нихъ: ко-черга; поваре́нка, а у нихъ ополовникъ; труба холста, а у нихъ навина́; нада бы сказать: ахъ тошно мнѣ, а у нихъ: ахъ бѣда моя; копотъ по дорогѣ, а у нихъ пыль; гаркать, а у нихъ: звать; молосно ѣсво /молостное яство/, а у нихъ: скоромное, смолось /смолость/, а у нихъ: вымя /коровье/; надабы сказать: лони́, а у нихъ: въ прошедшій годъ; ло́потъ, а у нихъ оде́жа /одежда/ напа́рье, у нихъ: бураво; лягишь, а у нихъ: ляжешь <...>

Сопоставление вынесенных в авторский словарик единиц с материалами исторических и современных диалектных словарей позволяет привести примеры слов, бытование которых на территории Тобольской губернии в ретроспективе может быть уточне-

но, например, для слов *свадебщик, свадебщици* ‘гость свадебный; прѣхавшие на свадьбу’, которые в СРНГ представлены так: «Свадебщик, м. 1. Участник, гость на свадьбе. Даль. Олон., 1864. Арх., Забайкалье. 2. Мн. Жених и невеста. Кириш. Ленингр., 1955»³, а в современном уральском словаре в формах *свадебжана, свадебжане, свадебжаны, свадебники, свадебьяне* ‘участники свадьбы, свадебные гости’⁴.

Наречие из фрагмента «*О’ногды /въ одно время/ дядя Петрывань переъзжалъ на своемъ конѣ на вершней /верхомъ/ чрезъ рѣку <...>*» в СРНГ имеет пять значений (‘на днях, недавно; когда-то, давно; раньше, прежде; как-то раз, однажды; иногда’⁵); первое, при этом с ударением *оно’гды*, фиксируется и в Тобольской губернии, но в 1917 г. Вероятно, подтвердить как актуальное для контекста 1848 г. именно это, первое, значение, можно обращением к современному «Словарю русских старожильческих говоров юга Тюменской области» [далее — ТО], в котором это наречие, зафиксированное повсеместно по региону в формах: *оногда’сь, оногда’ся, онолда’сь, оногды’сь, оногды’ся, оноды’сь* — вошло со значением ‘недавно, на днях, не так давно’⁶.

Все вынесенные в авторский словарь единицы, наряду с материалами из других рукописей середины и конца XIX в. семи тобольских корреспондентов РГО, включены нами в состав сводного словаря «Материалы для словаря русской народной речи Тобольской губернии XIX века (1848–1891)»⁷ (отметим, что далеко не все они представлены в ТО). Однако оказалось, что около десятка слов, имеющих толкование в тексте разговора, в авторский, и соответственно в сводный, словарь не вошли.

³ Словарь русских народных говоров. Вып. 36. Санкт-Петербург: Наука, 2002. С. 200.

⁴ Словарь русских говоров Среднего Урала. Том V. Приостановье — Скалянка / Матвеев А. К. (гл. ред.) — Свердловск: Издательство Уральского университета, 1984. С. 114.

⁵ Словарь русских народных говоров. Вып. 23. Ленинград: Наука, 1987. С. 218.

⁶ Словарь русских старожильческих говоров юга Тюменской области / под ред. С. М. Беляковой. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2014. Т. 2. С. 94.

⁷ Этнолингвистические исследования краеведов Тобольской губернии XIX века. С. 140–184.

Так, в авторском словаре есть прилагательные *прематеря́ющій* и *матёрые* ‘очень великаго роста’, но контекстуальное, как можно считать, значение из фрагмента «вить пѣсни перенимамаъ-же, инова́ така *матерья́* /длинная/» диалектными словарями, частотное значение в которых — ‘большой, сильный’⁸, не поддерживается. Глагол *уторанить* из фрагмента «Этто батька купиль у татарина рубленыхъ дровъ подь увалкомъ /подь горою/, а у него хто-та воза съ три и *утораниль* /укралъ/» не представлен в ТО; в СРНГ он имеет три значения, при этом третье ‘похитить, украсть’ фиксируется в 1846 г. в Костромской губернии, а также — без даты — в шести европейских регионах страны, в Свердловской области и в Хакасии⁹. Не вошли в авторский словарь компаративы: «*правильня* вмѣсто правильнѣе; *смирня* /смирнѣе/; *присталя* /приличнѣе/» — подобные формы Л. В. Капорулина характеризовала как распространенные на севере европейской части России¹⁰. В словарях находим только современные варианты для *присталя*: в СРНГ — «*Присталяе*. Более пристойно, более подходяще, более к лицу кому-то. Соликам. Перм. 1973»¹¹; в ТО *пристале* ‘лучше’¹².

Таким образом, рукопись И. Беднякова и С. Кузнецова является одним из ранних источников по истории бытования русских говоров в Тобольской губернии. Специфика подачи диалектного материала в виде связного текста, тематически коррелирующего с запросами этнографических анкет РГО начального периода его существования, позволяет в дальнейшем провести его многоаспектное исследование, а также поднять вопрос о языковой личности составителей рукописи.

⁸ Словарь русских народных говоров. Вып. 18. Ленинград: Наука, 1982. С. 25, 26. Ср.: *матёрой* ‘большой, крупный (о предметах)’; *матеруцей*, *матеряцкой*, *матеряцей*, *матеряющей* ‘экср. Очень большой, значительный по размерам, по величине’ — повсеместно по региону [Словарь русских старожильческих говоров юга Тюменской области. Т. 1. С. 373, 374].

⁹ Словарь русских народных говоров. Вып. 48. Санкт-Петербург: Наука, 2015. С. 140.

¹⁰ Русская диалектология / В. В. Колесов, Л. А. Ивашко, Л. В. Капорулина и др.; Под ред. В. В. Колесова. Москва: Высшая школа, 1998. С. 114.

¹¹ Словарь русских народных говоров. Вып. 31. Санкт-Петербург: Наука, 1997. С. 409.

¹² Словарь русских старожильческих говоров юга Тюменской области. Т. 2. С. 197.

*А. О. Филиппова*Томский государственный университет
(Томск, Россия)

Речевой жанр «отказ»: статус и место в народной речевой культуре

В современных лингвистических исследованиях отмечается тенденция к интегральному описанию речевых жанров (РЖ), где учитываются параметры речежанровых моделей, сферы и типы дискурса, типы носителей РЖ. В изучении РЖ важен комплексный подход, учитывающий их многообразие и вариативность. До сих пор существует ряд нерешённых проблем теории РЖ, связанных с многообразием жанров и их вариативностью, спецификой их реализации в различных типах дискурса. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа и систематизации РЖ, дальнейшего изучения коммуникативных аспектов устной речи, а также обращением к проблеме дискурсивной реализации РЖ.

Современная диалектология приходит «к осмыслению диалектной речи как особого типа дискурса, а диалекта как особого культурно-коммуникативного образования» [Гольдин, Крючкова 2016: 134]. В настоящем исследовании рассматривается устная речь жителей сибирских сел Томской области, носителей русского старожильческого говора. Всего было проанализировано 1083 контекста. В собранном материале отказ реализуется в РЖ «воспоминание». РЖ «воспоминание» «как вербализация прошлого опыта составляет один из важнейших компонентов диалектного речевого общения, является средством сохранения и передачи наиболее значимой в когнитивном, культурном, эстетическом, социальном отношении информации» [Демешкина 2000: 101]. В процессе воспоминания говорящий актуализирует в своей памяти события из своей жизни и переживает их заново. Важно отметить, что текст информанта при монологической речи зачастую имеет диалогичный характер. Иными словами, информанты в речи широко используют цитацию, то есть воспроизводят диалоги. Так, монолог диалектоносителя представляет собой «диалог в монологе» [Иванцова 2002: 205].

Главная особенность реализации отказа в диалектной коммуникации — объяснение причин. Говорящий объясняет причины отказа, что «способствует сохранению коммуникативного равно-

весия и служит одним из средств смягчения категоричности речевого жанра» [Бычихина 2004: 143]. В ситуации, когда информанты не имеют возможности выполнить какое-либо действие, они, как правило, сообщают о причине своего отказа: 1. *Она говорит: «Знаешь чё? Моя, говорит, дочь работает кладовщиком в колхозе. Она уходит в сельпо работать счетоводом. Иди за её работать». А мне это было где-то лет шестнадцать или семнадцать. Я говорю: «Дядя Степан, я не смогу; 2. А я как-то села заговорила, что: «Ой, во всех морях почти была, а вот Каспийское море не видела. Всё. Он стал билеты покупать. Звонит мне. Я говорю: «Сынок, Нет, нет, нет. Я болею очень, я не могу; 3. (А можно снять немножко видео с Вами?) Ой, не, я не люблю. Я всегда плохо выхожу, я не это самое, не красавица, поэтому я как-то стараюсь меньше где-то фотографироваться.* (Здесь и далее примеры взяты из [Томского диалектного корпуса]). Информирование о причинах отказа является маркером проявления уважения к собеседнику.

В результате анализа мотивировки отказов выявляется система ценностей информантов, в которой дом, как «своё» пространство, противопоставленное «чужому», занимает центральное место. «Чужим» пространством в приведённых ниже контекстах выступает город. Информанты отказываются от пребывания в городе, аргументируя свой выбор тем, что жизнь в деревне для них более предпочтительна: 1. *В городе у одного сына уже не была я пять лет, у младшего, а у среднего, три года не была уж. Всё зовут. Я грю: «Нет». «Да мы тебя увезём, привезём!» «Нет!» Не поеду. В деревне лучше. Свободне'е и сам хозяин. И дышать ле'гше; 2. А чё мне этот город? Мне сноха говорит: «Съезжу по маму, привезу, вы перезимуете». Я и скупой был. Нет, говорю, меня городска жизнь не тянет. Мне короўка уж така мила. И жираф мне потом уж не удивительный, чё его смотреть?*

В большинстве случаев отказы относятся к сфере хозяйственной деятельности. Информанты выражают отказ, стремясь защитить и сохранить своё хозяйство (огород или земельный участок): 1. *А сноха пришла и говорит: «Теть Гутя, я хочу этот огород забрать». Я грю: «Какой огород забрать?» — «А вот тут, что вы садили, дед с бабкой садил». Я грю: «Нет, ми'ленька моя, этот огород мне отдали, а я пожалела ваших стариков, потому что они тоже половина садят огорода, и никакой ты огород не получишь, буду я садить; 2. Тот я уже целиком срубил как сыну, ну*

а сыну было тридцать шесть лет, он умер. Вот. И так... у меня много покупа'телев находились, я говорю: «Нет». Пока, я грю, сам, руки шаво'лются, с землёй возжусь, пусь. Э'лив потом не смогу, продать дак о...

Труд и отношение к нему представляют собой ещё одну значимую ценность для носителей народно-речевой культуры: 1. *Генка, иди, посиди, посиди с нами*. — «Да идите вы! Управляться надо со скотиной»; 2. *И вот бригадир меня встречает и говорит: «Тётя Стеша, пойдём, взвоз у нас недокопанный копать»*. Я говорю: «Знаешь чё, Павел Семёнович, мои слова, — я говорю, — <волба/во лба>». Я сказала, чтоб вы за мной не приходили ни на одну минуту, ни на одну секунду меня приглашать на работу, не пойдю. Раз я не работала, пусть моя работа даром будет». Ну и он покачал головой, пошёл.

В ходе исследования выделена отдельная группа отказов, мотивированных необходимостью соблюдения традиций и моральных норм: 1. *Я грю: «Пойдемте по ягоды!»* Они говорят: «Нет, в праздник нельзя. Да и гроза будет». Но мы пошли, чё зря ехали что ли? Ой, как началась гроза; 2. *И хотели там около магазин опе'ть, строить ешо магазин, ларьки, около храма*. Ну и тут одна: «Ой, тётя Маша, поедем», что там е'то, мы хо'чем магазин там ставить. Я грю: «Раи'за Яковлевна, я не поеду. Я крещиона в церкви в кола'ровской, и поеду, что вот там будет пьянка, гулянка, страм, музыка.

Эти отказы могут быть обусловлены культурными, религиозными или этическими убеждениями, которые определяют речевое поведение индивида или группы лиц.

Таким образом, ценностные ориентиры определяют мотивы отказа носителей народно-речевой культуры и оказывают влияние на их речевое поведение. Центральное место в ценностной модели мира, отраженной в РЖ «отказ», занимают дом, хозяйство, традиции и обычаи, труд, а также общекультурные ценности, связанные с уважительным отношением к близким людям.

ЛИТЕРАТУРА

- Бычихина О. В.* Высказывания со значением отказа (Семантико-прагматический и когнитивный аспекты) : дис. ... канд. филол. наук. — Барнаул, 2004. 216 с.
- Демешкина Т. А.* Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск : Изд-во Томск, ун-та, 2000. — 190 с.

Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности / Е. В. Иванцова. — Томск : Изд-во Том. Ун-та, 2002. — 312 с.

Гольдин В. Е., Крючкова О. Ю. Коммуникативные свойства диалектной речи и специфика диалектного текстового корпуса / О. Ю. Крючкова, В. Е. Гольдин // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2016. — № 9–10 (113). — С. 133–138.

Томский диалектный корпус / Лаборатория общей и сибирской лексикографии ТГУ. [Электронный ресурс]. — URL: <http://losl.tsu.ru/?q=corpus> (дата обращения: 31.05.2024).

Е. В. Цветкова

Костромской государственной университет
(Кострома, Россия)

Кокуй, кукуй в топонимии Костромского края

Слово **кокуй**, рассматриваемое исследователями как прибалтийско-финское заимствование, в говорах Костромской области было выявлено в значениях, которые свидетельствуют о его омонимичности (от слов с корнями из праславянского **kok* и финского **kuk*): ‘головной убор замужних женщин, кокошник’ (*Под кокуй убираются волосы после брачной ночи, заплетённые в две косы, в отличие от одной девичьей* — Николо-Бережки Островск.; *Выражение есть: вот тебе кокуй, с ним и ликуй* — Судиславль) и взаимосвязанные ‘возвышенное место’, ‘перелесок’, ‘роща среди поля’, а также ‘отдалённое место’ (*Роща это среди поля* — Контеево Буйск.; *Это какое-то вроде место возвышенное или отдалённое, в стороне* — Сусанино). Омонимичным является и слово **кукуй**, имеющее значения ‘богач, барин’ (*Говорят, наша барыня проиграла какому-то кукую деревню в карты* — Парфеньево) и ‘возвышенное место’, ‘перелесок’, ‘отдалённое место’, показывающие связь со словом **кокуй** (слова эти подчас могут быть объединены и в их восприятии, объяснении: *Кокуй, кукуй — небольшой лесной островок, рощица среди поля* — Нея). В таких значениях наблюдается в основном общая для них сема ‘что-то над чем-то возвышающееся’.

Данные слова и их производные, являющиеся ландшафтными терминами, загадочными и интересными с точки зрения происхождения, исчезающими из живой народной речи, закрепились в образованных на их основе топонимах, которые сохраняют ин-

формацию об их наличии, распространении, семантике, составе, функционировании, восприятии диалектоносителями. Топонимы свидетельствуют также и о смешении географических терминов **кокуй** и **кукуй**, которое наблюдается практически повсеместно. Собственно топонимия представлена в основном комонимами (следует отметить, что наряду с гидронимами и другими видами топонимов они имеются в разных регионах России): **Кукуй** (Шарьинск.), **Кукуй** / **Кукуйка** (Островск.), **Кукуй-1**, **Кукуй-2** (известны с XIX в., когда там были отмечены **Кукуевские кордоны**; *В семи километрах от нас — Кокуй, теперь говорят Кукуй / Есть Кукуй Первая и Кукуй Вторая* — Тимошино Макарьевск.), **Кокуево** (*Кокуево стоит на реке Нельша — Нея; Кокуево деревня есть ещё* — Судиславль), **Кокуйки** (*Сейчас в Кокуйках уже никто не живёт* — Контеево Буйск.). Это названия расположенных в разных местах Костромской области селений (часть из них уже относится к числу исчезнувших), возможно, являвшихся выселками и/или находившихся на возвышениях, а возможно, соответствующих и другим их характеристикам. Названия такие носили и части селений (возможно, когда-то бывшие и отдельными селениями): улица **Кокуй** (*Главная улица называлась Кокуй, была грязной, непроезжей. Сейчас это улица Первое Мая, Первомайка / Были мы за Порвомайской-Кокуем* — Шокша Галичск.; наблюдается связь с характеристикой места 'непроходимое, труднодоступное'). Комонимы становятся основой для создания микротопонимов, образуя топонимические гнезда, что способствует сохранению данной лексики: **д. Кокуево** → **Кокуевский омут** (с суффиксом принадлежности *-ск-*; *Кокуевский омут — напротив деревни Кокуево — Абросимово Нейск.*).

Микротопонимия представлена в основном названиями лесных участков и мест в них, что соответствует основной семантике рассматриваемых географических терминов (ср. в СРНГ: в центр. чернозем. России, в обл. лесостепи *кукуй* — перелески, *кокуй* — название для перелесков, Русск. энц. 1911): **Кокуй** (*Кокуй — лесной участок перед Кокуево* — Нея), **Кукуевский лес**, **Кукуевское болото** (*Кукуевское болото — болото в Кукуевском лесу* — Кузовцово Костромск.), **Кукуйка** (*Кукуйка — смешанный лес южнее деревни* — Кузьмищи Костромск.), **Кукуево** (*Лесок это Кукуево* — Василёво Сусанинск.). Название лесного участка, участка рельефа, обычно становится названием находящегося в нём места (часто

название создаётся лексико-семантическим способом), в результате чего возникают небольшие микротопонимические гнёзда: лесок *Кукуёво* → ягодное место, малинник *Кукуёво*, лес *Кукуйка* → грибное место *Кукуйка* и т. п.

Источником для исследований лексики являются произведения писателей, связанных с костромским краем. Так, микротопоним *Кокуй*, отражающий особенности именуемой им местности, находим в комедии «Дикарка» А. Н. Островского, написанной им в соавторстве с Н. Я. Соловьёвым. Произносит его Сысой, слуга помещицы Ашметьевой: «Это место по древности, от старых людей — Кокуй называется. Когда покойный барин, царство небесное, эту рощу под парк оборотили, так и беседка тут была построена, и строгий был приказ от барина всем, чтоб это самое место «Миловида» прозывалось; а барыня, напротив того, желали, чтоб бесприменно «Бельвю». Почитай что до ссоры у них доходило... Ну, а мужики, помилуйте!.. им не вобьёшь в башку-то, разве с ними возможно! Они и теперь всё Кокуй да Кокуй» (архитектурный термин *миловида* означает видовую площадку в виде беседки; франц. *бельвю* — красивый вид). В представленном в комедии описании легко узнаётся место на возвышении в усадьбе Щельково, с которого открывается прекрасный вид. Кокуем, Кокуйкой называлось находившееся недалеко от Щелькова селение. Название сохранилось за лесом, грибным местом, хорошо известным и в настоящее время (*За грибами в Кокуйку ходят. Теперь Кокуйка называют — Щельково Островск.*).

В рассказах старожиллов о местах и их названиях, в легендах наблюдается стремление связать происхождение топонимов с тем, что имеет название с подобным корнем: *кукушка / кокушка, куковать* и т. д. (в *Кукуйке постоянно кукует кукушка — Кузовцово Костромск.*; *Извозчики вязли на Кокуе в грязи и куковали, прося о помощи — Галич*). В определённой степени это обыгрывается в народных выражениях: *Вот тебе кокуй, с ним и кукуй* (Лисицино Кологривск.). Такая информация, наряду с другими моментами, представляет интерес при рассмотрении вопросов о восприятии географического пространства, о пространственных отношениях.

Как показывают наши наблюдения, слова *кокуй* и *кукуй* и их производные в живой народной речи звучат обычно в качестве топонимов и являются ценным источником их изучения.

Т. В. Шалаева

Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

К этимологии слова *сквозезный* в «Причитаниях Северного края» Е. В. Барсова

В «Причитаниях Северного края», записанных Е. В. Барсовым в Олонецкой губернии во второй половине XIX века, содержится прилагательное *сквозекóзный*, чье происхождение кажется интересным и неочевидным. Оно, например, зафиксировано в контексте: *Хитроумны стали власти сквозезные* [Барсов 2: 50].

В [СРНГ 38: 146] значение данной лексемы не указывается. В словаре и примечаниях, прилагаемых к «Причитаниям», первая часть в *сквозекóзный* толкуется как ‘только, исключительно’ [Барсов 2: 640] и ‘везде, всюду’ [Барсов 1: 382]. Последнее значение, действительно, широко известно русским говорам [СРНГ 38: 149], тогда как ‘только, исключительно’ нигде не фиксируется. Однако в «Причитаниях» *сквозь* функционирует исключительно как предлог в значении ‘через, сквозь’.

О. Д. Сурикова формулирует семантику *сквозекóзный* как ‘такой, который чинит неприятности’, считая, что это сложное слово появилось из сочетания *строить козни*, а исходная первая часть *строе-* была преобразована в *скрозе-* меной *т/к* и протезой *з* в результате сближения с предлогом *сквозь* ‘сквозь, через’ [Сурикова 2019: 338]. Такая трактовка вызывает вопросы, поскольку, во-первых, структура *строекозный нигде не отмечается; во-вторых, основы *строй-* и *скроз-* не являются настолько близкими фонетически, чтобы влиять на структуру друг друга. Представляется, что можно рассмотреть происхождение слова *сквозекóзный* иначе и определить именно такое его строение как первичное.

На это решение наталкивают случаи употребления *скроз-*, его фонетического варианта *кроз-* и синонима *сквоз-* в других сложных словах: ср. *скрозьземельный* ‘много испытавший, опытный (о человеке)’ (сарат.), ‘наблюдательный, пронизательный, «такой, который на два-три аршина под землей видит»’ (пенз., яросл.), ‘очень жадный’ (горьк.) [СРНГ 38: 150; ЯОС 9: 41], ‘знающий, опытный’ (волог.) [СВГ 11: 33]; *скроземельный* ‘много видевший и знающий, опытный (о человеке)’ (сарат., сталингр.), ‘нелюдимый (о человеке)’

(нижегор.) [СРНГ 38: 150] — очевидно, из *скрозьземельный*; *крозмёчно* (*крозьмёчно*) *провалиться* ‘запропасться, провалиться сквозь землю’ (перм.) [СРНГ 15: 272] — по-видимому, из *крозьземечно; *сквозземельник* (*сквозьземельник*) ‘бранное слово’ (вят.) [СРНГ 37: 404; ОСВГ 10: 105]; *сквозьмёчно провалиться* ‘исчезнуть внезапно’ (курган.) [СРНГ 37: 407] — очевидно, из *сквозьземечно.

Вторая часть композита *скрозекóзный* неизвестна в самостоятельном употреблении, однако отмечаются ее варианты с другими суффиксами: ср. др.-русск. *къзнъный* ‘коварный, злокозненный’ (ПрЛ XIII, 109а; Пр 1383, 152в) [СДРЯ 4: 351], *къзнивьи* ‘то же’ (ФСт XIV, 194г) [СДРЯ 4: 350], ст.-русск. *козненьый* ‘лукавый’ (Ник. лет. IX, 239. XVI в.) [Сл РЯ XI — XVII вв. 7: 226], *козноватый* ‘то же’ (М. Гр. III, 43. XVI–XVII вв. ~ XVI в.) [Там же], русск. *кóзненный* ‘хитрый и умышляющий, лукавый, коварный’ [Даль 2: 744].

Имеются случаи ее использования в сложных словах с другими корнями: ср. русск. диал. *кознекóзный* ‘изошренный в кознях, во зле’ (олон.) [СРНГ 14: 71], литер. *злокóзненный* ‘коварный, со злым умыслом’. В них при помощи редупликации и синонимичной основы усиливается негативная коннотация основы *козн-*.

Следовательно, можно утверждать, что *скрозекóзный* представляет собой сложение наречия *скрозь* (*скрозе*) ‘полностью, целиком, насквозь’ и прилагательного *козный, к значению которого добавляется сема ‘очень, в высокой степени’. Словообразовательными аналогами могут служить сложные прилагательные с начальными наречными по происхождению элементами *много-* и *мало-*, называющими высокую или низкую степень признака: ср. *многозначительный*, *многоценный*, *многомудрый*, *многоученый*; *малозначительный*, *малоценный*, *маловероятный*, *малограмотный* и др. [Толстая 2023: 34–35].

ЛИТЕРАТУРА

- Барсов — Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым / Изд. подготовили Б. Е. Чистова, К. В. Чистов. Т. 1–2. СПб.: Наука, 1997.
- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М.: ТЕРРА, 1995 (= 1880–1882).
- ОСВГ — Областной словарь вятских говоров: Учебное пособие по русской диалектологии / Под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Вып. 1–12. Киров: ВятГГУ, 1996–2018.

- СВГ — Словарь вологодских говоров: Учебное пособие по русской диалектологии / Ред. Т. Г. Паникаровская. Т. 1–12. Вологда: ВГПИ; Русь, 1983–2007.
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. / Гл. ред. Р. И. Аванесов (т. 1–4), Р. И. Аванесов и И. С. Улуханов (т. 5), И. С. Улуханов (т. 6), В. Б. Крысько (т. 7–). Т. 1–13–. М.: Наука; Азбуковник; Нестор-История, 1988–2023–.
- Сл РЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. С. Г. Бархударов (т. 1–6), Ф. П. Филин (т. 8–10), Д. Н. Шмелев (т. 11–14), Г. А. Богатова (т. 15–26), В. Б. Крысько (т. 27–29), Р. Н. Кривко (т. 30–31), Я. А. Пенькова (32–). Т. 1–32–. М.; СПб.: Наука; Азбуковник; Нестор-История, ЛЕКСРУС, 1975–2023–.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–24), Ф. П. Сороколетов (вып. 25–46), С. А. Мызников (вып. 47–). Т. 1–52–. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2021–.
- Сурикова 2019 — Сурикова О. Д. «Причитания Северного края» Е. В. Барсова как источник изучения лексики Русского Севера // Славянские архаические ареалы в пространстве Европы / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2019. С. 330–353.
- Толстая 2023 — Толстая С. М. Синтаксические основы славянского словосложения: Очерки. М.: Индрик, 2023.
- ЯОС — Ярославский областной словарь / Отв. ред. Г. Г. Мельниченко. Т. 1–10. Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1981–1991.

М. Н. Шевелёва

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Дательный принадлежности в древнерусских памятниках и в современных говорах

В современных русских говорах посессивные конструкции с Д. п. принадлежности фиксируются лишь спорадически, причем в разных говорах — чаще в северных (особенно архангельских), но отмечались и в южнорусских (курских, орловских и др.) [Кузьмина 1993: 43–45; Иванов Вяч. Вс. (ред.) 1989: 153], ср. приименные конструкции отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности: *хозеин дому, моёму-то мужу сёстра, брат ему* (арх.), *Ильи Пророку праздник* (новг.), *я ня вижу морю дна* (орл.) [Кузьмина 1993: 44–45], *сын Анне, жала пчале, помощник бригадиру* (курск.)

[Иванов Вяч. Вс.(ред.) 1989: 153], предикативные конструкции: *мне там доцька есь, именины были Володе-пареньку* (арх.), *ему горячка была, Тамарка мне не крещёна* (тверск.) и под. [Кузьмина 1993: 45], ср. также новые записи Р. В. Ронько из тверских говоров (устное выступление на Виноградовских чтениях ИРЯ им. В. В. Виноградова 25 янв. 2024 г.). Вопрос состоит в том, как исторически соотносится Д. п. принадлежности с основной общерусской посессивной конструкцией «у+Р. п.» и выявляются ли в ранний период истории русского языка диалектные различия, связанные с употреблением посессивных конструкций с Д. п.

Д. п. принадлежности хорошо известен другим славянским языкам, особенно южнославянским; его употребление в русском литературном языке вплоть до нового времени обычно связывают с церк.-слав. традицией [Вяч. Вс. Иванов (ред.) 1989 и др.]. В живом древнерусском языке основной конструкцией обладания с древнейших времен была конструкция с «у+ Р. п.» — примеры в бытовых грамотах многочисленны. Однако данные др.-рус. не книжных текстов показывают, что конструкции с Д. п. принадлежности др.-рус. языку тоже были известны, причем встречаются они как в новгородских берестяных грамотах, так и в южнодревнерусских источниках.

В новгородских берестяных грамотах в Д. принадлежности чаще всего выступают энклитические местоимения 1–2 л. (ср. регулярное употребление таких форм в притяжательном значении в современных ю.-слав. языках), ср. в приименной посессивной конструкции: *оу котораго **ти** сыноу вьр[ь]шь повели оти Ѡгдада дать Марене* № 798 XII в. ‘Тому из твоих сыновей, у которого есть зерно (букв.: у которого твоего сына зерно), прикажи, чтобы отдали дань Марене’ [Зализняк 2004: 321] — в предикативной посессивной конструкции: *присли привитькоу и повои ци **ти** многи повои а присли и до ѣ.ти повои* № 717 XII в. ‘Пришли привитку и повоев (или: повой). Если у тебя повоев много, то пришли их до пяти штук’ [Там же: 396]. Аналогичный пример из смоленской берестяной грамоты: *да же ти **ми** боудете дьбр[о] (а) прислоу ти...* Смол. 12, XII в. ‘Если же у меня (все) будет хорошо, то я пришлю тебе...’ [Там же: 344–345].

В южнорусской Киевской летописи XII в., особенно в прямой речи персонажей, известной отражением черт не книжного синтаксиса, широко представлено такое же употребление, особенно

в именных конструкциях при терминах родства: *Стрыи ти оумерль* 1164 г., 186г; *брата ти Романа бѣ погалъ* 1180 г., 217а; *ѡца ти есмы яли* 1173 г, 201а; с местоимением 3 л.: *преставилься башеть братъ ему мѣньшии* 1173 г, 200б; в приглагольных конструкциях с Д. п. посессора (обычно осложнено значением предназначенности): *есть ми к тобѣ орудие* 1161 г., 183б; *бѣ же ему болѣзнь крѣпка* 1172 г., 199в.

Много примеров с Д. п. неотчуждаемой принадлежности (части целого) от существительных представлено в «Слове о полку Игореве», ср.: *Ярославна рано плачеть Путивлю городу на заборолѣ; Готскія красныя дѣввы въспѣшиа на брѣгъз синему морю; Немизь кровави брезѣ и др.*, отчуждаемой принадлежности: *усобъица княземъ на поганяя погыбе* (см. также [Якубинский 1953: 181–182; Николаев 2020: 185, 560, 562 и др.]) — в берестяных грамотах подобных примеров не отмечено, ср., однако, аналогичные примеры с существительными в диалектных материалах.

Д.п. принадлежности представляет собой праславянский архаизм, восходящий к и.-е. эпохе, известный всем др.-рус. диалектам и в реликтах сохранившийся в современных русских говорах. Наиболее широко в др.-рус. эпоху он был представлен в употреблении личных местоимений (особенно энклитических форм) — диалектных различий в данном отношении не обнаруживается. Соответствующее употребление существительных, возможно, было более ограниченным, однако поскольку примеры из СПИ находят соответствия в современных говорах, вряд ли их следует однозначно трактовать как церковнославянизмы, а не как сохранившиеся в языке этого текста архаизмы.

ЛИТЕРАТУРА

- Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. Изд. 2-е изд. М., 2004.
 Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд. М., 2008.
 Иванов Вяч. Вс. (ред.). Категория посессивности в славянских и балканских языках. М., 1989.
 Кузьмина И. Б. Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М., 1993.
 Николаев С. Л. «Слово о полку Игореве»: реконструкция стихотворного текста. М., 2020.
 Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953.

*Н. В. Шевченко*Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург, Россия)

Имена собственные в образовании прозвищ (на материале липецких говоров)

Имена собственные и прозвища интересуют ученых еще с античных времен, обращается внимание на их создание, историческую эпоху, значение в языке и значимость в речи и тексте, символику, функции, выполняемые носителем имени или прозвища в тексте, и др.

Прозвище — это по существу второе имя человека, оно в большей степени индивидуально и значимо, т. к. дает более конкретную характеристику его носителю, определяет его поведение, привычки, род деятельности, физические особенности и т. д. Образуются прозвища от любого слова, называющего предмет, растение, животное, цвет и т. д. Многие прозвища произошли от имен собственных.

Современные прозвища от имен собственных (как показали материалы картотеки липецких говоров — 140 карточек) образуются преимущественно двумя путями:

- а) от прецедентного имени, связанного с историческим деятелем или персонажем художественного произведения, фильма, мультфильма или кличкой животного;
- б) от имени собственного какого-либо родственника в семье: мужа, отца, матери, деда и т. д.

Первая группа прозвищ полностью совпадает с именем (чаще всего) или фамилией исторического деятеля, литературного персонажа. Такие прозвища даются носителю по сходству с внешним видом, характером, привычками и т. д. При образовании второй группы прозвищ (от имен родственников) используются словообразовательные суффиксы или (реже) другие элементы. Эти прозвища имеют более разговорный, иронический и/или фамильярный характер.

Первую группу прозвищ в липецких говорах (70 примеров) образуют прозвища, основанные на прецедентных именах собственных, известных всем носителям национальной или мировой культуры. Такие прозвища зависят от знания жителями региона определенных исторических фактов или художественных произведений (в т. ч. фильмов и мультфильмов), т. е. характеризуют

общекультурный статус жителей конкретного региона. Подобные прозвища всегда образны (метафоричны или метонимичны): *Афоня* (по одноименному названию фильма «Афоня») — человек и внешне, и по поведению похож на героя фильма. Все такие прозвищные имена мы условно разделили на следующие подгруппы: а) антропонимические (имена людей) и б) зоонимические (клички животных).

К прозвищам, основанным на прецедентных именах национального и общечеловеческого плана, нами отнесены: а) имена исторических и известных личностей (*Адольф, Архимед, Балдарис, Басай, Бах, Беладонна*), б) имена персонажей художественных произведений, фильмов и мультфильмов (*Абай, Абдулла, Айболит, Афоня, Баба Яга, Бармалей, Буратино, Гулливер*); в) имена библейского происхождения (*Ананья, Андроп*); г) клички животных, преимущественно из художественных произведений, мультфильмов и т. п. (*Артемон, Барсик, Брекекеке*).

К именам, основанным на прецедентных высказываниях, отнесено прозвище *Бонифаций*: носитель этого прозвища любил повторять, что коня Александра Македонского звали *Бонифаций* (хотя на самом деле его звали *Буцефал (Букефал)*, а *Бонифаций* — лев из мультфильма).

К прозвищам-хрононимам отнесено имя, ассоциирующееся с артефактом: *Астор* — название сигарет, продаваемых в СССР. *Астором* прозвали мужчину с прической как на пачке сигарет с аналогичным названием. Прозвище здесь ассоциируется с изображением на пачке сигарет, но никак не с выпускающими такие сигареты владельцами заводов Асторами.

Почти все анализируемые прозвища, основанные на именах собственных, можно отнести к национально-прецедентным и в большинстве своем концептуально значимым для русской культуры феноменам, даже если они имеют иноязычное происхождение (*Адольф, Астор*), некоторые — к универсальным прецедентным феноменам (*Архимед, Бах*).

Прозвища лиц, в основе которых лежат известные клички животных, можно разделить на две группы: а) внешнее сходство (*Артемон* — курчавые волосы, *Брекекеке* — выпученные большие глаза, как у лягушонка); б) постоянное использование конкретных имен в речи: *Аврора, Бонифаций*.

Ко второй группе (70) относятся прозвища, образованные от имен, фамилий, отчеств ближайших родственников (мужа, деда, матери и т.п.): *Авдоха* (от имени *Авдотья*), *Агапка* (по имени деда *Аган*), *Айнечка* (от фамилии *Айникова*), *Алёнуха* (от имени *Алёна*), *Аксак* (от фамилии *Аксаков*), *Алехан* (по имени деда *Алексей*). В основе их образования лежат словообразовательные аффиксы (чаще — суффиксы).

К этой группе отнесены также прозвища: а) от имен с закрепленными за ними конкретными значениями (в т.ч. и переносными, метафорическими): *Акулька* — растяпа, *Алик* — пьяница, алкоголик, *Аноха* — простофиля, дурак, *Аниска* — задиристая, драчливая, бойкого нрава, женщина, веселая по характеру; *Емеля* — дурак, пустомеля, *Альфонец* (от *Альфонс*) — любитель жить за счет женщин.; б) библейского происхождения: *Ангел*, *Антихрист*, *Анчихрист*, дающие их носителю (кроме *Ангел*) негативную оценку, связанную с отсутствием веры в Бога или с нечистой силой; в) называющие человека по месту происхождения или национальности: *Аварочка*, *Абрек*, *Амурец*, *Азиатка*, *Армянин*, *Армян*, *Африканец*, *Болгар*, *Казак*, *Калмык*, *Кацап*, *Индус*, *Касимка* (татарин) [Шевченко 2022: 196–208].

К этой группе отнесены и такие прозвища, как: *Аляска*, *Кацап*, *Анчутка*. *Аляской* жители липецких говоров называли учительницу географии, видимо, заострившую на своих уроках беседу об Аляске; *Кацап* — не местный, бродяга, косолапый, неопрятный, с плохим выговором; *Анчутка* в разных регионах имеет разные значения: а) чудная, взбалмошная женщина; б) прозвище от имени Анна; в) нечуткий, жестокий человек и др. '*Анчутки* — чертенята. *Допился до анчутков*' [Даль 1: 19]; '*Анчутка* — 1. Черт, дьявол, бес; антихрист. 2. Неряха, грязнуля. 3. Человек, представляющий себя бедным, несчастным' [СРНГ 1:262–263].

Таким образом, почти все анализируемые прозвища, основанные на именах собственных, условно разделены на две группы: а) связанные с прецедентными феноменами и б) образованные от имен собственных родственников (реже — знакомых). В первой группе выделяются национально-прецедентные и в большинстве своем концептуально значимые для русской культуры феномены (*Адольф*, *Астор*) и универсально прецедентные феномены (*Архимед*, *Бах*).

ЛИТЕРАТУРА

- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х тт. М.: Дрофа, Русский язык Медиа, 2008.
- Словарь русских народных говоров. М. — Л. — СПб: Наука, 1965–2017. Вып. 1–50.
- Шевченко Н. В. Прозвища, основанные на именах собственных (на материале липецких говоров) // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2022 / Отв. ред. О. Н. Крылова. СПб.: ИЛИ РАН, 2022. С. 196–208.
-

Р. В. Шириаков

Пензенский государственный университет
(Пенза, Россия)

**Функционирование именной флексии -у в говоре
с. Ушинка Земетчинского района Пензенской области
(синхронно-диахронический аспект)**

Изучение процессов, протекающих в современных русских народных говорах, остается одной из актуальных задач отечественного языкознания в области диалектологии. Возрастающее влияние литературного языка на говоры, затрагивающее все уровни диалектных систем, дает возможность говорить о том, что в настоящее время в пределах любого говора имеют место различные формы сосуществования по меньшей мере двух взаимодействующих систем — диалектной и литературной. Основная тенденция развития современных русских народных говоров заключается в сближении их с литературным языком. Его влияние в основном в равной мере испытывают все русские говоры, но «отклик» самих диалектных систем на это воздействие неодинаков. Это обусловлено тем, что в каждом конкретном случае при взаимодействии литературной и диалектной систем проявляется действие различных языковых и экстралингвистических факторов (например, с литературной системой взаимодействуют диалекты, различные по типу, степени устойчивости, по конкретно-историческим условиям бытования и т. п.).

Говор с. Ушинка представляет интерес тем, что в 20-х годах прошлого века он был изучен проф. А. Н. Гвоздевым. Его характеристика содержится в статье А. Н. Гвоздева «Описание говора села

Ушинки Спасского (б. Керенского) уезда Пензенской губернии»¹, в которой, однако, отсутствуют упоминания о формах имен существительных на -у.

Говор села Ушинка обследовался нами в период с 2012 по 2014 гг.

Рассмотрим особенности употребления именной флексии -у в говоре села Ушинка в настоящее время и в ранний период его существования (1-я половина XVIII в.), обусловленные соответствующими грамматическими категориями имен существительных.

Несколько широкая по сравнению с литературным языком распространённость флексии -у в исследуемом ушинском говоре имела место в формах неодушевленных существительных единственного числа мужского рода — в род. и предл. падежах.

1. В литературном языке форма род. падежа на -у недавно имела в основном количественно-выделительное значение и образовывалась от существительных вещественных, собирательных, отвлеченных: *кружка квасу, много народу, мало жару*; она могла также употребляться в предложных сочетаниях, близких по значению к наречиям и образуемых отвлеченными и (реже) конкретными существительными: *со страху, без отдыху, из лесу*.

В говоре села Ушинка подобные формы широко распространены: *нас'эит' л'нү, мно́го шалкү, д'эс'ят' аршы́н кумачү, скол'к'ь(к'ь) см'ахү, ма́ль талкү*.

В говорах возможно и более широкое употребление флексии -у в род. падеже. В частности, в исследуемом говоре родительный на -у встречался у конкретных существительных со значением времени и места: *д'ь пастү, ат в'ал'икав'ь пастү, с чит'в'ар'гү, д'ен' ата д'н'ү, с этв'ь б'ир'ашкү, д'ь кан'цү үл'ьцы, ис кан'цү д'ь кан'цү с'алá*.

2. Форма на -у в предложном падеже существительных мужского рода в современном русском языке образуется от неодушевленных существительных, преимущественно с односложной непроемной основой и с начальным ударением во всех формах единственного числа, кроме предложного, при употреблении с предлогами *в, на* в пространственном и временном значениях: *в лесү, на векү*. Такие в принципе были грамматические регламен-

¹ Описание говора села Ушинки Спасского (б. Керенского) уезда Пензенской губернии // Труды Комиссии по Диалектологии Русского Языка. в. 9. М., 1927. — С. 79–87.

тации относительно предложного падежа на -у в литературном языке конца XVIII — начала XIX вв.²

В говорах (как в прошлом, так и сейчас) флексия -у распространена более широко. Она может быть у существительных одушевленных (*на быку́*), у слов, имеющих в литературном языке неподвижное ударение на окончании или на основе (*в зипуну́, в стакану́*), при сочетании с другими предлогами (*при сыну, о сыну*); флексия -у возможна у слов среднего рода (*в гнезду́*). Такая широта употребления -у характерна, например, для говоров юго-западной диалектной зоны.³

Флексия -у в местном падеже единственного числа существительных была распространенной и в рязанских говорах XVII—XVIII вв. Так, Г. С. Галкина отмечает употребительность в них формы на -у не только у существительных с подвижным типом ударения (типа *дом, торг, след*), но также у слов с неподвижным ударением на основе (*пчельник* и др.), у существительных одушевленных (*при Макару Антонову*); у слов с предлогами *о, об* (*о прибавку, о найму*); у существительных среднего рода, преимущественно с безударным окончанием, имеющих собственно абстрактное и местное значение (*в разоренью, в домишку*).⁴

В исследуемом говоре предложный падеж на -у представлен более широким кругом слов мужского рода: в отличие от литературного языка, он встречается у слов не только с подвижным типом ударения (*лес — лёса — лёсу — в лесу́*), но и с неподвижным, чаще всего окончательным (с устойчивым ударением на окончании: *в бл'ину́, в снапу́, в йао́ уму́, нь дажжу́, нь снапу́, нь ствалу́, нь шинуру́, нь суду́, нь кусту́, нь хламу́, на д'н'у́* — формы на -у от существительных этого типа были известны литературному языку конца XVIII — начала XIX вв., в некоторых случаях они были связаны

² Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX в. // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. М., 1964. — С. 187.

³ См., напр.: Котков С. И. К изучению орловских говоров // Уч. зап. Орловского пединститута, т. 7, в. 3. Орел, 1952. — С. 88–96; Демидова Г. И. Именное склонение в брянских говорах // Материалы и исследования по диалектологии. Л., 1968. — С. 33–35.

⁴ Галкина Г. С. Морфологические особенности рязанских говоров XVII—XVIII веков // Уч. зап. Тульского пединститута, в. 8. Тула, 1958. — С. 200–202.

с колебаниями в ударении существительных⁵; *нъ бугрѹ, в жыватѹ, нъ камнѹ, нъ канѹ, нъ кастрѹ, на гнѹ, ф' п'ирагѹ; нъ б'ир'ашкѹ, нъ сн'ашкѹ, нъ лушкѹ, ф пушкѹ* — в конце XVIII — начале XIX вв. подобные формы от существительных с суффиксом -ок употреблялись в литературном языке⁶; с устойчивым ударением на основе: *в улѹ, в эн'т'им м'ис'ацѹ, ф кырабѹ, ф пьграбѹ, в вырахѹ*.

3. В ушинском говоре сфера функционирования флексии -у была расширена в связи с частичной утратой категории среднего рода: *в бал'шѹу балѹту, свайѹ слѹву, наѹу мѹслу*.

4. Многим южнорусским говорам известно расширенное употребление ударенной флексии -у в винительном падеже единственного числа существительных женского рода на -а вследствие замены в ряде случаев древнего подвижного ударения неподвижным на окончании, т. е. в них произносится не только *женѹ, метлѹ*, где конечное ударение постоянно, но и *ногѹ, доскѹ, зимѹ, рукѹ* и под.

Ушинскому традиционному говору эта особенность не свойственна. Видимо, и в прошлом он не имел ее: до сих пор говор сохраняет формы с архаическим типом ударения. Произносится не только *гѹру, зѹму, ногѹ, спѹну, стѹну*, но и *бѹрѹзду, гѹбу, зѹлу, ѹзбу, кѹнну, ѹфѹ, пѹльсу, сѹмѹу, скѹвѹрьѹду, сѹхѹ*.

Сохранение ударения на основе в данной категории слов свойственно севернорусскому наречию.⁷

В рязанских говорах такое ударение зафиксировано в «Трудах» Московской диалектологической комиссии для ряда уездов, в том числе для Спасского⁸, с говорами которого исследуемый ушинский говор обнаруживает наибольшее сходство.

Все названные особенности, касающиеся функционирования именной флексии -у, в той или иной мере до сих пор свойственны традиционному говору села Ушинка Земетчинского района Пензенской области.

---

⁵ Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX в. // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. М., 1964. — С. 196–199.

⁶ Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. М., 1964. — С. 197.

⁷ Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке. Л., 1927. — С. 275.

⁸ Труды МДК, серия 2-я. // Русский филологический вестник. Т. 68. Варшава, 1912. — С. 10, 14–16; Т. 70. № 4, в. 2. — С. 282.

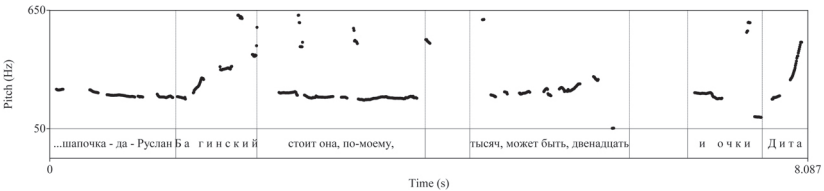
Т. Е. Янко

Институт языкознания РАН
(Москва, Россия)

Русская просодическая инновация и ее западноевропейские и региональные аналоги

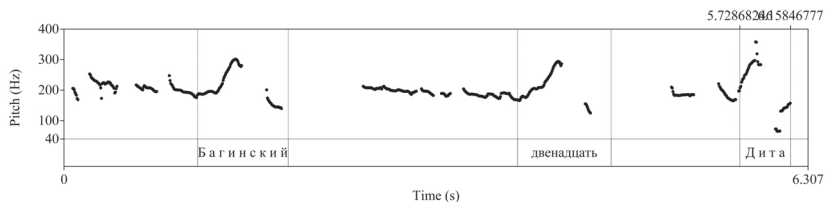
Анализируется интонационная конструкция ($\approx$ акцент), которая характеризуется подъемом частоты тона F_0 на ударном слоге словоформы-акцентоносителя с последующим поступательным подъемом частоты на заударных слогах, если они есть. Далее мы называем этот акцент градуальным подъемом. Наблюдения говорят о том, что в настоящее время этот акцент все чаще обнаруживается в речи жителей Москвы и Санкт-Петербурга, преимущественно молодых женщин при обозначении незавершенности дискурса. Текущий шаг повествования не конечный, продолжение повествования впереди:

- (1) *Шапочка — да, Руслан Багинский¹, стоит она тысяч, может быть двенадцать, и очки Дита...*

Кривая изменения частоты тона в примере (1) демонстрирует градуальный подъем на словоформах *Багинский*, *двенадцать* и *Дита*. В наддиалектном литературном варианте на тех же словоформах фиксировался бы дефолтный показатель незавершенности ИК-3, по Е. А. Брызгуновой [1982], с подъемом на ударном слоге плюс падение на заударных слогах, ср. график лабораторного чтения:

¹ Полу жирным шрифтом выделена словоформа — носитель акцента. Выбор акцентоносителя лицензируется определенными лексико-синтаксическими параметрами [Янко 2001: 69–83]. Здесь проблему выбора акцентоносителя мы оставляем в стороне.

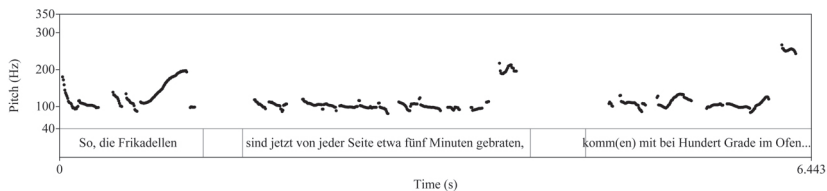
В списке интонационных конструкций Е. А. Брызгуновой градуальный подъем отсутствует. Наши наблюдения над этой инновацией в речи девушек занимают около десяти лет.

Ставится задача рассмотреть просодические и функциональные аналоги градуального подъема в некоторых западноевропейских языках и в региональном варианте русского языка, на котором говорят в Одессе и который, предположительно, испытал германо-язычное влияние.

Современный немецкий язык имеет близкий аналог русской инновации, прежде всего, по форме:

(2) *So, die **Frikadellen** sind jetzt von jeder Seite etwa fünf Minuten **gebraten**, komm(en) mit bei Hundert Grade im **Ofen**...*

Итак, тефтели уже примерно по пять минут с обеих сторон обжарены, помещаются в печь при температуре примерно сто градусов...²

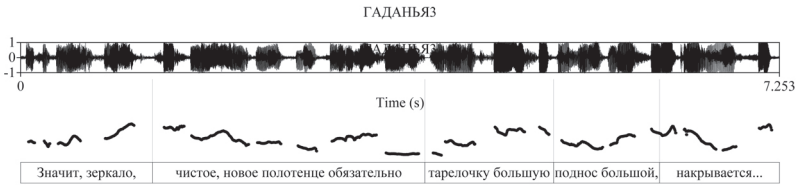

В примере (2) градуальный подъем фиксируется на словоформах *Frikadellen*, *gebraten* и *Ofen*. В немецкой интонологии разработана специальная нотация для этого акцента в автосегментных терминах: $L^*H\text{-}^{\wedge}H\%$ [Grice, Baumann, Benz Müller 2005]. Фрагмент L^*H (движение частоты от низкой точки L , к высокой H) обозначает подъем на ударном слоге, а фрагмент $\text{-}^{\wedge}H\%$ — градуальный подъем на заударном слоге. Знак $\wedge$ указывает на то, что подъем на заударном начинается от того уровня частоты, который достигнут на ударном слоге. В немецком языке градуальный подъем тоже

² Пример заимствован из [Палько 2010].

служит для указания на дискурсивную незавершенность, однако с дополнительным значением упорядоченности шагов повествования во времени, в пространстве или в соответствии с их внутренней логикой. В русском языке эту функцию выполняет акцент ИК-4 [Брызгунова 1982], ср. рассказ гадалки:

(3) *Значит, зеркало, чистое, новое полотенце обязательно, тарелочку большую, поднос большой, накрывается...*

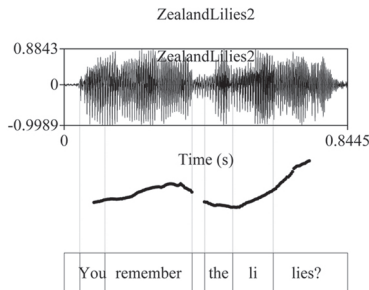

Если по функции между русским молодежным градуальным подъемом и немецким имеется тонкое различие, то различий в тональной структуре акцента мы не видим.

В английском языке, как в британском, так и в американском, при выражении дискурсивной незавершенности мы не наблюдаем ни градуального подъема, ни какого бы то ни было средства выражения рассказа по порядку. Здесь это значение просодически не выражается.

В новозеландском английском градуальный подъем представлен, однако используется он не только для указания на незавершенность, но и для формирования *да-нет*-вопроса:

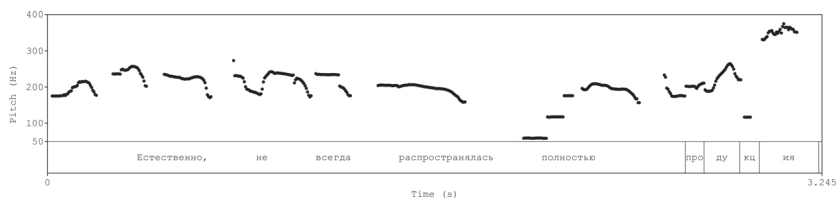
(4) *You remember the lilies?*

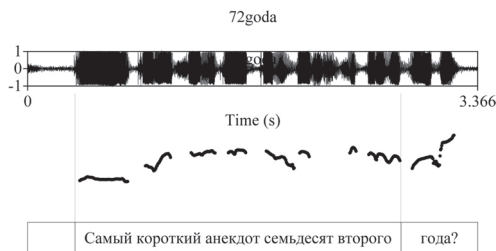
Аналогичная ситуация наблюдается и в нидерландском языке. И наконец, в одесском региональном варианте русского языка гра-

дуальный подъем маркирует и незавершенность (в неупорядоченной последовательности шагов повествования), и *да-нет*-вопрос:

(5) *Естественно, не всегда распространялась полностью продукция...*

(6) *А самый короткий анекдот семьдесят второго года?*

* * *

В речи молодых жительниц Москвы и Санкт-Петербурга наблюдается просодическая инновация: подъем частоты основного тона на ударном слоге словоформы-акцентоносителя плюс поступательный подъем на заударных слогах. Акцент используется для указания на дискурсивную незавершенность. Акцент имеет параллели в западноевропейских языках, однако причин для выдвигения гипотезы о языковой интерференции не обнаружено.

ЛИТЕРАТУРА

- Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика. Том 1. М.: Наука. 1982. С. 98–122.
- Палько М. Л. Интонационные средства выражения коммуникативных значений (на материале немецкого и русского языков). АКД. М. 2010. 27 с.
- Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М. ЯСК. 2008. — 384 с.
- Grice M., Baumann S., Benzmüller R. German Intonation in Autosegmental-Metrical Phonology // Prosodic Typology: The Phonology of Intonation and Phrasing. Oxford University Press. 2005

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
РУССКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ**

Материалы
международной конференции
25–27 октября 2024 г.

Макет: *С. В. Родионова*

Гарнитура Newton. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать цифровая
Усл. печ. л. 18,0
Тираж 100 экз. Заказ №